

Мажит Каримов

*Болъ моего
серднца*

**Каримов Мажит Каримович детский писатель.
Лауреат премии имени Тоголок Молдо**

МАЖИТ КАРИМОВ

БОЛЬ МОЕГО СЕРДЦА

Повести и рассказы

Для детей старшего школьного возраста

Бишкек 2016

74234

УДК 821.51
ББК 84 ки 7-4
К 21

К 21 Каримов Мажит

Боль моего сердца: повести и рассказы. Для детей старшего школьного возраста – Б.: 2016. – 264 с.

ISBN 978-9967-9025-6-5

Эта книга-трилогия, издаётся под общим заголовком "Боль моего сердца", в которой автор, описывая жизнь мальчика-сироту, показывает тяжёлую судьбу детей сирот в годы Великой Отечественной Войны. Он как никто другой знает об их судьбах, так как сам вырос сиротой.

К 4702300100-16

ISBN 978-9967-9025-6-5

УДК 821.51

ББК 84 ки 7-4

© Каримов М., 2016

Дети мои! То, чего я достиг в жизни – это дар Бога!!!
И за все свои достижения я благодарен любимой жене
и детям, которые прошли со мной эту трудную,
мучительную, долгую дорогу. Я благодарен судьбе
за все блага, которые она мне подарила!!!

С любовью,
Ваш отец Мажит Каримов

В ДОБРЫЙ ПУТЬ, ЧЕЛОВЕК! (Повесть)

О, родной мой край, Тулга!
Увижу ли я снова
Твои прекрасные степи и луга!
Автор

1. НЕ УЗНАЕТЕ? ЭТО Я - КУБАНТАЙ!

Солнце медленно опускалось за горизонт. Августовская жара стала постепенно спадать, подул прохладный вечерний ветерок.

Вокруг тишина. В свободном пространстве лежит сонное поле. То там, то здесь видна одинокая полынь.

Эту местность называют Какыр-Талаа. Мальчик, о котором мы собираемся рассказать, сидел в этой местности и отдыхал. Сегодня ранним утром он вышел из села. Он шел весь день, нигде не останавливаясь. В конце концов так устал, что не смог сделать и шага. Его зовут Кубантай.

Сегодня он не доберется до намеченного места. Сколько бы он ни старался, ни бежал изо всех сил, все равно не сможет осуществить задуманное, так как дорога дальняя, впереди много трудностей, но Кубантай не боится. Ему хорошо знакомы все подъемы и спуски этой дороги. Он знает, что ему незачем спешить. Лучше будет, если он отдохнет.

Мальчик, подложив обе руки под голову, лег на спину. Он с детства любит так лежать. Над головой высокое, чистое небо. Смотря на высокое, чистое небо, он придаетея своим мечтам, думам и забывает свою усталость, трудности, которые ему пришлось преодолеть.

Что ни говори, а одному не хорошо. Услышав какой-либо шорох, он вздрагивает, резко поднима-

Жудамыш Шыйкымбаевич и стал торопить: - Когда уже дойдём? Который дом ваш?

Кубантай не отвечал ему. Склонив голову, он молча шёл впереди. Конечно, ещё будучи в детском доме, надо было предположить куда идти. Но, Кубантай так не сделал. Свою ошибку он понял сейчас.

"Лишь бы добраться, до Пайнапа, а там посмотрим", - думал он тогда. Оказывается, ошибся. Если бы он был один, мог бы посидеть на окраине села и подумать к кому идти. Теперь это невозможно, захочет ли воспитатель?

Кубантай вспомнил своих сверстников: " Может к Бектуру зайти? Они вдвоем с матерью живут. Или к Нурдину? Нет к ним нельзя, лучше пойду к Жумашу!"

" Когда же дойдём?"

" Сейчас, скоро!" - говорит Кубантай и быстро шагает вперед. Он давно бы избавился от назойливых слов Жудамыша Шыйкымбаевича " Когда же дойдем?" Он смог бы это сделать, ему это под силу, так как, дом сестры Кадичи рядом. Но, он не осмеливается зайти к ней. Ведь он сбежал оттуда в детдом. Теперь боится, что она будет ругать. С другой стороны он беспокоится, чтобы не обиделся Жудамыш Шыйкымбаевич. Об этом Кубантай подумал еще в районном центре, когда машина выехала на тропинку, по которой не смогла бы проехать. И каждый раз, когда воспитатель, нахмутив брови, спрашивал: " Когда же дойдём?" - сердце Кубантая ёкало. В душе он мучился: " Хоть бы он не говорил этих слов!" - А Жудамыш Шыйкымбаевич повторял их несколько раз. От этого Кубантай ещё больше смущался. Он чувствовал себя виноватым в том, что так далеко привёл его, замучил. С самого утра Кубантай старается угодить ему, но на Жудамыше Шыйкымбаевиче нет признаков сострадания к мальчику. Лицо его побледнело, впалые глаза кажутся страшными.

Кубантай не может смотреть прямо в лицо воспитателю. Он может определить сердится или огор-

чается воспитатель только по голосу. Прислушивается, ожидая, что он ещё скажет. Если он замолкает, то мальчик облегченно вздыхает. Пользуясь этим, старается быстрее пройти отрезок пути. А Жудамыш Шыйкымбаевич вновь и вновь повторяет:

“ Когда же дойдём?”

“ Сейчас, сейчас дойдем!”

Кубантаю становится жалко воспитателя: “ Устал Жудамыш Шыйкымбаевич. Жаль, были бы у меня крылья, посадил бы его на спину и полетел бы!” - думает он про себя.

Но, знает ли эти чистые и искренние мысли ребенка этот человек? Понимает ли, что Кубантай всегда мечтал дарить людям радость, делать добро? Нет не заметно, что Жудамыш Шыйкымбаевич понимает это. Видно, что он замерз и занят собой. Идет, засунув руки в рукава, съёжившись.

- Когда же дойдем? Мы уже все село обошли где же твой дом?

- Сейчас, сейчас дойдем! Вот и пришли! Но до каких пор, Кубантай будет обманывать взрослого человека? Если не у сестры Кадичи, так хоть у кого-нибудь надо остановиться! Но у кого? Этот вопрос и мучил мальчика.

- Эй, аксакал, послушайте- сказал воспитатель. От этого Кубантай резко повернулся.

- Вы знаете этого мальчика? Чей он сын? Где его дом? - спрашивал воспитатель у старика. В начале Кубантай не смог различить лица этого человека. Но по голосу узнал, что это муж сестры Кадичи- Сатар.

- Дядя Сатар!- мальчик подбежал к нему. Вы не узнаете меня? Это я- Кубантай!

- Ээ,ээ! Кубантай?! Вот это, да- а! Вот молодец! Иди, сынок, иди!- дядя Сатар выбросил лопату на снег, спустился по лестнице вниз и протянул руку мальчику.

- Ну, как? Охо-о! Да ты статным джигитом стал! А говорили, что ты в город..., как это называется...- слышали, что ты сбежал в детдом, правда ли?

- Да правда. Сейчас иду с Багыша!

- С Багыша? Это там, за Джалал-Абадом? А как ты туда попал? Кто тебя отвез?

- Да, так...- Кубантай опустил голову.- Я сам ушел...

- О, Аллах, смотри на него! Кто бы мог подумать, что ты способен на это? Ну-ка пошли домой!

- Сестра будет ругать,- остановился Кубантай.

- Не бойся! Я же рядом. Она и сама переживает, что ты ушёл.

"Так тебе и надо!- подумал мальчик.- Как же она встретит меня?"

Когда они вошли во двор, Сатар громко сказал:

- Оо, Кадича! Вот пришел тот, кого мы потеряли! Смотри как он вырос! Выходи сюда!

В это время Кадича хлопотала у очага. Она не спеша встала, увидела Кубантая и даже не поздоровалась. Повернулась и ушла в комнату. "Дядя Сатар обманул меня, - подумал Кубантай,- да разве характер сестры исправишь?"

Но, мальчик не огорчился такому приёму, ведь он хорошо знал характер сестры. Обижайся, не обижайся- никакого толку. Кубантай думал лишь об одном- лишь бы не ругала! Если она разозлится, может и из дома выгнать и опозорить перед воспитателем.

Кубантай направился к очагу, он всматривался в яркое пламя хвороста.

Казан на очаге, деревянная крышка почернела от огня. В казане кипело молоко. Это Кубантай почувствовал ещё в прихожей и сразу же вспомнил свою рыжую корову. В день смерти матери аксакалы собрались и решили: "Эта корова- всё, что осталось от Арзыкула!" Они установили цену и продали её им.

Сатар, взяв в руки ожег, стал усиливать огонь в очаге.

- Садитесь сюда, пейте чай! Совсем замёрзли, согрейтесь!

Жудамыш Шыйкымбекович не соглашался:

- Спасибо, аксакал, спасибо! Я должен вернуться, дорога дальняя!

Кубантай, прикрывая ладонями покрасневшее от пламени лицо, думал: "Видимо, Жудамышу Шыйкымбаевичу не понравилось поведение сестры!"

Мальчик, ещё год назад считавший дом сестры прекрасным приютом для себя, теперь был разочарован. Его мировоззрение изменилось. Уже давно он стал сравнивать жизнь села Пайнап и мог сделать определенные выводы. Он сравнивал село Пайнап с селом Багыш, с селениями, встретившимися в пути и не смог найти сходства в них. Здесь и улицы, и дома другие. Село какое-то полупустынное, да и находится на отшибе.

У него перед глазами прошла жизнь в детдоме. Там всё было чистым, тёплым, даже было электричество. Была кровать, постельное бельё, одеяло. И кормили хорошо, каждую неделю были в бане, давали сменную одежду. Учились в школе, в свободное время играли с детьми. Там он впервые узнал, что такое шахматы и шашки.

"Зря пришёл. Если, что уйду вместе с Жудамышом Шыйкымбековичем обратно!" - успокаивал сам себя мальчик.

Да и у воспитателя нет настроения. Держась за дверь, так и стоит у порога: ни в дом не заходит, ни назад не уходит. Говорит "тороплюсь", но стоит, переминаясь с ноги на ногу.

- Что за человек! В доме стало холодно! - заворчала Кадича, - скажите ему или пусть зайдёт, или закроет дверь!

Сатар нахмурился:

- Наверное не хочет.

- Не хочет- не надо! Закройте двери! Холодно!

- Только после этого Жудамыш Шыйкымбекович зашёл в дом, закрыл дверь, но не стал садиться. Свернул в газету махорку и закурил. Комната наполнилась дымом и от неприятного запаха все ста-

ли морщиться. Но гость не обращал на это внимания и без конца курил. У него был таинственной вид, он был очень задумчив. Казалось, что его беспокоят какие-то мысли, которые он не может высказать. Когда он закуривал его губы сжимались в трубочку, глаза сужались. Он выплюнул махорку, видимо, ему уже надоело, бросил остаток под ноги и растоптал. Казалось, что он хочет поднять скандал. Ведь, не зря он злится, показывая свой характер.

Поманив указательным пальцем, он подозвал к себе Кубантая. Пока мальчик шёл к нему подумал: "Наверное, он заберёт меня обратно?"

А Сатару и Кадиче, видимо, уже давно была известна суть дела, они знали, что сейчас произойдет неприятное событие.

- Кто это? Это их ты искал? - спросил воспитатель.

Кубантай кивнул головой.

- А-а, так, понятно! - сказал Жудамыш Шыйкымбекович и стал говорить то, чего никто не ожидал:

- Ты должен снять одежду! Я её обратно отнесу в детдом! Да, да, у нас такой порядок!

Кубантай в начале ничего не понял, не поверил: "Неужели?! Как?!"

- Быстрее! - стал торопить воспитатель. Потеряв надежду, Кубантай стоял в растерянности. Ожидая поддержки, он посмотрел на Сатара. А как же ведь всё богатство и радость мальчика была в его одежде! Теперь он может её лишиться. Какая жалость! Как обидно! Из глаз мальчика потекли слёзы, его душила обида. С каждой секундой у него усиливалось чувство ненависти.

Сатар сидел молча. Кадича возилась с посудой, делала вид, что ничего не понимает. Отвернулась и сидела молча.

Кубантай чувствовал себя одиноким. Тут же этот дом стал для него чужим. Своими большими карими глазами он смотрел то на дядю Сатара, то на воспитателя, то на сестру.

- Арзыкулов! Чего ты ждёшь? Давай, быстрее!

- Не-ет! Кубантай теперь другой, он не будет лебезить перед Жудамышем Шыйкымбаевичем. Теперь он окончательно остыл к воспитателю и ничего хорошего от него не ждал. Оказывается, Жудамыш Шыйкымбаевич не такой хороший как он думал.

- Дядя, вы слышали, он хочет, чтобы я отдал ему свою одежду!- еле вымолвил Кубантай, с трудом глотая слюни.

- Так тебе и надо! Мало тебе этого! Убегай ещё! Беги!- дразнила его Кадича.

- Здесь нет Зейнеп, которая тебя бы пожалела. Сатар закричал на неё:

- Хватит ворчать!- Потом тяжело вздохнув, как будто нёс тяжёлый груз, встал. Застонал, нахмурившись накричал на жену:

- Замолчи! - Послышался какой-то удар. Одновременно закричала жена:

- О, Боже! Убивают!

- Эх!- сказал Кубантай, закрыв лицо,- бьёт сестру!

- Лучше бы ты умер! Зачем пришёл сюда?! Сирота, Кубантай! Почему Бог тебя не забрал?- причитала сестра.

- О, Аллах! Избавиться от тебя, что ли? Выйди! Я с ними сам разберусь!

Кадича выбегая из дома, успела ударить по лбу Кубантая. Удар получился не точным, Кубантай немного отодвинулся назад и удержался на ногах.

Сатар, взяв руки за спину, тяжело шагая, медленно подошёл к Жудамышу Шыйкымбековичу:

- Что ты делаешь, сынок!

- Дядя, его зовут Жудамыш Шыйкымбекович!- сказал Кубантай, дергая его за подол. Сатар продолжал свою мысль:

- Разве таковы ваши законы? На улице снег, дома тесно, что будет носить ребенок? У меня нет подходящей одежды!

- Меня это не волнует, аксакал! Он сам говорил, что соскучился по вам.

Сатар посмотрел на Кубантая. Мальчик, опустив голову, молчал.

- Его отец на войне. Матери нет, она умерла. Я ему зять, понял?

- О, хорошо! Хорошо!- сказал Жудамыш Шыйкымбекович, поддельно улыбаясь.

- Оказывается, вы родственники? Теперь будьте отцом этому мальчику!

- Пойми меня, я не говорю, что не смогу содержать его! Не мучай ни его, ни нас, сняв с него одежду,- сказал дядя Сатар. Жудамыш Шыйкымбекович сменил тему разговора:

- Оказывается, мальчик вас очень любит. Посмотрите из какой дали пришёл!

- А как же! Мы же родственники, как родственники могут не любить друг друга!

- Тогда вы найдите ему одежду!

Сатар понял, что с этим человеком нельзя найти общий язык. Поэтому махнув на него рукой, повернулся к Кубантаю:

- Снимай, отдай ему одежду! Пока оденешь старую одежду брата Баяза. Услышав это, Кадича стала сердиться:

- Ну, да! Не дам даже дотронуться до одежды моего сына. Вернется, сам будет носить.

- Брось, ты! Не будь такой скрягой. Вернется Баяз, что-нибудь придумаем.

Но, Кадича не соглашалась. Она была упрямой, своенравной женщиной. Она рвалась к Жудамышу Шыйкымбековичу, который стоял, прислонившись к двери, и хотела расцарапать ему лицо. Тут вмешался Сатар, он оттолкнул жену:

- Как тебе не стыдно! Отойди отсюда!

- Я бесстыжая или вы? Только попробуй одежду моего сына отдать этому сироте.

- Ты в своем уме! Кубантай тебе же не чужой...- сын твоего родного брата! Да и к тому же одежда Баяза велика ему. Я же пошутил, а ты поверила.

Кадича не знала, что сказать и во весь голос разрыдалась.

- Перестань, дура! Наш сын живой- здоровый, нашелся, а ты плачешь, чтобы вытекли твои глаза!

- Арзыкулов! Давай, быстрее!- сказал Жудамыш Шыйкымекович.

- Чего ждешь! Отдай ему одежду!- сказал Сатар, сняв свой тулуп, отдал его Кубантаю.- На, пока укройся им. Потом сестру твою уговорим. Не обижайся, ты же знаешь её характер!

- Не сниму!- сказал Кубантай и бросился к двери. Жудамыш Шыйкымбекович перегородил ему дорогу.

- Снимешь, куда ты денешься!

Кубантай вырвался из его рук и стал стучать по стене кулаком:

- Это моя одежда, мне её государство дало. У Вас нет права отнимать её у меня!

Сатар поспешил его успокоить:

- Не спорь с ним, перестань! И эти дни забудутся. Надо быть терпеливым и в достатке, и в лишениях. Всё можно найти, была бы цела голова!

Кубантай постепенно успокоился. Снял всю одежду, укрылся тулупом зятя и сидел, уткнувшись в угол. Но говорил без умолку:

- Всё равно расскажу Марии Александровне! Тогда вам не сладко будет! Если об этом узнает директор детдома...

- Жалуйся! Смотри-ка, испугом меня берёт!

Сейчас Кубантай хотел высказать воспитателю всё, что взбрёт в голову, ударить его чем попало и убежать. Но боялся зятя и сестру. Он понимал, что это было бы неуважением к ним. Уж такие-то вещи он уже понимает, не маленький ведь! Ему уже одиннадцать лет, учился в четвертом классе, ушёл с теплого местечка, где учился и воспитывался. Увидит ли он теперь школу! Это ещё неизвестно. Он также понимал, что зять хороший человек, но уже стар, бессилён и глаза плохо видят. Он всю жизнь был мирабом¹: начиная с посева до сбора хлопка поли-

¹ Мираб - гидротехник

вал, иногда жил там всё лето. А ведь расстояние между Базар-Курганом и Пайнапом порядочное — целый день уйдет, если будешь добираться верхом на лошади. Так далеко простирается степь Какыр-Талаа. Сатар всю свою жизнь провёл между этими сёлами.

Кроме Баяза у них есть четверо дочерей. Сейчас уже все они замужем, имеют детей. Сейчас в доме остались вдвоём с женой. Живут как и все.

Сатар собрал разбросанную одежду и бросил Жудамышу Шыйкымбековичу

- На, забери всё это! Теперь ты доволен? Эти слова выражали мнение Сатара, Кадичи, Кубантая, а в них были и упрёк, и обида, и ненависть. Казалось, что их произносили все трое и слова эхом отдавались в доме: "На забери всё это!"

"На забери всё это! Теперь ты доволен? Теперь ты доволен?"

Жудамыш Шыйкымбаевич насторожился. До сих пор он чувствовал себя свободно и ни о чём не беспокоился. Наоборот, громко говорил, чувствовал себя хозяином положения. А теперь ситуация изменилась, стала опасной для него. Ему показалось, что хозяин дома Сатар, его жена Кадича возьмут его за горло. Даже Кубантай показался ему сильным джигитом. Он подумал, что они выбросят его из дома в сугробы. От этих мыслей он мгновенно согнулся, принял вид самого несчастного человека.

Жудамыш Шыйкымбаевич понимал, что поступает неправильно. Он прекрасно понимал, что делает. В начале он понимал, что окажется в неудобном положении и ему будет стыдно.

Но были цели, которые он ставил выше всего. Он хотел продать одежду Кубантая, а деньги забрать себе.

Так уж устроен человек, он сам становится виновником всех бед и ошибок. Теперь уже поздно, исправить ошибку невозможно. Это Жудамыш Шыйкымбекович хорошо понимал.

Как же быть? Или извиниться и отдать одежду мальчику? Не-ет, это означало бы признание своей

ошибки. Лучше быстрее уйти отсюда. Если кто-нибудь увидит... О-о, не дай Бог! Не надо!

Жудамыш Шыйкымбекович завернул все вещи в бушлат и положил за пазуху. И почувствовал как часто бьётся его сердце. Колени согнулись, ноги задрожали.

"Как бы не упасть и не опозориться перед ними?" - успокаивал он себя. Он стал уходить, не оглядываясь. Его положение было смешным для всех, им хотелось от души посмеяться. Жудамыш Шыйкымбекович несколько раз оглянулся назад и тихонько исчез со двора...

2

Кубантай в Пайнапе пробыл лишь шесть месяцев. Больше он не смог выдержать. Теперь он идёт обратно в Багышский детдом. Его обиды ещё не прошли.

"Расскажу, всё расскажу директору детдома!" - говорил он про себя.

Директор детдома очень любил Кубантая. Он был пожилой человек. Всё лицо в морщинах, на голове седина. Он носил очки. Бесперывно курил и кашлял, ходил сгорбившись.

Кубантай в первый день прибытия в детдом встретился с Марией Алексеевной Моисеевой.

- Ну, беглец, откуда прибыл? - спросила она. Я тебя как-будто где-то видела. Ты был Джалал-Абадском дет.приёмнике?

- Нет, - ответил Кубантай, хотя не понимал о чём она говорит. Про себя он подумал:

"Откуда она знает, что я сбежал от сестры?"

- Не ври? Опять сбежал, да?

- Не-ет! - отвечал Кубантай, смущаясь. Он до этого не слышал слова "дет.приёмник". Лишь позже он узнал, что это место сбора беспризорных детей.

Постепенно Кубантай с Марией Алексеевной подружились. Она часто приходила в комнату, интере-

совалась жизнью Кубантая, его учёбой и поведением. Даже проверяла его тетради и книги. Если видела плохие оценки, то хмурилась, качала головой. Садилась с ним и терпеливо повторяла эту тему. Иногда она приходила в школу, была на уроках.

Когда Мария Алексеевна услышала, что Кубантай уходит из дет.дома, она была очень огорчена. Села рядом и хотела выяснить причину:

- Что, тебя мальчишки бьют?
- Нет.
- Или не доедаешь?
- Нет.
- Тогда почему хочешь уйти?
- Просто так...

- Ладно, если так,- сказала сердито Мария Алексеевна,- если сбежишь обратно, не приму. Сразу же отправлю в детскую трудовую колонию.

Кубантай не придавал значения этим угрозам. Отправился обратно в Пайнап.

"Что же теперь она скажет? Неужели в трудовую колонию отправит? Может быть не возвращаться? А может вернуться назад?"

Кубантай уже прошёл село Базар-Курган, проходил через село Акман. Наступил вечер, стало прохладнее и идти стало легче.

"Да, зря я сюда вернулся,- снова сожалел он,- и от учёбы отстал, уже закончил бы четвёртый класс. В Пайнапе полгода не ходил в школу, сестра не разрешала."

Немного подумав, Кубантай махнул рукой: "Ээ, да ладно! Как бы там ни было, нынче пойду в пятый класс!"

3

Об этом побеге Кубантая говорили разное. Одни обвиняли Сатара, другие Кадичу. Ведь село Пайнап находилось далеко от районного центра. В нём было всего десять-пятнадцать домов и любая новость

мгновенно распространялась. Конечно, не всё из сказанного оказывалось правдой. Но о Кадиче говорили правду. Но и она не выгоняла Кубантаю из дома.

Действительно, Кадича зачастую ругала его зря. Не только к Кубантаю, но и к своим детям она относилась так же. На этой почве они ругались с Сатаром. Но, Кадича и не думала подчиняется мужу. Полевые работы, все по дому должно было идти под её контролем. Иначе всё время будет говорить: "Это дело не так сделали" Сатар старается сдерживать себя и два-три дня молчит. А когда надоест:

- Прекрати молоть языком!- резко обрывает он её. Но это её лишь раззадоривает:

- Что сделал тебе мой язык?
- Надоел!
- Тогда заткни уши ватой!
- Ты посмотри на неё!
- А разве вы поступаете хорошо?
- Не нравится- молчи!

Их ссоры надоели мальчику. Кубантаю давно бы уже от них сбежал. О побеге обратно в дет.дом для продолжения учёбы, он ещё задумал зимой, когда пришёл с Жудамышем Шыйкымбаевичем. Но не было подходящего случая. Кроме того, он не мог выкрасть новые галоши, которые сестра спрятала. Он и не хотел бы их красть, но ему хотелось что-нибудь подарить Марии Алексеевне, чтобы обрадовать её и завоевать её расположение. К тому же, всё время перед его глазами стояло то, как она ходила в ботинках с порванной подошвой, которую привязывала шпагатом. С каждым разом ему становилось жаль её. Как только он всё это вспоминал, ему очень хотелось обратно в Багыш.

Кроме всего прочего, Кубантаю хотел отомстить сестре, но не знал как это сделать. Как только ему пришла идея с галошами, он понял, что это самая подходящая форма наказания сестры. С этого момента он постоянно думал об осуществлении своих планов.

ли жители Пайнапа: " Ослабла из-за родов. А ведь какая женщина была и говорить умела, любое дело спорилось в её руках!"

Зейнеп была сказочницей. Вот что запомнилось Кубантаю:

" Давным-давно, в давние времена жили два брата. Они вместе посеяли пшеницу. Вместе ухаживали, поливали, пропальывали. Когда пшеница созрела, скосили, перевезли на ток. Промололи, поделили пополам и стали перевозить зерно домой. Младший брат, увидев, что зерна старшего брата стало меньше, добавил своего. Старший брат был удивлён, увидев это. Вокруг никого не было.

"Интересно, почему моя доля не уменьшилась, хотя я перевожу уже с утра,- думал брат, вытирая пот со лба.- Нет, пусть у младшего брата будет больше, ведь он недавно женился, ему труднее!"- сказав это, он подвинул один из своих мешков к доле брата. Затем пришёл младший брат. Увидев гору зерна, сказал:

" Эх-ээ, у брата зерна становится меньше. У него семья, много детей до весны не дотянет". И лопатой стал переносить зерно.

Они перевозили зерно три дня, три ночи, но оно не убывало. В конце концов они поняли в чём секрет. Оказывается, милосердие принесло им изобилие. Старший брат, взяв горсть зерна в руки сказал: " Залог счастья- в дружбе!"- говорят в народе. Если мы с тобой всегда будем помогать друг другу, то никогда не пропадём!"

Младший брат упал на колени, и склонив голову сказал: " Ты, брат, прав! Я готов на всё". Зейнеп крепко прижимает Кубаная к груди:

- Ты понял, сынок?

Кубантай задумался: " И я бы так поступил. Только с кем я буду сеять пшеницу?"

- Чего молчишь, сынок? Спать хочешь?

Мать, закрыв глаза, вдыхает запах волос сына, укачивает его. Мальчик купается в материнской ласке и любви.

- Не разлей суп! По дороге не играй! Эти слова не очень-то нравятся Кубантаю: " Неужели мне не доверяют?" - думает он, глядя на суп. В посуде суп налит до краёв и закрыт крышкой, которая при движении открывается. Он снова и снова плотно закрывает её, несёт чуть согнувшись в одну сторону. Через некоторое время, тонкие нити, из которых сделана ручка, перерезают пальцы. Тогда он останавливается и берёт посуду в другую руку.

Когда доходит до тутовника на окраине села, вспоминает о самодельном луке, спрятанном за пазухой. Он ставит посуду с едой на землю и начинает охотиться за птицами. Согнувшись, всматривается в густые ветви деревьев. Прислушивается к пению птиц. Увлёкшись, не замечает как далеко ушёл. Спина краснеет от палящего солнца и щипит. И только тогда, он вспоминает куда и зачем он шёл. Торопливо начинает искать посуду. Находит её где-то среди тутовника и смотрит на солнце: " О-о, солнце уже клонится к горизонту. Теперь отец будет ругать." От этих мыслей ему становится страшно, сердце начинает чаще биться. От быстрого шага посуда задевает бедро, суп разливается, пачкая брюки. Пока дошёл брюки становятся мокрыми, прилипают к ногам.

Наконец доходит. Отец ходит по полю, поливает хлопок. Он засучил штаны выше колен, а полы халата привязал к поясу.

Арзыкул машет рукой, иди, мол, иди сюда! Кубантай идёт через хлопчатника, который поднимается с земли.

- Что ты принёс?- спросил отец.- Жарму?¹
- Не-ет, лапша.
- Кто сварил?
- Мама.

Арзыкул сердито хмурит брови и говорит:

- Неужели? Попросила бы Кадичу, она бы могла. Не жалеет себя эта женщина!

¹ Жарма - похлебка из жареного зерна

Кубантай молча смотрит в землю.

- Ладно уже. Оставь посуду под тутовником и иди! Быстрее, домой! Не вздумай играть по пути!

" Не вздумай играть! - повторял Кубантай. Интересно, что и от отца он услышал эти слова".

- Сегодня я не приду домой. Останусь на дамбе. Скажи так матери! - сказал Арзыкул, когда сын отошёл от него.

5

Арзыкул был человеком замкнутым, немногословным. Характер у него был твёрдый, а иногда и жёсткий. Если замечал шалости Кубантая, или слышал от кого-то, достаточно было его недоброго взгляда, чтобы было понятно. Ничего другого он не делал и не говорил.

И всё же ребёнок, есть ребёнок. Конечно, он его любит. Однако, как бы ни любил, сыну свои чувства не показывал. Все свои чувства он держит в себе. На его равнодушном лице нельзя было заметить ни радости, ни печали. Таких людей сразу понять трудно. И всё же он отец! Иногда обнимал сына, гладил по лбу, вдыхал запах его волос. Но, словно боясь, что эти ласки заметит сын, тихонько отталкивал от себя и говорил: " Иди, играй!"

Мать - другое дело! Она всегда защищает сына, скрывает его проступки, прощает все его выходки. Это не нравилось Арзыкулу.

- Всегда ты так делаешь, - говорил он жене. Всё ему позволяешь, избалуешь. Зейнеп при этом лишь улыбалась и молчала.

Их дом расположен на окраине села на высоком холме и был низким. Отсюда хорошо видны улицы, прохожие, работающие во дворах, жители, одним словом, вся жизнь села. Кубантай часто приходит к двум ивам, и сидя под ними, наблюдает за селом. Он знал только своё село Пайнап. И даже не подозревал, что есть и другой мир, кроме Пайнапа. Он ду-

мал, что ночная Луна, яркое Солнце, голубое Небо рождено только для них. Он и не представлял себе, что кроме земли, державшей село Пайнап, есть и другие села и города. Весь мир для него заключался в одном лишь Пайнапе.

Он и с ребятами не играет. Вся его забава- песок, да мать. С утра до вечера одно и то же. Мать больная и кроме него некому ухаживать. Отец возвращается с работы только к вечеру. Он- дехканин. Всю жизнь работает на земле, всю свою силу отдаёт земле и земля щедро одаривает его.

Однажды Арзыкул отправился к окраине села скосить сена. Он каждый год корм для своего скота заготавливает здесь. У него кроме коня и рыжей коровы, ничего и нет. Он заготавливает для них достаточна сена, начиная с ранней весны.

В этот раз он взял с собой Кубантая. По дороге отец не проронил ни слова. Как и обычно, склонив голову, негромко напевал мелодию, незнакомую Кубантаю.

Дошли до поляны. Солнце поднялось над горами. Издали слышен шум реки. Это- река Тентек-Сай. Кубантай бросил взгляд в ту сторону. Если побежать можно быстро добраться. Но, он боится отца, не осмелился пойти без его разрешения.

Арзыкул поясом повязал лоб, засучил рукава. Подточив косу об камень, стал проворно косить траву.

- Ты иди и поиграй,- сказал он Кубантаю.- Придёшь, когда я позову.

Тёплый воздух с запахом душистых трав ударил в лицо, вместе с ним шёл какой-то приятный запах. Это был запах земли и травы. Дехканин глубоко вдохнул, почувствовав этот запах всей грудью. В этот момент он чувствовал себя среди сада джиды.

Кубантай, соорудив себе шалаш, играл и не смотрел вокруг. Склонив высокую траву, нанизывает широкие листья. Осторожно входит и выходит из шалаша. Его главная цель- сделать шалаш для двоих.

Арзыкул только в полдень выпрямил спину. С утра он работал, не поднимая головы, что даже не успел вытереть пот. Вся спина его была мокрой, как будто он остался под проливным дождём. Когда халат начал высыхать, на нём появились пёстрые пятна. Увидев это, Кубантай подумал: "Почему он не снял халат?" Подбежал к отцу:

- Отец, давай я буду косить!

- Отойди!

Арзыкул снова стал работать. Теперь коса отца работала медленно, с трудом входила в траву. Отец с первого размаха не сумел справиться с густой травой, а второй размах проходил мимо. Травы меньше не становилось.

- Отец, я...

- Не подходи к косе!

Арзыкул стал работать ещё упрямее. Решил во что бы то ни стало, довести ряд до конца. Был слышен лишь звон косы и тяжёлое дыхание человека.

- Отец!

Он даже не оглянулся, сдунул пот с лица и ресниц. Мальчику стало жаль отца, ему было обидно, что он ещё маленький и не может помочь отцу. "Подожди,- говорил кому-то Кубантай,- и я стану таким же сильным как отец!"

Арзыкул дошёл до намеченной черты. Прислонившись к древку косы, обратился к сыну:

- Кубантай, принеси воды, сынок! Мальчик быстро побежал. Взяв спрятанную в густой траве воду, быстро вернулся.

- Отец, я сделал шалаш,- сказал Кубантай.- Посмотрите, вам нравится?

- О-о!- сказал Арзыкул, взяв воду из рук сына.- Шалаш сделал. Хорошо.

Кубантай стал искать на лице отца признаки радости и понял, что отец доволен. От этого на сердце стало теплее. Тут же захотелось броситься в объятия отца и насладиться отцовской любовью.

- Молодец, сынок, молодец!- сказал Арзыкул, улыбаясь.- А ну-ка, иди сюда ко мне!

Взяв Кубантая за руки, он привлёк его к себе. От запаха пота Кубантай еле дышал. С приближением к горячему телу отца у него появилась брезгливость. Поэтому он не хотел, чтобы отец его обнимал. Одной рукой упёрся в землю и стал отодвигаться назад. Его желание побыть в объятиях отца сразу же улетучилось, и он искал способ избавиться от ласк отца.

- Отпусти! - сказал мальчик.- Отпусти! Отец не обратил внимания на его просьбу. Мальчик понял, как бы он ни старался от его усилий ничего не выйдет.

- Отпусти! Мама!

Арзыкул столкнулся лоб в лоб, глаза в глаза с сыном:

- Сынок,- проговорил он умоляющим, хриплым голосом:

- Сынок! Ты...Ты...когда вырастешь должен быть дехкаником! Понял? Будь дехкаником!

Арзыкул ещё много говорил. Кубантай не всё из сказанного понял и запомнил.

- Отпусти!- говорил, он освобождаясь из рук отца,- отпусти, мама! Кубантай стал бить отца по голове и лицу:

- Вот тебе! Вот тебе! Расскажу матери. На лице Арзыкула не было ни жалости, ни сочувствия к мальчику.

- Сынок, когда вырастешь будь дехкаником, понял?! Будь дехкаником!

- Отпусти! Говорю, отпусти!

- Ладно! Теперь иди!

Кубантай, освободившись из объятий отца, ещё долго не мог сдвинуться с места, кружилась голова. Как только он пришёл в себя, не смотря ни на что побежал к селу. Арзыкул проводил сына взглядом. Он не позвал его, чтобы вернуть назад. Нагнувшись к земле, взял воду, выпил половину и утолил свою жажду. Остальное вылил себе на грудь и выбросил пустую посуду на скошенную траву. Оттачивая косу,

он думал о сыне: " Как он отнёсся к моему поступку? Наверное, думает, что это с отцом происходит".

Арзыкул так и не смог понять: правильно ли поступил с сыном недавно? Он не хотел так поступить, просто хотел приласкать сына, поговорить, пошутить во время перерыва.

В тот день Арзыкул вернулся поздно. Как только он вошёл, Кубантай бросился к матери.

" Так и думал,- сожалел про себя Арзыкул. - Зачем я так поступил? Когда вырастет, сам решит кем стать!"

Арзыкул вошёл в дом. Он был очень усталым, хотелось спать. Как только его голова коснулась подушки, он крепко заснул.

6

В ту весну Кубантаю исполнилось семь лет. Теперь его не так уже и баловали. Прошли времена, когда он спал сколько хотел, играл вволю. " Теперь ты вырос!"- сказала однажды мать. С тех пор эти слова ему говорят все. Изменилось отношение родителей к нему. Теперь он не играет, обнимая за шею, и не ходит за ними по пятам. Если допускал оплошность, то говорили: " Теперь ты большой стал!" Эти слова мальчик воспринимал как приказ, приговор. С одной стороны, ему казалось, что родители лишают его детства. Кроме того, с каждым днём увеличивалось количество поручений для него. Если он не выполнял какое-то поручение, его стали чаще ругать. Так, незаметно для себя, он стал участником всех событий в семье и вокруг себя, вошёл в круг взрослых. Но, он никак не смог понять поступка отца тем летом.

" Теперь я не пойду с ним!"- говорил он себе, вспоминая событие на сенокосе. В тот день Кубантай спросил у матери:

- Мама, почему отец такой?
- Какой?

- Да, такой...

- Что это значит?

Кубанай хотел рассказать, что произошло на сенокосе, но передумал. А мать не отставала:

- Скажи, что имеешь в виду?

- Да, просто так...

Неизвестно, правильно ли или нет поняла его мать, но она сказала так:

- Отец целый день работает в поле и устаёт!

- А я не устаю?

- Ты ещё не понимаешь этого!

- Сказала мать, немного рассердившись.- Иди играй! Ребёнок должен вести себя как ребёнок.

Да, Кубантай знает, что он многого не знает. Поэтому он согласился с матерью, и промолчал, убежал на улицу.

Осенью Кубантай стал учиться. Из всех предметов ему нравился " Букварь". Он легко читал и писал слова " Папа", "Мама". И учитель Сагын его хвалил:

- Вот, видите, ребята? Арзыкулов хорошо усваивает уроки, молодец!

Такие слова очень нравились Кубантаю. У него поднималось настроение, он чувствовал себя лучше других. Старался всегда хорошо учиться и больше слышать похвалу в свой адрес. Каждый день он рано приходил в школу, с нетерпением ждал звонка, и начала уроков. Как только увидит в дверях учителя Сагына, улыбается, не может скрыть свою радость.

" Сейчас меня вызовут к доске!"- с этой надеждой он проводил весь урок.

Вот и сейчас прозвучало его имя. Улыбаясь, он выходит вперёд, класс затихает. Всеобщее внимание на Кубантая. То, что он пишет на доске, остальные списывают в тетради. Учитель время от времени бросает взгляд на доску и довольно улыбается. Это значит, что он доволен учеником.

- Хорошо, садись, Арзыкулов!

"Хоть бы спросил? Дал бы ещё задание!" - мечтает мальчик и не хотя идёт на место.

- Я выполнил домашнее задание. Прочитать? Вот, посмотрите мою тетрадь!

Учитель поощряет его старание своими тёплыми словами, хорошим отношением. Затем начинает объяснять новую тему.

Кубантай сидит тихо, внимательно слушает учителя. Потом раздаётся звонок на перемену. Мальчику это не нравится: " Почему время так быстро проходит? Когда будет звонок на урок?"

На перемене дети гурьбой шумно бегут на площадку возле школы. Кубантай держится обособленно. Прислонившись к стене, наблюдает за учителем Сагыном. Он замечает всё: как он ходит, как держит книги и классный журнал, даже как здоровается.

Это, конечно, хорошо. Но, чтобы посещать школу, надо пройти через Какар-Талаа. Разве это легко? Самое плохое - школа находится далеко от дома, иначе бы мальчик не пропускал бы уроки. Особенно тяжело зимой. Пока по глубокому снегу дойдёшь от одного села до другого и обратно, наступает ночь. Иногда некоторые ребята пропускают школу и ему приходится идти одному. В таких случаях он думает об учителе Сагыне и забывает о трудном пути, имитирует его походку, представляет его лицо и осанку. Улыбаясь про себя, повторяет его слова. Морщится и жестикულიрует руками. Одним словом, во всём хочет походить на учителя Сагына. Так он забывает о трудностях дороги и опасностях Какыр-Талаа.

Когда он подходит к селу Чалке, где находится школа, ему встречаются взрослые люди. При встрече надо здороваться, так говорят учителя. Кубантай выходит на обочину дороги, снимает головной убор:

- Здравствуйте, дядя!

- О, молодец! Чей это сын? Какой хороший мальчик!

Кубантай застенчиво смотрит вниз:

- Арзыкула сын Я!

В первое время мальчик стеснялся громко здороваться. Так было с ним, когда его впервые вызвали к доске. Потом он привык. Но, не все учителя отвечают на приветствия детей. Некоторые не замечают или делают вид, что не заметили и проходят молча. Конечно, мальчику обидно. В следующий раз при встрече с такими учителями он находится в двойном положении: " Поздороваться или нет?!"

Учитель Сагын не такой. Он каждому ученику отвечает кивком головы или же специально останавливается и спрашивает: " Как твои дела? Хорошо ли учишься?"

Сагын одинаково относится и младшим, и к старшим. Кубантай этого не знает и думает, что только к нему он относится с особым вниманием. Поэтому он всегда мечтал быть похожим на него.

Закончится зима, наступит весна, но нельзя забыть трудности Какыр-Талаа. Как пойдут весенние дожди, всю степь заливают водой. Эта вода с шумом и громом, пенясь вливается в реку Тентек-Сай. На следующий день все дороги в грязи, становится трудно ходить. В такие дни мать жалеет сына и говорит: " Не ходи сегодня в школу!" Но, отец не соглашался: " Не ищи лёгкой жизни! Пусть привыкает к трудностям. Давай, одевайся!"- говорит он и торопит Кубантая. К тому же, он как другие дети не играет после школы, а всё время занят домашними делами:

- Кубантай, принеси дров! Кубантай, выведи корову! Кубантай, смотри за телёнком! Кубантай! Кубантай!- весь день только это и слышит.

Кубантай всё делает, а мать его жалеет, даёт кусок хлеба и говорит:

- Иди, поиграй!

А отец сразу же ищет его:

- Где Кубантай!

- Да оставь его, только что вышел на улицу,- говорит мать.

- Не надо баловать ребёнка. Ты думаешь я его не люблю? - говорит Арзыкул нахмурившись, и бубнит про себя: " Он уже не маленький!"

И на улице Кубантай слышит те же слова: " Ты уже не маленький".

Особенно часто эти слова он слышит с тех пор, как стал ходить в школу. Раньше он только ел и играл. Однако теперь, видимо, этого недостаточно? Оказывается, человеку кроме этого ещё многое нужно! А что же это? Кубантай не знает.

" Ты уже вырос!" - говорят пайнапцы и посмеиваются, глядя на мальчика. Кубантай обо всём говорит матери:

- Ну и что, если стал большим? Это же хорошо?

- Конечно, хорошо.

- Тогда почему они смеются?

- Кто они?

- Да, все!

- Они делают это любя.

- Вы же говорили, что нельзя баловать больших детей?

- Почему? Хорошего ребёнка всегда можно баловать!

- Значит, я- хороший!

- Да. Но можешь стать ещё лучше!

- А как?

- Ты должен приносить пользу другим людям.

- Хорошо! Что же я должен делать?

- Прежде всего, ты должен помогать родителям.

- И только?

- Да, пока этого достаточно!

- А потом?

- Подрастешь и узнаешь!- смеётся мать.

- А разве сейчас я не большой?

- Ээ, хватит болтать, иди, играй!

" Интересные эти взрослые люди," - думает про себя мальчик. Может быть отец хочет что-то сказать? Но, ведь, он открыто не говорит. Кубантай и так знает, что скажет отец: " Будь дехканином."

- Не-ет, не так...

- А как ты думаешь?

- Я большой или маленький?

- Ты уже вырос, сынок. Слушай родителей, прислушивайся к тому, что говорят, ладно?

Сказать "ладно" легко! Кубантай с малых лет всегда готов всё выполнять.

- Когда вырастешь, будешь нам помогать?

- Конечно много сахара принесу, а как же! Ещё, ещё...

- Ээ, разве в сахаре дело, дело не в еде,- сказал отец.- Мой сын должен быть дехкаником. Будешь пахать, сеять, не так ли сынок?

- Да, да, я буду вас кормить.

Кубантай сейчас так не говорит. Соглашается, если это ему под силу, а если нет, говорит открыто, что не сможет что-либо сделать. Да и родители не говорят ему всякую мелочь, разговаривают как со взрослым.

Однажды Арзыкул спросил у сына:

- Как ты учишься, сынок?

- Хорошо.

- А другие ребята? Как они учатся?

- Не знаю.

- Как же это? Вместе играешь, вместе учишься и не знаешь? Э-э, сынок так нельзя! У кыргызов говорят: " Кто отделится от стада будет добычей волка". Ты не забывай, что в этом доме, в этом мире ты не один! Думай и о других! Помогай им и сам обращай за помощью! Надо иметь много друзей! Иначе, жить одинокому человеку трудно!

- Как? Я же не один! Вы же есть!

- Ээ, сынок, у нас своя дорога! Разве мы вечны? Когда-то и нас не станет...

Впервые в жизни Арзыкул так откровенничал. Кубантай больше не видел и не слышал, чтобы он был таким разговорчивым ни до, ни после этого.

Кубантай слушал отца молча и тихо. Но он очень быстро устал, ему все это надоело. Ему хотелось

быстрее вырваться на улицу, и это было видно по его глазам.

"Хоть бы мама послала меня что-то сделать" - думал он, оглядываясь вокруг. Но не получилось. Мать ничего не сказала.

Кубантай только позже понял что был не прав. Но он все запомнил. Нет в мире ничего худшего, чем узнать ценность родителей после их смерти! Это одна из самых тяжелых, невосполнимых утрат!

7

Кубантай испуганно проснулся. Уже рассвело. Рядом никого нет, он был один. Резко вскочил, огляделся вокруг. Умылся в холодной воде и продолжил свой путь.

До села Багши он добрался до полудня. Пошел прямо в детский дом. Железные ворота, высокий забор и школа казались ему особенно дорогими.

Почему-то во дворе никого не было. Думая об этом, у него екнуло сердце. Детский дом смогли закрыть перевести в другое место. Кубантай раньше слышал об этом. Но, нет! Просто на время летних каникул все уехали в пионерский лагерь.

Кубантай стал искать рабочий кабинет Марии Александровны. По двум сторонам длинного коридора вывешены портреты. Некоторых из тех, кто изображен на портретах Кубантай уже знает. Оставившись, он читал надписи: " Лев Николаевич Толстой, Николай Алексеевич Островский, Владимир Владимирович Маяковский..." Так он дошел до середины коридора и столкнулся с уборщицей, которая мыла полы.

- Куда ты смотришь? - сказала она, выпрямляясь во весь рост. Потом оглядела мальчика с ног до головы и спросила:

- Ты что, новенький?

Мальчик кивнул. Кубантай узнал ее. Это была Нина Петровна Симонова. Она убирала комнату, где жил Кубантай.

- Вот кабинет директора, - сказала Нина Петровна, показывая на голубую дверь. Ты ее ищешь?

Кубантай хотел рассказать о себе, но передумал. Подошел к двери и постучал:

- Да, да!- послышалось изнутри. Сердце Кубантая стало биться учащенно. "Сейчас увижу Марию Алексеевну. Что же она скажет?" - думал он.

- Заходи, заходи! Директор у себя, не стесняйся!- громко говорила Нина Петровна. Ее голос раздавался по всему коридору.

- Да тише же!- забеспокоился Кубантай. - Услышит Марина Алексеевна и дверь раньше меня откроет. - Кубантай, полуоткрыв дверь, заглянул вовнутрь. Там сидел другой человек. Худющая, белобрысая, молодая женщина. На ее тонкой талии был черный ремень.

- Кто тебе нужен?

- Директор.

- Я директор. Что тебе надо?

Пока Кубантай собирался рассказать о себе, зашла Нина Петровна и вмешалась в разговор.

- Вера Николаевна я все закончила можно идти?

- Подождите, Нина Петровна! У меня к вам еще одна просьба. Узнайте пожалуйста, закончили ли мастера печь в столовой. Завтра ребята возвратятся из пионерского лагеря. Мы должны все подготовить.

Нина Петровна ушла. В кабинете мы остались вдвоем.

- Ну-ка, говори джигит! Откуда прибыл? Какое дело привело тебя ко мне?

- Вера Николаевна формально задавала эти вопросы, и так было все понятно. И все же Кубантай хотел рассказать о том, что раньше жил здесь и с разрешения Марии Алексеевны уехал. К себе в село. Как и почему пришел обратно, но понял, что не сможет рассказать все по-русски. Поэтому коротко сказал:

- Я хочу жить здесь.

- Ах да, вот оно что? - воскликнула Вера Николаевна, словно, испугавшись.

- Мало чего ты хочешь? У нас нет мест!

Вот и все, - подумал, отчаявшись про себя Кубантай. Он переживал, что столько шел сюда и зря!"

"Теперь бы Марию Алексеевну найти бы! Может быть она поможет?"

В это время зашла Нина Петровна.

- Работают, - сказала она и стала убирать со стола, вытирать окна.

- Гм...да, вот как мальчик,- продолжала Вера Николаевна. Её голос стал звучать тише.

- Мы можем принять детей только через дет.приёмник. А так нельзя, нарушаем закон!

- Но я...хочу,- упорствовал мальчик.

Вера Николаевна подошла к мальчику ближе:

- Ты понимаешь, что я говорю, у нас нет мест!

- Я хочу жить здесь!

- Иш ты, какой упрямый мальчик! Мало ли чего ты хочешь! Я бы в Москве хотела бы жить! Но так не бывает! Иди в город, там есть дет.приёмник, понял?

Конечно, Кубантай понял. Но, его только одно беспокоило. Потом всё будет понятно.

- А где Мария Алексеевна?

- Ты её знаешь?

- Она умерла.

Кубантай осунулся, весь расслабился. У него как-будто внутри что-то сломалось.

- Что с тобой, мальчик?- подбежав к нему, сказала Нина Петровна. Кубантай хлопнув дверью, выбежал на улицу. Директор и Нина Петровна ничего не поняли и смотрели друг на друга. Казалось, что в комнате стало душно и не хватало воздуха.

- Откройте, пожалуйста, окно Нина Петровна!- сказала директор, держась за лоб,- Почему так жарко?

Вера Николаевна ходила по комнате туда- сюда и говорила:

- Посмотри, какой упрямый

- Мальчик не виноват. Зря вы его обидели,- сказала Нина Петровна, смотря вслед Кубантаю.- Ведь он пришёл с надеждой. Зря вы ему отказали!

- Что плохого я ему сказала? Объяснила ситуацию. А, кстати, откуда он знает Марию Алексеевну? Надо было спросить. Видимо он раньше жил здесь!

- Кто знает? Может быть! Я не узнала мальчика. До вас работал воспитателем Жудамыш Шыйкымбаевич. Он в прошлом году отводил одного мальчика домой. Может быть это тот мальчик. Видимо, обратно сбежал? Таких ведь много!

- Говорите Жудамыш Шыйкымбаевич! А где он сейчас? Я его не знаю.

- Его выгнали!

- А почему?

- Он забрал одежду мальчика себе.

- Неужели?

- Да!

- Как он мог пойти на такое? Нина Петровна пожала плечами:

- А как узнали, что он забрал одежду мальчика? Или мальчик сам сообщил?

- Не-ет, откуда! Как он мог бы сообщить. Мария Алексеевна сама была у них. Вернулась очень расстроенной. Оказывается, она очень огорчилась поступку Жудамыша Шыйкымбаевича и была зла на него. Беспокойная она была, не успокаивалась, пока не посетит бывших воспитанников. Она очень интересовалась их жизнью, работой. Поэтому и заболела, простыла. Хороший был человек!

Директор вскочила с места:

- Идите, догоните, его! Верните мальчика!

А в это время Кубантай далеко ушёл из села, дошёл до большой дороги, ведущей к городу...

- Оте-ец!- закричал мальчик, глотая слёзы. Он бежал и упал. Видимо, ударился ногтём большого пальца об камень, нога сильно болела. Схватившись за ногу, он ворочался в пыли и по-настоящему плакал. И тут он наткнулся на галоши, спрятанные за пазухой. Он уже, оказывается забыл про них.

- А-аа!- закричал он ещё громче.- Вот тебе, вот тебе!- Кубантай ударял галоши об землю. Он прятал их. Не смотря ни на то, что пайнапцы назовут его вором, он их взял, а теперь сожалел об этом. К тому же не удалось вернуться в детдом.

В ушах до сих пор были слышны слова директора: " Мало ли чего ты хочешь!" Эти слова повторялись словно эхо. " Оказывается не бывает так как хочется?- говорил Кубантай, до конца не понимая значения этих слов.- Что же теперь делать?"

Кубантай многого хочет- чтобы отец вернулся с фронта, чтобы был сыт, одет, обут! Неужели этого всего не будет? Неужели?

" Я бы хотела жить в Москве!"- эти слова директора не выходили из головы. А почему она там не живёт? Может быть её так же как и меня не принимают?

Хотя и Кубантай не был в Москве, видел фотографии в книгах, читал, слышал от учителей.

" Эх,- сказал с досадой Кубантай,- если бы я мог, сам бы отвёз её в Москву. Она была бы довольна и обязательно приняла бы в дет.дом".

Ему показалось, что у него выросли крылья. Он взлетел через перевал Топурак- Бель, через реку Тентек- Сай, долетел до Пайнапа. Кружил над селом. Всё было видно как на ладони. Мальчишки Пайнапа выбежали на улицу и с удивлением, завистью смотрели на него.

- Эй-эй, Кубантай!- кричали они. Спускайся, твой отец вернулся!

Кубантай стал снижаться.

- А-аа, попался теперь! Где галоши? Вор! Вор!- кричали мальчишки.

Кубантай снова поднялся вверх. Но, ему стало обидно за слово "вор", он расстроился. Чтобы забыть про всё это и развеять тоску, он решил облететь весь мир. Он летел над большими городами, океанами, реками, горами и нигде не остановился. Он боялся, что и здесь его назовут вором. Затем он направился туда, где никого нет, туда, где лежит вековой лёд. Поскольку там не было деревьев и нигде было сесть, он полетел обратно. В конце концов устал и приземлился возле села Багыш. "Уф-ф!- проговорил он, складывая крылья.- Лучше быть человеком и жить на земле, ничего не боясь!"

Кубантай хотя и облетел весь мир, настроение не улучшилось, он никак не смог забыть о галошах. Мысль о них не давала ему покоя.

"Ладно, уж!- сказал он, махнув рукой,- сейчас пойду в город, продам галоши и сытно поем".

Кубантай встал. Стряхнул пыль с одежды, вытер слёзы и отправился в путь. На повороте увидел, стоявшую здесь машину "Полуторка", не спросив у водителя куда едет, запрыгнул в кузов. Там сидело три человека. Они улыбнулись и ничего не сказали. Когда машина тронулась, он спросил куда они едут. Оказывается они ехали в Джалал-Абад.

9

Кубантай с галошами ходит по базару. Народу много, жарко, очень душно. Стоят ряды магазинов и ларьков. Галош там полно, есть разные виды. А ведь Кубантай думал, что таких галош нет и все будут вырывать у него из рук. Он даже подумал о цене. Это моё дело!

Мысль "моё дело" взволновала Кубантая. Это доставляло ему в какой- то мере радость, удовольствие. Так как, он сам знает, что делать с тем, что у

него есть. Захочет продаст, захочет выбросит. Для этого он ни у кого не будет просить разрешения. Кубантай уж давно мечтал быть свободным, самостоятельным, самому решать, что делать. Он всегда выполнял всё, что ему говорили другие, подчинялся им. Теперь ему это не нравится!

Наступал вечер. Базар начал пустеть, закрывались магазины. Кубантай понял, что не сможет продать галоши. Он стал думать о том, что дальше делать. Ему очень хотелось есть. Перед ним стояла чайхана, куда он время от времени поглядывал.

Кубантай до этого не знал, что деньги очень нужны! Он в Пайнапе даже и не думал об этом. Цену деньгам он понял, когда оказался далеко от родного села.

" Дадут ли за галоши хлеб?" - подумал Кубантай и направился к чайхане. Когда он отошёл от торгующих, встретилась женщина. Она взяла в руки одну пару галош и с подозрением посмотрела на мальчика.

- Продаёшь? Сколько?- спросила она. Кубантай не знал, что сказать и покраснел. " Как бы не отобрала?" - забеспокоился он.

- Галоши- то ношенные,- сказала женщина, рассматривая галоши.

- Не- ет, они новые! Мама болеет, это её галоши. Она отправила меня продать их и купить хлеба. Знаете, если не продам, мама останется голодной!- и заплакал.

- Не плачь, сколько просишь за них?

- Сто рублей,- Кубантай назвал первую попавшую цифру. А про себя думал: " Наверное, проделывал. Женщина от души рассмеялась. Услышав это, прохожие стали собираться вокруг мальчика. И в миг людей стало много.

- Сто рублей?- не переставая смеяться, говорила женщина. Молодец! Значит сто сом! Цена неплохая!

- Это что, галоши царевны из сказки, которые она потеряла?!- сказал один из прохожих.

- Ха-ха-ха, наверное так? Молодец! Теперь ты иди во дворец к хану, тебя изберут визирем!- сказал второй.

- Он их украл, иначе откуда они у такого мальчика?

- Сейчас сдадим его в милицию!

- Да бросьте вы! Наверное, действительно мать болеет?

- Ээ! Врут они всё!

- Видимо сбежал из детдома.

- Кто знает? Были бы милиционеры, они бы ему показали!

Обстановка накалялась. Кубантаю хотелось выбросить галоши и убежать. "Надо же, влип в эту историю,- с досадой думал он. Быстрее бы от них избавиться. Или купила бы, или уже шла бы!"

Кубантай стал ненавидеть всех кто стоял рядом, даже себя. Он собирался уйти, но его остановила та женщина:

- Ой, сынок, на 10 сом! Это даже много!

"И в правду, она дает мне деньги?" - проговорил от радости Кубантай. Он тут же отдал галоши женщине. "Ох! Наконец- то, избавился от них!- думал облегченно мальчик, как будто избавился от тяжелого груза. Ему сразу же стало легче.

Он направился прямо в столовую. Людей там было немного. Ему быстро подали еду. Как ушёл из Пайнапа, так и ничего не ел!

Он не наелся на одну порцию лагмана. Хотел взять ещё одну, но в это время на дороге перед столовой начался переполох, были слышны крики. Все, кто был в столовой, даже работники выбежали на улицу. Вместе с ними выбежал и Кубантай..

На шоссе собралась толпа. Что там происходило, Кубантай не мог видеть. Взрослые загородили все проходы.

По словам большинства он понял, что попался вор- карманник. Для мальчика и этого было достаточно. Не стоило рваться к центру событий и под-

вергать себя опасности, быть растоптанным. Поэтому он отошёл на обочину дороги, и прислонившись к дереву, решил понаблюдать за происходящим. Но в это время он вспомнил о своём воровстве. Он словно наступил на горящий уголь, ему стало не по себе. Видимо, такие поступки надолго остаются в памяти человека? Человека мучает болезнь и гордость не так ли? Вот и сейчас ему становится не по себе от своего поступка. Ему казалось, что все с подозрением смотрят на него. Он не мог смотреть людям в глаза. Стал оглядываться нет ли тех, кто видел, что он продавал галоши. Если бы они тогда сдали его в милицию, то он понёс бы наказание. От этих мыслей он вздрогнул, как будто его ударило электрическим током, волосы встали дыбом.

"Беги, беги отсюда!" - подсказывало подсознание. Ему казалось, что люди, стоявшие вокруг ищут его.

"Сейчас, сейчас тебя поймают!" - Кубантаю показалось, что кто-то его ударил по голове.

"А-аа!" - сказал он, мотая головой. Крепко закрыл глаза, но не почувствовал, что его ударили. Открыл глаза, рядом не было человека, который грозился ударить его кулаком. У него кружилась голова, не было сил.

- Ма-ма! - закричал он, обнимая дерево. Он плакал навзрыд. Его состояние было жалким. Но никто не обращал внимания на его состояние, внутреннюю боль, никто не пришёл на помощь, ведь рядом никого не было!

"Я больше так не буду!" - сказал мальчик в отчаянии, - я просто взял эти галоши. Я больше не буду!

Он пришёл в себя от голосов, которые раздавались вокруг. Он поднял голову. Двое с издёвкой смотрели на него:

- Посмотри на него. Тот карманник видимо, его старший брат. Плачет от жалости к нему.

- Эй, мальчик, пока не убили брата, иди, выручай!

- Ха-ха! И этого вам мало!

- Правильно его наказали. Если бы не подошёл милиционер, твой брат стал бы инвалидом!

- Так им и надо!

Кубантай решил поскорее убраться отсюда. Но вспомнил, что ещё не заплатил за еду и вернулся в столовую.

А там его искала официантка. Она бегала по столовой, расспрашивала всех, описывая внешность мальчика. "Убежал, воспользовавшись суматохой!" - подумала она. А в это время Кубантай сел на своё место. Повар, заметив это, позвал официантку и шепнул ей:

- Галина Андреевна, посмотрите туда, не тот ли мальчик? - официантка тут же обернулась.

- Да, это он! - и быстро подошла к Кубантаю. То ли от радости, то ли от волнения, она говорила с трудом:

- Молодец! Ты, оказывается, хороший мальчик!

"Как хорошо она говорит по-кыргызски", - подумал мальчик. Галина Андреевна вытерла, с лица пот и продолжала:

- Где ты был до сих пор? Ты сидел здесь? Где только я тебя ни искала, у кого только ни расспрашивала!

Кубантай молчал. Теперь Галина Андреевна говорила громко, чтобы все слышали:

- Да, кажется, он добрый, хороший мальчик! Просто молодец!

Мальчик покраснел, склонил голову. В разговор вмешался повар:

- Хороший, что хороший, правда? За соседним столом кто-то сказал:

- У всех детей сердце чистое! Их ни с чем не сравнишь!

- Да, мы сами виноваты, что они иногда делают глупости, идут не преступление!

- А как же, все мы умеем любить детей, а вот воспитывать - это сложное дело!

В столовой становилось шумно. Все были заинтересованы рассказом о мальчике, каждый старался высказать своё мнение. А Кубантаю эти разговоры нравились, он слушал их с удовольствием. Ему хотелось, чтобы таких слов было сказано ещё больше. А как же! Кому же не нравятся хорошие, добрые слова!

В этот момент Кубантай вспомнил Марию Алексеевну Моисееву: "Арзыкулов, ты хороший мальчик! Учись, учёба принесёт тебе большую пользу!"

Кубантай краем глаза глянул вокруг. Во взглядах сидящих нетрудно было разглядеть их жалость, доброжелательность к мальчику и то, что они желали ему только хорошего. Ему хотелось просидеть среди них всю ночь.

Кто-то из них сказал:

- Галина Андреевна, вы могли бы взять его к себе? Ведь вы живёте одна? А другие поддержали это предложение.

- Да, правильно, хороший человек выйдет из него! Он такой умный и храбрый!

- И держит себя гордо!

- Конечно, ведь он мужчина!

- Да, и настоящий!

Затем посыпались вопросы:

- Откуда ты пришёл?

- Чей ты сын?

- Есть ли родители?

- Как тебя зовут?

Кубантай никому не ответил.

- Да бросьте, вы! Не смущайте его!- сказал, улыбаясь повар.- Галина Андреевна сама с ним поговорит.

Но, Галина Андреевна мочала. Она восприняла все слова как шутку, наверное? Она то улыбалась, то хмурилась.

- Сколько?- спросил Кубантай, выложив все деньги на стол. Галина Андреевна даже не взглянула на деньги. Нагнувшись, что-то прошептала Ку-

бантаю на ухо, но из-за шума её плохо было слышно. Затем она не спеша пересчитала деньги, сложила их и положила в карман Кубантаю.

- Не надо!- погладив мальчика по голове,- спасибо, тебе, сынок, спасибо!

Галина Андреевна резко отвернулась, подолом халата вытерла слёзы и ушла. В столовой на миг воцарилась тишина. Кубантай не спеша встал и как взрослый, солидно шагая направился к выходу.

10

На улице было много людей и большое движение. Солнце заходило, но было жарко и душно.

Кубантай, оглядываясь вокруг, медленно шёл по тротуару. У него было хорошее настроение. Зелёные улицы, куда-то спешащие люди, высокие трубы, из которых валил густой дым, дома в несколько этажей- всё это ему казалось совершенно другим миром. Раньше он этого совсем не замечал, думал лишь о еде. В прошлом году, когда они с учителем Сагыном были в городе, торопились и ничего толком не смогли увидеть. Город только теперь предстал во всей своей красе. По сравнению с Багышом и Пайнапом, здесь много удивительных мест.

Отсюда чётко видны холмы и небольшие ели. Среди вишен видны небольшие дома с жесткой кровлей. Чуть дальше проходит железная дорога. Она похожа на длинную нитку и еле видна глазу. Эта железная дорога ведёт к селу Багыш, а дальше в город Кок- Янгак. Когда он жил в Багыше, часто наблюдал за вагонами с углём.

Вот и сейчас было слышно, как гудел и пыхтел паровоз. Из этого он сделал вывод, что находится близко к железнодорожной станции. Когда он приехал в город и спросил, где находится детский приёмник, ему сказали, что он расположен за станцией, на окраине города. Надо ли туда идти? Что это за место? Похоже ли на детдом в Багыше? А если

Он говорил вслух, как будто рядом никого не было. Ему казалось, что иначе он не будет удовлетворён!

- Смотри, смотри! Э-хей, на двух лапах ходит! Вот и затанцевал! И через кольца прыгает!

На самом деле, представление понравилось не только Кубантаю, но и другим детям. Они были довольны громко смеялись, дружно хлопали, некоторые вскакивали, подбегая ближе к площадке. Но, к сожалению, из-за Кубантая дети не смогли до конца увидеть представление, это-то и было обидным. А было так:

Кубантай с азартом смотрел представление и двигался вперёд, сам того не замечая. И тогда, видимо, он загородил других ребят. Кто-то взял его за плечо и стал трясти. Кубантай потерял равновесие. Его толкнули и с другой стороны.

- Куда ты идёшь? Кто он вообще?

- Ты, смотри! Отойди!

Кубантай жестаами хотел объяснить своё положение, но задел локтём мальчика, стоящего рядом.

- Что?- он разозлился он.- Почему ты меня ударил?

- Я не хотел, случайно задел!

А мальчик и не хотел слушать его объяснения.

- Эй, открой глаза, а то разобью морду!- сказал он, показав кулак.

- А ты не задавайся!- ответил Кубантай.

- Я не тот, кого можно напугать!

- Ах, так! Ну-ка, выйдем на улицу!

Они вдвоём вышли на улицу.

- Бей!- сказал, подставив голову,- На, бей! Только попробуй!

В начале Кубантай испугался, отошёл в сторону. А зря, оказывается. Он выдал себя, показал свою трусость. Тот мальчик осмелел, ударил его головой в грудь. Кубантай не оказывал сопротивления и он взял его за ворот, стал душить. Потом неожиданно пнул в живот. Кубантай не громко вскрикнул, согнулся закрыл глаза. Он сел, держась за живот. А

тот мальчик, улыбнулся, стряхнул с одежды пыль. Расправив плечи, подошёл к Кубантаю с гордо поднятой головой:

- Ну как, получил? Будешь ещё драться?

Кубантай ничего не ответил. Он постепенно стал отходить от внезапного удара и готовиться к ответному, головой ударил по носу своего противника.

- А-аа! Ах, так! А ну, отойди в сторону!

Кубантай не стал больше его бить, тут же исчез и направился прямо в чайхану. Почему, он и сам не знал, просто его тянуло туда. Он бежал уверенно как- будто в свой дом, к своей матери. Ему казалось, что кто-то заступится за него, защитит его. Сейчас ему нужен был именно такой человек. Он всей душой искал такого человека и хотел быстрее его найти. Ему хотелось броситься в объятия к нему и избавиться от всех невзгод и лишений.

Он шёл по тёмным и узким улочкам. Ещё издали мальчик заметил, что столовая работает.

Наконец- то, дошёл, но не осмелился войти. Со слаться на то, что пришёл на ужин не может, так как денег нет. Из окна он увидел, что Галина Андреевна разносила клиентам блюда, убирала со свободных столов посуду.

"Что же делать?" - он посмотрел назад, ему показалось, что кто-то гонится. Но никого не было, ему стало легче.

Теперь вся его надежда была в этой незнакомой женщине. Он ей верил. Он стоял как-будто у своего дома. Ожидая Галину Андреевну, он долго сидел под окном, так что ноги устали. Он прошёл за столовую сел за столбом. Прислонившись к нему, он теперь почувствовал усталость. Всё тело ныло, хотелось спать. Он прилёг, смотрел на небо. Оно было чистым и звёзды словно подмигивали ему.

"Наше небо!" - прошептал Кубантай. Он долго любовался красотой ночного неба. Подул ночной прохладный ветерок, вокруг мёртвая тишина.

Кубантай, прислонившись к столбу, слушал его равномерное гудение. Оно напомнило ему, то пургу

в Какыр-Талаа, то мелодию комуза. Мальчик вспомнил отца, дом. Ему казалось, что говорит:

"Сынок! Где ты ходишь, бросив Пайнап? Вставай! Иди в родное село! Ты должен стать дехкаником! Понял!"

Кубантай улыбнулся: «Нет! Я стану учителем!»

Он хотел повернуться на другой бок, но упал. Из-за того, что он крепко спал, даже боли не почувствовал. Ему показалось, что кто-то его будит. Кубантай часто спал, положив голову на колени отца. И сейчас он думал, что лежит на коленях отца. Ему показалось, что отец шепнул матери: «Постели ему!»

«Сейчас, поддержи его, пока я приготовлю постель!» - сказал кто-то. Это была мать.

Но почему под ним холодно и твердо?

«Наверное, я уснул на земле? Или на руках у отца, они у него твёрдые». Кубантай теперь перешёл в объятия другого человека. Руки мягкие, нежные! Это запах женщины. Тело мягкое, нежное!

«Это- мама! Она несёт меня в постель!»

Мальчику приснился сон. Пайнап. Бектур, Жумаш, Нурдин, с которыми они играли на берегу реки Тентек- Сай. На песке белая пена, которую дети брали в ладони и сдували друг на друга, весело хохотали.

Сестра Кадича стояла гордо. Она очень интересно смеялась. На широком лице появилось много морщин, а узкие глаза становились ещё уже. Когда она смеялась, бока двигались, а плечи поднимались вверх-вниз. «Кубантай, зачем тебе учиться? Лучше работой тяткой, ты ведь хлеба много ешь!»

Вспомнил дядю Сатара, учителя Сагына. Вспомнил и то как, возвращаясь со школы на поле Какыр- Тала играл в лапту и чижики. Это всё проплыло друг за другом.

Мирные дни. Чистое небо. Тихие лунные ночи. Село. Степь. Каждый занят своим делом. Потом..., потом..., глаза матери, полные слёз.

«Почему плачете?» - спрашивает он, а мама молчит. Гладит по голове и лбу худыми, бессильными

руками. Белки глаз пожелтели, глаза теряют свой блеск.

«Позвать отца?»

Взрослые стараются скрыть от ребёнка плохую весть, но зря. Скрыть беду тяжело.

«Война!» Тогда Кубантай не понимал на сколько страшное это слово. Только теперь он понял его суть. Оказывается война — это плохо! Страдают и те, кто принимает в ней участие, и те, кто остался в тылу.

«Сынок! — сказал отец, уходя на фронт. — Ты теперь в доме единственный мужчина. Помогай матери! Ей будет трудно, ведь она болеет. Но в доме есть ты я верю в тебя!»

Через год умерла мать. Он стал жить с сестрой Кадичой. Жить становилось всё труднее. С наступлением зимы, чтобы не пропускать занятия, в школу ходил босиком. Однажды, когда он грел свои ноги у печки, его увидел учитель Сагын и сказал:

— Арзыкулов, так не пойдёт, тебя надо отправить в детдом!

Кубантай тогда не понимал слова «детдом». Он знал, что учитель не желает ему зла!

— Сегодня я поеду в район. Хочешь поехать со мной?

Сагын Молдобеков не такой как раньше: похудел, побледнел, стал суховат, даже выглядел серьёзнее. И одежда у него была поношенная, волосы сбриты.

— Да! — ответил Кубантай. После уроков Кубантай ходил задумчивый: «Детский дом? Что это такое? Где он?» По дороге он встретил учителя Сагына, который подмышками нёс сапоги.

— Это мои сапоги, — говорил он тяжело дыша. — Носи, не стесняйся, а то замёрзнешь.

До райцентра они добрались к вечеру. Остановились у здания с вывеской «Ленинский райвоенкомат».

— Подожди меня здесь, — сказал учитель. Поправил одежду оглянувшись вокруг.

- Я сейчас приду, не бойся. Видишь, здесь кроме нас много народу.

И действительно перед военкоматом было много людей. «Гм...да, у меня нет близких, семьи, которые беспокоились бы за меня. А вот им тяжело»- вздохнул Сагын Молдобеков. В это время Кубантай не достиг того возраста, чтобы понять кому тяжело, а кому легко. Он думал о своём настоящем и будущем.

Наконец- то, вышел Сагын.

- Пошли, поедим где-нибудь,- сказал он, взяв Кубантая за руку. Мы отправляемся завтра и тебя разрешили взять с собой.

- Куда мы поедим, учитель?

- В Джалал- Абад. Сдам тебя в городской детский дом. Не бойся, там много таких как ты ребят. Тебе дадут одежду, будут кормить. Будешь учиться, станешь человеком!

Кубантай смотрел под ноги и молчал.

На следующий день призывников отправили пешком в Джалал- Абад. Учитель Сагын посадил Кубантая на спину. По дороге ему помогали и другие солдаты. Он переходил из рук в руки. К утру дошли до города. Всю дорогу Кубантай спал. Тогда он и не заметил, что дорога дальняя. Только понял это.

На следующий день мальчика отправили в село Багыш, так как в городском детдоме не было места. Провожая Кубантая, Сагын Молдобеков крепко обнял мальчика и сказал:

- До свидания, Кубантай! Теперь я спокоен за тебя. Я сказал, что ты мой сын. Не забывай учителя, отца! Жди от нас писем!

С тех пор прошло полтора года, но ни от отца, ни от учителя вестей нет.

Взошла полная луна. Кто-то шёл по дороге, уложенной мелкими камнями и прошёл мимо столба, где лежал Кубанатай. Отойдя подальше, почему-то остановился, как будто почувствовав что-то, подошёл к столбу и увидел Кубантая. Нагнувшись, они встретились лицом к лицу. Он сразу узнал её. Это была Чернова Галина Андреевна. Возвращалась с работы домой. Она каждый день ходит по этой дороге. Живёт она одна. Муж ушёл на запад- на фронт. Прошло два года, а вестей нет.

Галина Андреевна поняла что к чему, глубоко вздохнула, выпрямилась и долго думала: «Что же с ним делать?»

Свет от лампочки еле освещал землю. Галина Андреевна продолжала размышлять, но никак не могла принять какое-то решение. В конце концов, видимо, решила разбудить мальчика толкнула его в плечо, но он не проснулся. Немного пошевелил губами, тихо застонал и продолжал спать. Видя, как мальчик весь в пыли, в рваной одежде лежит на земле, она стала жалеть его:

«Бедный!- сказала она, вздыхая.- Что с ним делать? Разбудить? А если не захочет? Ладно попробую».

Галина Андреевна, не веря самой себе, стала его будить, но мальчик не просыпался. Теперь она думала: не уйти ли без него? Но сердце её не позволило бросить мальчика.

- Мальчик, вставай! Что ты здесь делаешь?

Чтобы не напугать его, она говорила шёпотом. И только тогда Кубантай открыв глаза, увидел женщину перед собой.

- Не бойся! Я Галина Андреевна. Узнал? Вставай, родной! Нельзя ночью спать на улице!

Кубантай уже второй раз слышит слово «родной». Он поднял голову, часто- часто моргал глазами и тёр их. Потом резко встал. Галина Андреевна

страхнула с него пыль, погладила по волосам, которые прикрывали уши.

- Пошли, домой! Хочешь со мной?

«Дом? Какой дом?» - мальчику в тот момент было сложно собраться с мыслями и прийти к какому-то решению. Хотя было приятно услышать слово «дом», которое он стал уже забывать. Он уже стал привыкать к жизни без дома, родителей.

Если бы он эту ночь провёл на улице, то он бы решил, что можно и так жить. А потом мог бы пойти на преступления, испугался бы.

На самом деле, мальчик был в смятении.

«Пойти к ней домой или жить на свободе, что лучше?» Такое подозрительное отношение у мальчика сложилось после предательства, плохого отношения к нему сестры Кадичы, Жудамыша Шыйкымбековича Аланкозова и Веры Николаевны Сафровой.

«Неужели опять не попаду в детский дом? А как же учёба? Отправит ли в школу? Что буду делать если будет ругать, бить, не кормить? Тогда снова убегу!» - думал Кубантай.

- Пошли! - тянула его за руку Галина Андреевна. - Уже ночь, надо быстрее добраться до дома!

Кубантай не сопротивлялся, шёл впереди. Было слышно как они шли по гравию. Они шли по кривой, узкой, тёмной дороге.

В городе много домов. Ещё неизвестно было в какой из них зайдут. Это знали лишь луна и звёзды. Они свидетели происходящего. Они как будто говорили:

«Поздравлем, Галина Андреевна с сыном! Кубантай, поздравляем с мамой!»

Человек им отвечал:

«Спасибо! Спасибо, тебе, небо! Спасибо тебе, Мать-Земля! Вы всё видели, всё поняли! Пусть дальше будет только тихая, как сегодня ночь, голубое и чистое небо!»

Кубантай шёл гордо, уверенно, а в душе звучали слова: «Вы узнали меня? Это я – Кубантай!» Он

светился от счастья и мечтал о сладком сне и вкусном хлебе!

- А завтра?

А завтра его ждут великие дела. Он идёт на встречу по- настоящему великим целям.

II. СЕТ БЛИЗКОЙ ЗВЕЗДЫ

Шёл урок. Обычно, во время урока, никто не входил без стука в дверь. Но в этот раз, правило было нарушено, дверь резко открылась и вошёл директор. За директором вошёл мальчик 12-13 лет. Одежда на нём была старой, но на колене была заплатка. Отросшие волосы не очень-то были целые, но вместо шнурков завязаны каким-то шпагатом, видимо, не нашлось шнурков или он сам торопился.

Ростом он не отличался от других ребят класса. Он был худой, впервые увидевший его, мог бы подумать, что он болен. Глаза впалые, лицо бледное.

Шёл урок письма, и встав с места, дети не успели положить ручки на парты. Глаза детей были устремлены на новичка, они рассматривали его так как будто хотели найти какой-то изъян. А новичок держался свободно и уверенно.

Когда он впервые попал в Багышский детдом стеснялся ребят. Стоял у порога возле стены, не выпуская из рук портфель. Он стоял, опустив голову и вытирал пот с лица. С первых же минут всем своим поведением он показал, что он стеснительный, неуверенный сельский мальчик. А сейчас было не так! Он был уверен в себе.

Директор быстро прошёл вперёд, жестом руки посадил учеников, и обратился к высокому пожилому учителю, стоявшему у доски:

- Степан Гаврилович! Я привёл в ваш класс ещё одного новенького. По национальности он кыргыз, слабо владеет русским языком. Но он обещает под-

тянуться. Это будет уже известно в первом полугодии. Если не сможет подтянуться посмотрим.

Учитель промолчал, только кивнул головой. Директор извинился и вышел из класса. Новичок взглядом искал свободное место. На последней парте сидела одна девочка. Он предположил, что это место будет его.

- Садись! Садись же!- сказал кто-то из ребят.

- Да разве так просят! Надо встать и попросить его сесть,- сказал другой и все хором засмеялись.

Учитель, словно только сейчас вспомнил о нём, направился к нему.

- Пошли!- сказал он, взяв мальчика за руку и пошёл между рядами до последней парты, за которой сидела рыжеволосая девочка с веснушками:

- Лиза, подвинься! С сегодняшнего дня будете сидеть вместе.

Девочка сделала вид, что не слышит и отвернулась к окну.

- Сизова, кому я говорю?

Только после этого девочка нехотя отодвинулась. Новичок словно не веря этому, присел на край парты.

«Всё равно потом выгонит,»- подумал он, продолжая держать портфель. Лиза забрала его портфель и бросила на парту.

- Положи же сюда. Никто твой портфель не заберёт. Опять все засмеялись, мальчик покраснел. Учитель вернулся на своё место и стал объяснять урок. Это был урок математики. Новенький сидел тихо и внимательно слушал учителя. Он не сделал ни одного лишнего движения. Прозвенел звонок. Как только учитель вышел, ребята начали галдеть, прыгали по партам, боролись друг с другом, бросали друг в друга головные уборы. От всего этого в классе поднялась пыль.

Новенький не присоединился к происходящему. Он стоял в стороне и наблюдал за происходящим. Никто не спросил откуда он, как его зовут. И Лиза

не сказала, чтобы он не садился с ней. От пыли и духоты в классе у него закружилась голова, он вышел во двор. Пошёл к школьному саду напротив школы. Навстречу вышла Лиза.

- Я знала, что ты придёшь!- сказала она, когда они встретились лицом к лицу. Ростом они были равны.

- Откуда узнала?- спросил удивлённо мальчик. С тех пор как он попал в класс это были его первые слова.

- Да так... В конце концов кто-то же должен был сесть.

Мимо них пробежали девочки.

- Этот что ли ваш новенький?- спросили они, оглядываясь.

- Да этот,- сказала Лиза, кивнув головой.

- Как тебя зовут?

- Кубантай.

- А фамилия?

- Арзыкулов.

- Откуда приехал?

На этот вопрос он не успел ответить, прозвенел звонок. Окружившие Кубантая ученики разбежались по своим классам. Начался второй урок. В класс вошла учитель истории Бэла Григорьевна Тарасова, классный руководитель 5 «а» класса. Она и без рассказа учащихся знала о новичке.

- Встань,- сказала учительница, когда все расселись по местам.- Как твоё имя и фамилия? Откуда приехал? Мальчик чётко отвечал на все вопросы, но Бэла Григорьевна не поняла название села, подумала, что не расслышала, переспросила.

- Что? Повтори ещё раз. Откуда говоришь приехал?

- Из Пайнапа.

- Я хорошо знаю районы Киргизии, но не слышала о Пайнапе. Из какого ты района?

- Ленинского.

- А-а, так бы сразу и сказал. На какой улице жил?

- Набережная, 3.

- Жил с родителями? Недавно что ли переехали?

Кубантай смотрел под ноги и молчал.

- Садись!- сказала учительница торопливо, видя как смутился мальчик.

- Садись!- повторила она.- Об остальном поговорим позже.

Так прошёл первый день Кубантая в школе. Домой он вернулся в хорошем настроении.

* * *

- Ах, я же говорила!- сказала Лиза, рассердившись.- Вся промокла. Мама будет ругать. Я же говорила не играть у родника.

Света стряхнув платье, встала.

Не будет ругать.

- Ну да, откуда ты знаешь?

- Знаю,- сказала Света, вновь наклонившись к роднику.

- Отойди,- сказала Лиза, подбегая к сестрёнке.- У тебя есть уши? И ударила по руке. Света заплакав, стала разбрызгивать воду в сторону Лизы.

- Почему бьёшь? Я маме расскажу!

- Я старше тебя, ты должна меня слушать, поэтому и бью. Ты забыла, что говорила мама. Что она сказала вечером? Ну-ка, повтори!

- Знаю,- сказала Света, отходя от воды.- Я не маленькая, мне уже шесть.

- А я старше тебя на шесть лет. Ну-ка, посчитай, сколько будет шесть плюс шесть? Тогда ты узнаешь сколько мне лет?

- И так знаю,- сказала Света,- тебе двенадцать лет. Мама говорила.

- Ты сама сосчитай. То, что услышала от кого-то не в счёт, правда, Кубантай? Объясни ей, чего молчишь?

- Правильно,- казал Кубантай,- сама должна уметь считать.

- Вот слышала? Вот так!

- Подождите, и я буду ходить в школу, буду как ты учиться.- сказала Света. По её голосу было заметно, что она обиделась.

- Платье не очень-то мокрое,- сниму и высушу.

- Не снимай!- сказала Лиза.

- Сниму,- отвечала Света.

- Только попробуй, сниму, получишь!

- Если будешь бить,- сказала Света, расстёгивая пуговицы,- расскажу о вчерашнем случае Кубантику.

- А что было вчера?- вмешался Кубантай,- расскажи!

- Расскажу,- ответила Света,- а почему и нет. Пусть только попробует побить!

- Не побьёт, я же рядом,- сказал смеясь Кубантай,- она пугает тебя.

- Я её не боюсь!

- Если не боишься расскажи!

- Не расскажу,- ответила Света,- потому что я люблю Лизу.

- Ээ, да оставь ты её,- сказала Лиза, махнув рукой,- давайте лучше поднимемся на вершину, оттуда город виден как на ладони.

- Света, дай руку,- сказала Лиза,- когда ты останешься от меня?

Кубантаю это не понравилось:

- Чем сидеть одной дома, пусть лучше будет с нами.- Он вымыл лицо и встал.

- Света иди ко мне. Мы будем вместе, хорошо?

Ребята поднимались вверх через фисташковые и ореховые деревья и можжевельник. Они прошли довольно далеко, устали и Лиза сказала:

- Посидим здесь? Сейчас через ущелье проедет поезд, посмотрим на него.

- Хорошо,- ответил Кубантай,- а ты Света? Согласна?

Кубантай вспомнил село Багыш. Сколько раз он наблюдал за вагонами с углём, идущими из города Кок-Янгака. Но, та железная дорога проходила не

по горным ущельям, а через село. Однажды мальчик по имени Женя зацепился и уехал с поездом. С тех пор он его не видел.

- Идёт!- закричала Света,- поезд идёт!

- А-а, оказывается это поезд с углём из Кок-Янгака,- сказала Лиза,- там двенадцать вагонов.

Они посчитали вагоны, но везли не уголь, а солдат.

- Смотрите, дядя машет нам рукой,- сказала Света,- я знаю, они едут на войну.

- Замолчи,- сказала Лиза,- дай спокойно посмотреть на поезд!

- Смотри, я же тебе не мешаю!

- У- ух, язык у тебя!

Кубантай вспомнил отца:

- Он наверное, тоже на поезде уехал. Увидев детей на улице, наверное вспомнил обо мне.

Перед глазами встало село Пайнап. Вспомнил рассказ матери Бектура:

«Я их проводила до Джалал-Абада,- говорила она.- Мы шли пешком и днём, и ночью. На голове я несла узелок, в котором были лепёшки, две бутылки топлёного масла. Мы шли и ночью. Раньше мне не приходилось идти так далеко, сколько всего натерпелась! На следующий день я не могла ходить, болели ступни. Хромая, проводила их до отхода поезда. Вернулась пешком.

- Боялась?

- Откуда? Таких как я было много!

- Все пайнапцы уехали вместе?

- Не знаю. Я проводила только троих- Арзыкула, Бакира и своего мужа.

- Значит, Эргеша...

- Да,- вздохнула тётя Айзаада,- тогда Арзыкул сказал:

- Присматривай за нашим домом,- сказал он серьёзно. А Бакир сказал:

- Поцелуй Нурдина и прослезился. А мой муж всё повторял имя сына, Бектура, просил, чтобы я

хорошо за ним смотрела. Не дай почувствовать моё отсутствие.

Поезд прошёл.

- Что встали? Пошли домой!- сказала Лиза.

Они направились домой по рельсам. В нос врзался едкий запах дыма и масла. Когда они вернулись в город была ночь. На улицах горел свет.

- Кубантай, пошли к нам,- сказала Лиза,- идти-то одному страшно.

- Да нет, не боюсь,- сказал Кубантай,- дойду.

- Ну тогда до свидания!- сказала Лиза, протягивая руку.- Спокойной ночи!

Света дёрнула Кубантая за подол:

- Дядя Кубантай, пойдёте к нам домой!

Кубантай вздрогнул. Он смотрел на неё удивленно, как будто видел впервые. Но, не подал виду. Так как обращение «дядя» он слышал впервые. Поэтому, это слово в какой-то степени послышалось ему тёплым, приятным.

«Дядя»...- повторял Кубантай про себя. Значит, теперь его будут называть «дядей». Неужели он вырос? До сих пор Кубантай считал себя ребёнком, младше всех. До этого никто не называл «дядей», звали по имени. А тогда почему его мама говорила:

- Сынок, ты теперь уже взрослый! Повзрослевшего мальчика младшие называют «дядей». Этого тогда Кубантай не знал. Теперь он понял, что так говорят, когда хотят успокоить. Кроме того, он вспомнил ещё свою ошибку и ему стало обидно. Он, оказывается, не думал о детях, младше себя.

«Дядя!»- это значит начало чувства ответственности? Понял ли это мальчик? Или посчитал просто как обращение младших к старшим, как уважительное слово? От этого ему стало приятно. Он посмотрел на Свету с улыбкой, взял руку:

- Ладно, тогда, пошли к вам!

- Оо, вот и дети пришли,- сказал отец Лизы Борис Николаевич, открывая дверь,- почему так поздно? Заходите домой!

Он держал в руках сложенную газету, наверное читал её и вышел с ней во двор. На вид не очень стар, на лице нет морщин, белолицый, полный в очках. Кубантай представлял его более взрослым. Он много слышал про него от Лизы. Он работал на городском хлопкоочистительном заводе главным инженером.

Из кухни послышался голос женщины:

- Только пришли? Посмотри на них! Надо их наказать поостроже, слышишь, отец!

- Это, мама,- прошептала Лиза на ухо Кубантаю,- не бойся, она хороший человек, любит поворачать, не обращай внимания!

Варвара Николаевна продолжала ворчать:

- Отец собирался уже искать вас. Разве можно так, нехорошо! Мы так за вас волновались!

Дети молчали, они поняли свою ошибку. Только Света не чувствовала себя виноватой. Она вбежала в комнату, и не смотря на строгого отца прыгнула и обняла его за шею.

- Папа, папа к нам пришёл Кубантай. Папа я говорю же, к нам пришёл Кубантай.

Кубантай спешно вошёл. Не успел он поздороваться, как Николаевич протянул руку.

- А-а, Кубантай! Хорошо, хорошо! А ну-ка, дай руку. О-о, молодец, как учёба? Мы знаем о тебе, Лиза рассказывала. Почему не приходишь к нам. Не хорошо Арзыкулов!

«Значит, Лиза рассказывала про меня»,- думал Кубантай, стесняясь он протянул руку.

- Здравствуйте, Борис Николаевич! В это время из кухни вышла Варвара Николаевна.

- Ну, что, погуляли?- спросила она.

- Да,- сказала обнимая маму.- Знаешь мама, мы видели поезд, который проехал через ущелье. Ой,

это было так здорово! Зелёные вагоны шли друг за другом.

- Зачем ты это говоришь?- недовольно сказала Лиза,- поезда не видела раньше, что ли?

Варвара Николаевна сделала вид, что ругает старшую дочь:

- Ты не мешай нам, Лиза! Рассказывай, рассказывай, Света! Света продолжила свой рассказ:

- А потом мама мы видели вагоны с солдатами. Они нам махали руками. Сначала мы думали, что это вагоны с углём из Кок-Янгака, а оказалось, что солдат везут на фронт.

- Что тут удивительного!- опять вмешалась Лиза.

- А я и не говорю, что удивительно.

- Вот и ведунья! Только что сама сказала.

- Ну-ка, садитесь за стол, будем ужинать,- сказал Борис Николаевич, собирая газеты. Кубантай, иди сюда, сядь рядом со мной!

Варвара Николаевна обернулась к мальчику:

- Мы здоровались с тобой? Отвлеклись разговором...

Варвара Николаевна поцеловала его в лоб.

- Как живёшь? Всё хорошо?

Как Галина Андреевна, не болеет? В той же столовой работает?

- Да,- тихо ответил он.

- Идём ужинать! Сядь рядом с Борисом Николаевичем. Разливая борщ, обратилась к Лизе:

- Доченька, оказывается, дома нет хлеба. Весь день играешь, а теперь борщ будете есть без хлеба.

- Сегодня в магазине хлеб не поступал. Иначе бы и я купил,- вмешался Борис Николаевич.

Поднеся ложку ко рту, Кубантай вспомнил, что возле магазина люди стояли в очереди.

- Даже если бы хлеб привезли, нам бы не досталось.

Света поела и отодвинула тарелку:

- Мама, я спать хочу!

- Лиза, уложи её.

- Пусть сама ляжет, не маленькая! И в горах нас замучила. Теперь её никуда не возьму!

- Старших надо слушаться.

- К тому же они твои родители,- добавила Света. Все рассмеялись.

- Правильно говорит Света, родителей надо слушаться.

- Я сейчас буду мыть посуду,- сказала Лиза и стала убирать со стола,- пусть сама ляжет. Я что буду носить её на руках и дома и на улице?

- Ну тогда, пойдём все спать!- приподнялся Борис Николаевич.

Кубантай долго не мог уснуть:

«Зря я сюда пришёл. Тётя Галя будет искать, не зная где я, будет беспокоиться».

Мальчик стал вспоминать свою жизнь в городе.

С тех пор как в жизни Галины Андреевны появился Кубантай, её жизнь изменилась. Теперь её кто-то ждёт дома, в окнах горит. Если она опаздывает её кто-то встречает. Дома всегда чисто, тепло. Женщина только и думает о мальчике. Одевает, кормит, покупает школьные принадлежности. Всё своё свободное время отдаёт ему. У Галины Андреевны только одна цель- чтобы он был сыт, не страивался и был не хуже других. И так она делает всё, что в её силах. Накануне учебного года купила портфель, книги, тетради, ручки. Чтобы было ближе к дому, она договорилась и устроила его в школу имени Мичурина, которая расположена на улице «Колхозной». Так как мальчик до сих пор учился в кыргызской школе, то вопрос об устройстве в данную школу решил не сразу. На окраине города была кыргызская школа. Вместе с директором школы решили, что нет никакой разницы, даже будет лучше, если мальчик будет учиться на русском языке. Было решено, что он будет учиться с первого класса, но мальчик был против. Да и возрастом он был старше. В конце концов директор предложил:

- Хорошо, дадим полгода испытательного срока. Если отстанет, посадим в начальную школу.

На этом и решили. Теперь, когда судьба мальчика была решена, Галина Андреевна успокоилась. А вскоре и каникулы закончились, начался новый учебный год.

Первого сентября она сама отвела Кубантая в школу. Так как её еле-еле отпустили с работы на полчаса, она смогла быть на торжественной линейке. Отвела Кубантая к ребятам, которые построились на школьной площадке:

- Ну, я пошла, Кубанчик!- сказала она и поцеловала его.

С каждым днём Галина Андреевна всё больше понимала как ответственно быть матерью. До ухода на фронт её муж Чернов Николай Андреевич в одном из городских учреждений работал бухгалтером. Видимо, он был хозяйственным, во дворе много плодовых деревьев. Сейчас они уже дают плоды. У Кубантая нет как раньше забот. У него есть дом, он всегда сыт и одет. Его никто не ругает, не расстраивает. Дома не бывает никаких ссор, неприятностей. Жизнь его стала спокойной и безмятежной. Тётя Галина делает для него всё, что в её силах. Она похвалила его соседям, сказав, что он добрый, трудолюбивый. Услышав это, Кубантай старался ещё больше. Он с большим удовольствием выполнял всю домашнюю работу. Вечерами они сидели и беседовали о том, о сём. Для неё всё, что перенёс Кубантай казалось сказкой. Галина Андреевна очень внимательно его слушала. В его рассказах было и грустное, и смешное. Да, признавалась Галина Андреевна, что по сравнению с этим маленьким мальчиком, она ничего не перенесла. А ведь и она выросла в селе. До замужества жила у родителей. Отец Андрей Никитович Ермаков работает на птицеферме колхоза «Заря», которая расположена на окраине города. К дочери приезжает редко, так как они поссорились.

- Переезжай к нам,- говорил отец.

- Куда я пойду, бросив дом? Пока Коля не придет никуда не поеду,- ответила дочь. Конечно, ей было не легко одной справляться с домашним хозяйством, но она терпела. А теперь они живут вдвоём, а скоро и Коля вернётся.

Шёл обильный снег. Женщина не отрывала глаз от окна и думала:

- Вот и зима пришла. Мальчику нужна зимняя одежда и дров в доме нет.

- Дорогие родители!- продолжила Бэла Григорьевна,-

Известна ли вам цель нашего собрания? Наверняка, известна. Вот и завершилось первое полугодие. Дети ушли на зимние каникулы. Но дело этим не ограничивается. Мы должны улучшать не только учебную, но и воспитательную работу. Только тогда мы можем достичь успехов. Не так ли?

- Да правильно, правильно!- поддержали родители.

Классный руководитель стала называть лучших учеников. Остановилась на их учёбе и дисциплине. Галина Андреевна знает их родителей. Они часто встречаются на улице, здороваются, разговаривают. Они ходят друг другу в гости. Оторвав взгляд от окна, она посмотрела в их сторону. Она улыбнулась и про себя выразила свои чистые чувства благодарности: «Спасибо, вам!» А в это время снег усилился и она подумала: «Затопил ли печь Кубантай? Хватит ли нам угля до весны?»

- В этом году в мой класс прибыл мальчик,- сказала Бэла Григорьевна,- на первых порах ему было очень трудно, он отставал от других ребят.

«Это о Кубантае,- прислушалась Галина Андреевна,- что же о нём скажут?»

- Но, он оказался способным, старательным. Конечно, в первой четверти мы ему помогали. Дальше он сам стал хорошо учиться и в итоге первое полугодие завершил на «хорошо». Уроки не про-

пускает, не опаздывает, всегда выполняет домашние задания. Он очень способный мальчик. Среди вас сидит человек, который воспитывает его. Спасибо, вам, Галина Андреевна!

Галина Андреевна даже не ожидала, что так обернётся, застеснялась. Сидящие на собрании стали смотреть на неё. От этого она ещё больше застеснялась, почувствовала себя неловко. Она ощущала себя школьницей, вспомнила школьные годы и её захотелось смеяться. Что же надо говорить в таких случаях? Может быть так: «Это не я! Он сам и до меня был таким способным, трудолюбивым». Или так: «Спасибо, за тёплые слова! Я постараюсь воспитать его хорошим человеком! Нет, она так сказать не сможет, стыдно! А что же надо говорить?!»

Учительница словно поняла её состояние и сказала:

- И так, дорогие родители! Разрешите поздравить вас с наступающим Новым Годом! Пусть Новый Год принесёт нам новые победы! Галина Андреевна сразу почувствовала облегчение.

Когда они вышли с собрания уже вечерело. За это

Время выпало много снега. Галина Андреевна поправила платок, застегнула пальто и поспешила домой.

Кубантай был дома, он встретил её у дверей:

- Почему вы так поздно?

- А, Кубанчик, Кубанчик!- воскликнула Галина Андреевна и обняла мальчика. Её щёки покраснели, но были холодными.

- Ничего не случилось!- повторяла тётя Галя, собрание только закончилось. А ты не боялся один?

- Не-ет!

Кубантай взял одежду Галины Андреевны и повесил.

- Вы очень замёрзли, садитесь ближе к печке!

Женщина вспомнила своего мужа, он всегда так встречал её. Когда она приходила с работы дома

было тепло, еда готова. Он помогал ей снять одежду, вешал на место и просил сесть за стол. Поставив еду на стол, тихо говорил:

- Ешь пока не остыло.

- Будете есть?

Услышав эти слова, Галина Андреевна вздрогнула.

- Еда? Ты приготовил еду?

- Да.

Галине Андреевне ещё раз захотелось обнять Кубантая, сказать ему ласковые слова, выразить всю женскую нежность и любовь.

Она смотрела не отрывая глаз от Кубантая. Ей показалось, что перед ней стоит муж Коля. Ей всегда так казалось, иногда она всю ночь не спала, не находила себе покоя. И сейчас в её душе всё смешалось: радость и тоска, переживания и другое.

- Хорошо сказала Галина Андреевна, подходя к столу с едой.- Пошли! Хорошо!

Однако она и сама не знала кому предназначалось слово «хорошо». Может быть она была довольна успехами в учёбе и поэтому сказала «хорошо». А может быть за то, что затопил печь и приготовил еду? Или за то, что как взрослый помог снять ей верхнюю одежду? Всё это конечно, хорошо, но Галине Андреевне как- будто чего- то или кого- то не хватало. И это чувство не давало ей покоя.

- Кубанчик! - сказала Галина Андреевна, продолжая есть,- ты закончил первое полугодие с хорошими оценкам. Молодец! Я знала, что ты будешь образцовым учеником. А теперь ты должен отдохнуть, ведь начались зимние каникулы. Ты свободен, иди к себе в село. Пять- шесть дней побудь у моих родителей, а потом вернёшься, хорошо!

Кубантай молчал, он не осмеливался высказать свои мысли. Ведь соскучился по Пайнапу, хотел видеть родное село. Неужели исполнится его мечта? Как же быть? Не слушаться тётю он не может. А может поедет в Пайнап летом? Но до этого ещё так далеко...

- Кубантай, почему молчишь? Или не хочешь ехать? Я тебя не заставляю.

Мальчик опустил голову. У Галины Андреевны отношения с родителями теперь другие. Юрий Никитич и Анастасия Никитична когда узнали, что дочь усыновила сироту, забыли о своих старых обидах и были рады поступку дочери. Поэтому стали чаще приезжать к дочери. Галина Андреевна встала из-за стола.

- Ладно будем спать! Подумай ещё до утра!

- Поеду,- сказал Кубантай, убирая со стола. На следующий день она отправила его в село.

* * *

К утру погода испортилась, пошёл дождь. Кубантай встал с кровати, подошёл к окну и стал смотреть на улицу. «Может не идти домой, а сразу в школу? - думал мальчик, но сегодня Бэла Григорьевна будет спрашивать по истории. В прошлый раз он не смог ответить. И учебников нет, что же делать?»

Выйдя на улицу он понял, что ещё рано. «Нет, сначала надо сходить домой, а то Тётя Галя будет искать меня и может прийти в школу.»

Кубантай вышел на улицу. Город только просыпался. Вокруг тишина. С листьев деревьев падают капельки дождя. Все уголки города ему хорошо знакомы. Этот город он знал так же хорошо, как и Пайнап, и Багыш.

Кубантай остановился на своей улице. Соседи, увидев Кубантая, проходили молча. Никто из них не сказал: «Где ты был Кубантай? Вчера ночью Галина Андреевна искала тебя у нас». Значит, тётя не искала его. Может быть её нет дома?

Мальчик стал беспокоиться, в голову стали приходиться разные мысли и он спешил быстрее зайти во двор.

- Привет, Кубантай!

Кубантай вздрогнул погруженный в свои мысли, он не мог прийти в себя. Вначале он думал, что это тётя Галя. Однако, потом сообразил, что это мужской голос, он предположил, что это соседские ребята и обернулся.

- Женя?

Женя сидел на заборе, свесив ноги по обе стороны, ел яблоко и был беззаботен. Одежда его была поношенной, лицо чумазое, что даже было трудно разобрать что это: пыль угля или сок арбуза и дыни. Видна были только глаза. Но он был счастлив, в глазах была радость. Кубантай сразу узнал старого товарища.

- Не бойся, я не пришёл тебя бить или грабить!- проговорил с иронией Женя.

Кубантай не думал так, наоборот, он обрадовался встрече и разволновался.

- Женя!- сказал он во второй раз. В это время Женя уже спрыгнул с забора. Женя протянул Кубантаю яблоко.

- На, хочешь?

- Эх, Женя! Какими судьбами?

Кубантай хотел его обнять, но тот стал пятиться назад:

- Не надо. Испачкаешься! Они обменялись рукопожатием. Женя был старше Кубантая на два- три года. Несмотря на это, они поддерживали дружеские отношения.

- Откуда ты узнал, что я здесь живу?

Женя не стал скрывать свои мысли:

- Я следил за тобой.

- Я же не видел тебя в городе.

- Думаешь я здесь был постоянно. Я побывал в Оше, Андижане, даже в Ташкенте.

- Зайдём к нам домой.

Подойдя к веранде, они увидели замок на двери. «Значит тётя не ночевала дома»,- подумал Кубантай. Он оказался прав. На месте, где они обычно прятали ключ, нашёл записку.

«Кубантай! Я поехала к родителям. Хотела взять и тебя, но ты не пришёл. Пригласи кого-нибудь из соседских мальчишек переночуйте вместе. Я приеду завтра».

Женя отобрал ключ у Кубантая:

- Ты здорово живёшь, парниша! Он открыл дом и первым вошёл.

- Ах, как вкусно пахнет едой! Давно я не ел досьята. Наконец-то, наемся вдоволь.

Гремя посудой, Женя стал искать еду.

- Я проголодался, есть что-нибудь?

- Сейчас, Женя!- заторопился Кубантай.- Посиди, я принесу всё, что нужно.

Женя не обратил внимания на его слова. На печи нашёл полбулки хлеба, накрытую цветным полотенцем и стал жадно есть. Кубантай не стал его останавливать и даже не взглянул на него. Сделал вид, что не замечает и стал накрывать на стол.

- Оказывается, есть борщ, подогреть?

- Не надо,- сказал Женя, махнув рукой,- поем и холодный. Он начал искать, взял ведро с водой и стал пить из него.

- Вот, теперь всё в порядке!- сказал Женя, потирая ладони, и с улыбкой посмотрел на Кубантая.

- А ну-ка, что там есть?

Он заглянул во вторую комнату.

- О-о, отлично! Можно войти?

Не дожидаясь ответа Кубантая, он вошёл в комнату. Сел на диван, погладил живот и перекинул ногу на ногу.

- Сядь рядом, поговорим!

Кубантай послушно выполнял его указания.

- Знаешь, зачем я к тебе приехал?

- Знаю, хочешь взять с собой.

- Не-ет, совсем не так. Зачем ты мне нужен, если я себя еле кормлю!

Он сел поудобнее.

- Короче: найди мне одежду, друг! Посмотри на меня, стыдно ходить по улице!

- Да ну, вас?- и с обиженным видом пошёл к выходу. Громко хлопнув дверью, пошёл не оглядываясь. Лиза пожала плечами.

- Что за характер у мальчика?

* * *

Вновь стало тепло, даже становилось жарко.

- Обиделся,- сказал Кубантай.

- Да, обиделся,- повторила Лиза,- если встретимся я извинюсь.

- Не встретится,- сказал Кубантай,- он уедет далеко. Я его знаю...

- Действительно одежда у него слишком старая,- сказала Лиза.- Мне было жалко его.

- Это ты виновата,- сказал Кубантай.- Я хотел отдать одежду дяди Коли. Если бы ты не зашла, отдал бы.

- Эту одежду? А ты не боишься Галины Андреевны?

- Боюсь,- ответил Кубантай.- Тут он вспомнил как сам продавал галоши на базаре.

По центральной улице города имени Ленина строем шли солдаты.

«Левой! Левой!» Командовал кто-то. Кубантай с Лизой дали им дорогу.

- Опоздали,- сказала Лиза,- теперь нас будут ругать.

- Сегодня в школу не пойдём,- сказал Кубантай.- Идём лучше поищем Женю.

- Я так и знала, что будет так,- сказала невесело Лиза. Что скажем завтра?

Кубантай склонил голову. Издалека была слышна команда: «Левой! Левой!»

- Пошли домой,- предложила Лиза,- мама на работе, Света осталась одна.

Кубантай старался уговорить девочку:

- Да брось ты! Идём со мной, может Женю встретим.

Лиза промолчала. Он почувствовал, что она согласна и смело взял её за руку.

- Пошли!

Дети прошли мимо, хлебного ларька, увидели людей, стоящих в очереди.

«Дома и хлеба нет,- думал Кубантай.- Весь хлеб съел Женя. А может занять очередь и купить хлеба?»

Лиза вспомнила слова матери, сказанные ночью:

«Купила бы хлеба, доченька. Теперь борщ будете есть без хлеба».

Но эти мысли были у детей недолго. Они быстро забыли про них, увлеклись игрой и побежали.

* * *

В последние годы Кубантай стал часто писать в своё село. Взрослея, он всё больше тосковал по своему селу. Вот одно из его писем:

«Бектур! Здоров ли ты? Я очень по вам соскучился. Хочу увидеть Пайнап, вас. Но, к сожалению, у меня нет возможности приехать. Как я оставлю одну тётю Галю? Недавно она получила похоронку на мужа. А ведь мы его так ждали! Эта весть была ударом для нас! Что поделаешь!? Тётя Галя ходит как убитая. Если и я уеду, ей будет одиноко, тяжело, поэтому я не могу никуда уйти. Она очень нежная, добрая женщина. Для меня она кажется яркой звездой, освещающей мой путь!

Бектур! Есть ли весть от моего отца? Я много думаю о нём. Вот и война закончилась! Знаешь, в этот день в нашем городе был большой праздник. Вечером был салют. На улицах было полно цветов и людей. Тётя Галя плакала, обнимая меня. Потом мы вдвоём гуляли по городу до усталости. На следующий день в школе мы провели концерт в честь Дня Победы для родителей. Эх, когда я пел и танцевал, я думал о вас. Было бы хорошо, если бы вы были в зале и видели наш концерт.

Ладно! Будь здоров! Тётя Галя передаёт вам привет. Всем жму руки.

Арзыкулов Кубантай, город Джалал-Абад, 1945 год, май. Если вернётся отец, тут же сообщи! А мама... бедная мама...

Письмо Бектура:

«Здравствуй, Кубантай! Мы получили твоё письмо, прочитав, очень обрадовались! Теперь о наших новостях:

Умер дядя Сатар. Тётя Кадича продала дом, уехала из Пайнапа. Она живёт в селе Арпачи у старшей дочери Паризат. От сына Баяза вестей нет.

Кубантай, не стану скрывать, всё равно узнаешь. Это, конечно, для тебя очень тяжело. Что поделаешь? С войны многие не вернулись. Среди них и дядя Арзыкул. Мы выросли без отцов! Учитель наш дядя Сагын вернулся без одной ноги. Сейчас работает директором школы. Ждём от тебя писем, а лучше тебя самого!»

III. В ДОБРЫЙ ПУТЬ ТЕБЕ КУБАНТАЙ!

Он окончил лишь восемь классов, дальше не смог продолжать учёбу.

«Сынок,- сказала однажды Галина Андреевна, объясняя положение,- хорошо, что ты стремишься к учёбе. Но, пока ты не торопись, всё ещё впереди успеешь! Ты пойми меня правильно. Я не хочу тебе мешать. Надо исходить из возможностей и обстоятельств. Иначе попадём в просак».

Кубантай и сам это понимал. Он уже присматривал себе подходящую работу. Он советовался с отцом Лизы Борисом Николаевичем. Тот поддержал юношу. По его совету он согласился работать грузчиком на хлопкоочистительном заводе.

- Пока работай там,- сказал Борис Николаевич,- а там посмотрим. Успех не сразу приходит.

Услышав это Галина Андреевна сказала:

- Не тяжела ли будет эта работа для тебя? Может в другом месте найдёшь полегче работу?

Кубантай не соглашался:

- Ничего. Там немало ребят таких как я. Скоро при заводе откроется вечерняя школа. Если откроется, буду учиться и закончу десять классов. Постараюсь поступить в высшее учебное заведение.

- Смотри сам. Лишь бы тебе не было трудно.

- Не будет трудно. Даже если будет тяжело- выдержу, буду работать.

Кубантай начал работать. В начале вроде бы всё шло без проблем. Постепенно он стал чувствовать усталость, тело по утрам ныло.

Особенно трудно было работать по сменам. На завод он ходил то днём, то ночью. Постоянно недосыпал. При любой погоде работал на улице: и в проливной дождь, и в снег. Жгучий холод и зной стали его постоянными спутниками.

Работа была разной. Иногда они разгружали вагоны с лесом на железнодорожной станции. Иногда загружали машины тюками хлопка. Если он не мог поднять груз, или уставал раньше своих товарищей, ему было обидно и досадно. Ему хотелось стать сильным джигитом. Он вспоминал сказки, кинофильмы, в которых прославляли героизм людей. А его отец? Перед глазами вставало богатырское тело отца, его упрямый и жесткий характер.

«Сынок, будь дехкаником! Люби землю!»- говорил он. Сколько бы ни было работы, отец никогда не унывал. Когда он работал казалось, что всё просто легко. А почему Кубантай не может работать так же легко и просто? Неужели Галина Андреевна права? Неужели надо искать подходящую для себя работу? Вообще-то, Кубантай никогда не думал стать рабочим. Он ведь всегда мечтал быть учителем. Что же будет с мечтами отца? Ни тем, ни другим он не стал. Но, от мечты стать учителем он не отказывается: «Буду учителем!» Но Галина Андреевна сказала:

- Не торопись! Жизнь сама подскажет тебе кем быть.

Кубантай на эти слова не может ответить ни «да», ни «нет», так как у него ещё не хватает жизненного опыта. И всё же во всём его поведении чувствуется, что слова Галины Андреевны его не убедили. Он не может объяснить причин его сомнений.

«Надо учиться!» - говорит он себе.

Да, Кубантай пережил некоторые жизненные невзгоды, стремился к лучшему, боролся по мере сил с трудностями. Но, не всё задуманное удалось осуществить. Значит, жизнь сильнее человека. Зависит ли осуществление планов и целей от жизни? Нет! Человек совершил мировую революцию, установил на земле свободу, равенство и справедливость! Ленин! Революция!

Кубантай только теперь стал понимать это.

А Лиза Сизова закончила среднюю школу, поступила в городское педагогическое училище. Галина Андреевна вышла замуж за повара, с которым вместе работала в столовой. Женя Колесников попал в милицию, когда воровал на железнодорожном вокзале. Неделю он находился в отделении милиции, а Кубантай носил ему передачи. Когда Женю собирались отправить в трудовую колонию, Кубантай не раз обращался за помощью к Борису Николаевичу. Инженер был вынужден вмешаться в это дело. В конце концов, Женю отправили в ФЗО, чтобы он получил специальность и стал человеком.

Закончив вечернюю школу при заводе, Кубантай получил среднее образование. Достиг совершеннолетия.

«Что же будет дальше? Будет работать или учиться? Может быть уедет к себе на родину к родственником?» - тревожилась Галина Андреевна. И действительно в последнее время характер Кубантая изменился. Иногда он был весёлый, иногда молчаливый. А может влюбился в Лизу?

По мере взросления у человека становится больше обязанностей, возрастёт ответственность. Да и

сам человек, требует большего от общества, в котором живёт.

Кубантай когда учился в школе, каждый год покупал новые книги. Читал книги о новых отраслях науки. И учителя бывают разные по характеру, но у всех требования одни- готов ты к уроку или нет, спрашивают всех. Если не ответишь- стыдно! Нет ничего хуже, чем краснеть среди своих сверстников! Необходимо быть среди лучших в классе и школе. Вот цель, которую Кубантай поставил себе с детства!

А на работе? И на работе говорят: «Жить без отца тяжело, но жить без хлеба невозможно!» Конечно, честь и болезнь всегда мучают человека. Значит, честь- одно из главных требований человека. Кубантай это понял! Но, никак не мог понять одну вещь...

Лиза повзрослела. Лиза... Вот секрет его переживаний. Кубантай открыл для себя нечто новое! Он полюбил Лизу!

Лиза! Лиза! Кубантай хочет посвятить тебе прекрасные слова. Где он их найдёт? Он хочет подарить тебе всё своё богатство, если бы оно у него было. Слышишь Лиза! Кубантай по-настоящему влюбился в Лизу!

* * *

Если бы кто-то спросил Кубантая: «Назови самое любимое место». Он бы не задумываясь назвал бы село Пайнап, город, где живёт и холмики на восточной части города, где они бывали с Лизой вместе.

Кубантай родился в селе, вырос в городе. Это очень повлияло на его характер. По сравнению со своими восемнадцатилетними сверстниками он отличался и внешне, и характером. Теперь он считал себя взрослым, мудрым человеком.

А детство кажется уже только далёким слабым светом. Он представляет себе Пайнап и сравнивает

его с островом, окружённым морем. А себя мальчиком, который сидит на берегу моря и ждёт корабль, идущий неизвестно откуда.

Корабль детства! Куда только он тебя ни приводил, с кем только ни сводил? Но, где бы ты ни был, ты помнил родителей, Пайнап, свой дом! Помнишь, как Бектур часто приходил к вам домой? Вы вдвоём делали бумажные кораблики и пускали их в пруду возле дома.

Вот эти кораблики превратились в настоящие корабли, которые повели детей и их отцов в разные стороны! И неизвестно, чем завершатся эти путешествия.

Да...у каждого поколения есть свои песни и мелодии, соответствующие их интересам. Детство, юность, старость - это незабываемые и никогда не повторяющиеся периоды нашей жизни!

Кубантай ещё не дошёл до вершины горы. Ему ещё далеко до неё. На полпути он сделал остановку и стал смотреть вниз. Как на ладони были видны железнодорожный вокзал, здания кинотеатра, драмтеатра, хлопкоочистительного завода, где он работал и далее дорога, идущая как лента среди тутовых деревьев.

Был виден и перевал Шыбак-Бель. Когда-то было трудно перейти через этот перевал.

- Здравствуй, Кубантай!

Кубантай, испугавшись, резко оглянулся назад.

- Лиза...!

Они договорились встретиться здесь, увидев друг друга пошли навстречу.

- Лиза...!- сказал Кубантай, взяв девушку за руку.- Пришла!

- Заставила ждать?

Кубантай не знал, что и сказать. Слова, подготовленные заранее ему не понравились.

- Лиза...

Кубантай впервые в жизни стоял лицом к лицу с девушкой. Он смотрел на девушку с особым чувством и впервые обнял девушку.

- Не надо! Отпусти!- прошептала Лиза. Освободившись из объятий юноши, она отошла назад, отталкивая его. Отвернулась и закрыла лицо руками.

«Плачет», - подумал Кубантай.

- Перестань, Лиза! Неужели из-за этого обижаются? Наклонившись, он посмотрел девушке в лицо.

- Ну-ка, улыбнись!

Лиза подняла голову, оказывается она не плакала. Но, её лицо ещё больше покрылось румянцем. Глаза светились.

- Ах, Кубанчик! Ты добрый, слишком добрый! Ты ещё как ребёнок!- сказала девушка сквозь смех. Затем, взяв платок, упавший с плеч, побежала к большому дереву ореха. Кубантай стал догонять её. Они бежали, запутавшись в траве падали и шли, весело смеялись.

Лиза добежала до дерева, и не давая Кубантаю себя поймать, бегала вокруг дерева.

- Ох, устала! Хватит! Хватит, Кубанчик!- сказала Лиза, держась за грудь.- Устала! Больше не могу бежать! Ой! Голова, голова закружилась!

Кубантай тут же подхватил Лизу. Резко повернул её к себе, крепко обнял и поцеловал в щёку. Тепло, приятно!

- Лиза, я давно собираюсь тебе что-то сказать.

- Говори, говори, что ты хотел сказать?- прошептала она.

Юноша не скрывал того, что так давно хотел сказать:

- Я тебя люблю!

- Ах, не говори так, не надо! Их тела медленно падали на землю.

В этот момент Кубантаю пришла заманчивая мысль. Об этом он слышал от многих, но сейчас отказался от этой мысли. Нет, Кубантай не должен поддаваться чувствам. Он прошёл через тяжёлые испытания жизни. Понимает! Сиротство, голод! Нельзя об этом забывать!

Чувство... Человек поддается чувствам...

«Не поддавайся соблазну!» - говорило сознание. «Не соблазняй, - говорило сердце, - люди живут честью, надо беречь свою честь!» Услышав это, его тело задрожало: «Честь? Да, честь превыше всего». Потом Кубантай спросил у девушки:

- Ты знала, что я тебе скажу эти слова?

- Не знала, но.....

Они возвращались в сумерках через можжевельник, спустились вниз. Шли радостные, счастливые, возбужденные! И город казался особенным – необычно красивым и любимым.

* * *

Утром следующего дня Кубантай выйдя из дома, отправился на железнодорожный вокзал. Дом Лизы находился там. Вчера он говорил, что сегодня уедет в Пайнап.

- Мы тоже завтра уезжаем на сельхозработы. Придешь провожать? – спросила Лиза.

- Конечно!

- А когда вернешься из Пайнапа?

- Я быстро вернусь!

- Буду ждать!

Кубантай быстро дошел до вокзала.

«Увижу ли Лизу?» - с надеждой ходил туда – сюда. К перрону подходили студенты с тюками. Видимо, скоро поезд отходит.

Неожиданно встретился с Бэлой Григорьевной. Он не видел ее с тех пор, как ушел со школы. На руках у нее был ребенок.

- Еду в Казахстан, - сказала бывшая учительница истории, - там муж работает.

«Значит живет на целине!» - подумал Кубантай. А сам оглядывался по сторонам. Это почувствовала и учительница.

- Когда будет ваш поезд? – спросил Кубантай.

- Еще не знаю, - сказала учительница, успокаивая плачущего ребенка, - тут и мой чемодан.

- Я сейчас! — Кубантай побежал в сторону кассы. — Я возьму вам билет.

- Арзыкулов, вот деньги, ты забыл деньги! Билет возьми до Чимкента!

Пока Кубантай вернулся, поезд со студентами начал отходить.

«Отправился!» - с горечью думал Кубантай. — Теперь Лиза подумает, что я не пришел ее провожать».

Кубантай отдал билет учительнице, попрощался и пошел дальше. Навстречу вышла Света.

- Здравствуй! Ты в Пайнап!

- Откуда знаешь?

- Ночью Лиза сказала.

- Она уехала уже?

- Еще ночью.

- Неужели? А я пришел проводить.

- Вы опоздали, - улыбнулась Света, - может, и меня проводите.

- А ты куда собралась?

- В пионерский лагерь. Слышали про Арсланбаб?

- Так я же сам оттуда!

- Ах, да, извините!

- А когда уезжаешь?

- Завтра.

- Желаю хорошего отдыха, Света! Я пойду.

Кубантай оглядел ее с ног до головы. «Уже выросла» - подумал он.

- Я вас провожу, - сказала Света, - пойдемте, я сейчас свободна.

- Спасибо!

Они дошли до автостанции пешком. Кассир сказала, что автобус в Ленинский район будет через час и спросила сколько билетов будет брать. Кубантай не ответив ей, резко повернул назад и пошел по шоссе. Света пошла за ним.

- Теперь ты иди домой, - сказал Кубантай, - а я отсюда поеду на попутной машине.

Она совсем не хотела уходить. Машин долго не было.

- Дойдем до хлопкозавода, - предложила Света, - там могут быть машины, которые перевозят хлопок.

- И правда!

Они перешли железную дорогу и побежали к заводу. Возле чайханы стоял грузовик. Узнав, что водитель направляется на хлопкопункт села Сакалды, Кубантай очень обрадовался.

- Точно к нам. До свидания, Света!

- В добрый путь дядя Кубантай!

Кубантай кивнул ей. «Хорошей будет девушкой». Эта мысль снова неожиданно промелькнула у него. Машина сдвинулась с места. По мере приближения к селу, которое он давно хотел увидеть, Кубантай очень разволновался.

Прежде всего Кубантай пошел в школу. Но, так как были каникулы, все было закрыто.

Никого не было.

«У какого окна я сидел?» - Думал Кубантай, ища свой класс и свою парту. Подойдя с восточной стороны к школе, он стал заглядывать вовнутрь.

«Детство мое! Детство мое! - сказал он тихо. - Где оно сейчас? А ну-ка, выйди мне навстречу! Обними тебя крепко! Тогда ты был маленьким, круглолицым, тихим мальчиком!

За окном сидел босой смуглый мальчик в рваной узбекской тюбетейке, в длинном чапане. Раскрыв свои большие глаза, он смотрел на улицу.

«Это я! - сказал Кубантай, - выходи сюда! Пошли!»

Тот мальчик покачал головой, но взгляд не отрывал и долго смотрел. Кубантай мысленно взял «мальчика» за руку и они пошли по Пайнапу.

«Кубантай! Кубанычбек!» - слышалось со всех сторон. Вдруг к нему пришла такая мысль: «Да, действительно, я теперь не ребёнок, чтобы меня звали Кубантай. Это моё уменьшительно-ласкатель-

ное имя, которым меня называли в детстве. Теперь называйте меня Кубанычбеком. Да, моё настоящее имя- Кубанычбек!

Как бы ни было, юноше не хотелось отпускать своё детство далеко, он старался удержать его на некоторое время перед глазами. Эти мгновения показались ему самыми приятными и дорогими в жизни. Но, призрачный образ детства всё дальше удалялся и убежал от него.

- Стой!- крикнул Кубанычбек, царапая холодное и гладкое стекло. Затем закрыл глаза и прикрыл лицо ладонями:

- Прощай, прощай, моё детство! Прощайте мои неповторимые дни!

- Кубанычбек!- сказал сзади кто-то. Оглянувшись назад, он увидел учителя Сагына.

С ним шли ещё пять-шесть человек. Лица всех казались знакомыми.

«Эти люди знали, видели моего отца! Добрые, милосердные люди! Я соскучился по земле, где вы ходите; по воздуху, которым вы дышите! Теперь я должен быть рядом с вами и найти свой путь и место в жизни!»

* * *

Поезд с зелёными вагонами, издав пронзительный гудок, остановился на железнодорожной станции. Кубанычбек, оставив душное купе, сделал первые шаги на платформу. Глубоко вдохнул свежий воздух. Посмотрел на знакомую окраину города. Потом поправил гимнастёрку, ремень и в надежде увидеть кого-нибудь из знакомых, стал смотреть по сторонам. Никого не было и он пошёл в сторону перрона. Когда-то город Джалал-Абад казался ему очень красивым.

А теперь дома, казавшиеся высокими, были низкие. Сейчас ему казалось, что он находится не в городе, а в маленьком селе или в центре колхоза.

В одной руке у молодого солдата был чемодан, а в другой монетка. Эту жёлтую монетку он специально берёт. Подошёл к телефонной будке, потянул тяжёлую дверь на себя и вошёл в неё. Взяв из запятой ладони монетку, протёр её, положил и взял трубку. Когда он приложил трубку к уху его сердце бешено колотилось.

- Алло-о!- Кубанычбек сразу же узнал голос Лизы,- я слушаю!- сказала девушка. Кто вы?

Он не знал, что и сказать. Все слова, которые он сказать вдруг забылись.

- Алло-о!- повторила девушка. Теперь в её голове чувствовалась досада.- Кто это? Куда вы звоните?

Кубанычбек, как- будто боясь, что кто-то его услышит, прикрыл трубку рукой, оглянулся и взволнованно заговорил:

- Здравствуйте, Лиза! Это я – Кубантай!

- Кубантай!- испугалась девушка. Он слышал её волнение, частое дыхание.

- Откуда ты звонишь? Когда приехал?

- На вокзале, только что сошёл с поезда.

- Ой! Очень хорошо! Почему не сообщил заранее? Мы бы встретили!

Кубанычбек ясно представил себе полненькое белое лицо Лизы, её улыбающиеся глаза, стройный стан. Лиза в этом году закончила Джалал- Абадское педагогическое училище и осталась работать в городской школе. А Света учится в Ташкентском политехническом институте.

- Приходи домой! Родители уехали в село. Я дома одна. Слышишь, Кубанчик, приходи домой, я жду!

- Алло-о! Алло-о! Лиза!

Но девушка уже положила трубку, зря она это сделала. Кубанычбек должен был сказать ей, что не сможет зайти к ней. Сначала надо было встретиться с Галиной Андреевной. Но, раз так получилось, придётся идти к Лизе! Или же не надо было ей звонить!

Кубанычбек вышел из будки и опустив голову, шёл задумчивый. В лицо дул горячий воздух, от солнечных лучей его лицо сморщилось, глаза сузились. Влившись в людской поток, легко шагая, он перешёл на противоположную сторону дороги. Поставив чемодан, стал ждать свой автобус. Пока ждал автобус вспомнил как они играли с Лизой, взобравшись на холмы за городом.

Вскоре подошёл автобус. Кубанычбек хотел поднять чемодан, но вдруг кто-то сзади закрыл ему глаза. Руки были мягкие, нежные. Он сразу же понял кто это!

- Лиза!- сказал он, улыбаясь.

- Кубанчик!- прошептала девушка.

Они стояли лицом к лицу, смотрели друг на друга, не отрывая глаз. Они забыли, что стоят в центре города, не обращали внимания ни на людей, ни на машины. Взявшись за руки, они шли по тенистому тротуару улицы Токтогула. Эй, люди, дайте им дорогу! Не мешайте им, если они будут в автобусе, на стадионе, берегите их! Уважайте, берегите их первую любовь!

Они вдвоём пошли прямо к Галине Андреевне Черновой.

- Сынок!- сказала мать, раскрыв объятья.- Милый, здоров ли?- Мать крепко обняла сына и на её глаза навернулись слёзы.

Как поживаете, тётя?- сказал Кубанычбек, вытирая тёплые слёзы своей тёти. Галина Андреевна от волнения не знала куда присесть, что сказать и ходила туда- сюда. Кубанычбек бросил взгляд во двор. Когда-то маленькие деревья уже выросли, плодоносят.

- Вот,- сказала Лиза, протягивая руку к ветке вишни,- попробуй плоды дерева, которые когда-то сажал.

- Спасибо.- Они ели вишню.

- Дома стало душно, давайте посидим в саду под тенью,- предложила Галина Андреевна. Кубаныч-

бек открыл чемодан, взяв оттуда пуховый платок, накинул на плечи Галина Андреевны:

- Это вам! Подарок.

- Ой, вам очень идёт,- сказала Лиза. Затем Галина Андреевна одела платок на голову и поцеловала его в щёку:

- Спасибо, сынок, спасибо! Будь счастлив, пусть сбудутся твои мечты, живи долго,- стала без конца благодарить Галина Андреевна.

«Эх, жаль, надо было и Лизе тоже привезти», - подумал он с сожалением.

Стали приходиться соседи. Кубанычбек знает их всех. Сколько раз он бывал у них дома, ел, играл с их детьми.

- Ну, дорогие гости, садитесь. Сейчас подам еду. Лиза, пожалуйста, помоги мне.

Соседи сели за стол. Подали еду и вино.

- О-о,- сказал кто-то,- видимо, хорошо отметим возвращение Кубанычбека из армии, да?

- А как же!- сказала Галина Андреевна,- когда же будем пить вино, если не сегодня? Я так долго ждала этого дня! Моей радости нет предела! Посмотрите, мой сын привёз мне платок!

- Поздравляем! Поздравляем!- сидящие за столом.

- Хороший платок. И нам бы привёз, Кубанычбек? Ты что только тётю Галю любишь? А нас?

- Да, ладно, вам! Не смущайте парня! Нет ценности в выпрошенном подарке!- сказал второй. Все засмеялись. Галина Андреевна взяла бокал с вином и сказала:

- Дорогие соседи, выпьем за то, что мой сын Кубанычбек с честью выполнил долг перед Родиной!

- Будь счастлива, Галина!

- Пусть будут внуки и правнуки! Все выпили.

- Где ты служил?- спросила женщина, которая ела помидоры. Кубанычбек отвлёкся и не смог ей ответить. Потирая ладонями, покрасневшее после выпитого вина лицо, Лиза обратилась к гостям:

- Ешьте, не стесняйтесь! Галина Андреевна, не наливайте мне больше!

- Расскажи, почему молчишь? - спросила та женщина снова. Где служил? Ты же знаешь моего Сашу, ведь вместе играли. Он сейчас служит на Украине, его демобилизуют осенью. И он такой же как воспитанный, рассудительный. Дай бог вам долгой жизни!

- Извините, Ирина Савельева, я и не слышал вас, извините, - ответил Кубанычбек, извиняясь. - Я служил на Камчатке.

- Ну, расскажи, что видел и слышал там.

- В армии я был водителем. Машины там мощные, не такие как здесь. Они проедут и в дождь, и в снег. Им не страшны и песчаная пустыня, и болотистые места. Однажды в нашей части случилось следующее...

Казалось, этот рассказ заинтересовал только Ирину Савельеву, а остальным либо было всё-равно, либо они уже начали пьянеть и не в состоянии были слушать что-либо. Поэтому Кубанычбек прекратил свой рассказ. Почувствовав это, Ирина Савельева поменяла тему разговора:

- Что теперь собираешься делать?

Галина Андреевна опередила Кубанычбека:

- Конечно же будет работать на старом месте, где и работал. Куда же больше пойдёт? Присутствующие поняли, что она имела в виду хлопкоочистительный завод. Тут же стали говорить об отце Лизы, бывшем инженере Борисе Николаевиче. Слышать об отце тёплые отзывы девушке было очень приятно.

«Дай бог, чтобы в будущем и о нас с Кубанычбеком говорили такие же тёплые слова», - подумала про себя Лиза.

До сих пор Кубанычбек жил мыслью об учёбе. Теперь, видимо, ему придётся прислушаться к мнению Лизы.

Когда шли сюда Лиза говорила, что ему лучше в этом году поработать. Кубанычбек тогда не сказал

ни «нет», ни «да». Вот и теперь тётя Галя говорит то же самое. Когда он служил в армии много читал и слышал о Казахстане и целине. Когда его демобилизовали он чуть не уехал туда со своими сверстниками. Но понял, что нельзя заставлять ждать тётю Галю и Лизу, и делать всё, что захочется, конечно, это будет неправильно. К тому же жизнь Галины Андреевны со вторым мужем не сложилась. Поэтому и решил он не оставлять Галину Андреевну одну, помогать ей и быть опорой.

Галина Андреевна лишь год прожила с поваром Намайтжаном, с которым вместе работала. Они не смогли найти общего языка и развелись.

«Слишком любит деньги,- писала сыну Галина Андреевна.- Конечно, кто же деньги не любит, но надо иметь совесть. Лучше зарабатывать честным трудом и жить спокойно. Но, дядя Намайтжан так не делал. Он воровал из столовой и продавал на базаре. От стыда я не могла смотреть в глаза соседям. Он меня не слушает. Иногда приходит пьяным и оскорбляет меня. В конце концов, пришлось развестись. Сынок, чем жить с таким мужем, лучше быть одной. Вернёшься, женишься, а я буду нянчить внуков, помогать вам. Вот то, чего теперь я хочу от жизни».

Соседи разошлись очень поздно.

- Завтра поеду в своё село, повидаюсь с родственниками,- сказал Кубанычбек, провожая Лизу. Она многозначительно посмотрела на него. Он понял, что она хотела сказать этим взглядом. Несколько лет назад Кубанычбек уехал в село и целый год не возвращался. Но, тогда Кубанычбек не был виноват. Односельчане сделали его учётчиком хлопководческой бригады, так как он был грамотным. Поэтому, он вынужден был работать, и ограничивался тем, что писал письма тёте Гале и Лизе. А потом его призвали в армию, по приезду в Джалал-Абад на железнодорожном вокзале позвонил тёте Гале и Лизе. Тётя Галя и Лиза еле успели до отправления поезда.

Как только они поднялись на перрон, увидели парня с бритой головой в кепке. В нём еле узнали Кубанычбека. Он похудел, загорел.

- Коля!- закричала Галина Андреевна, протягивая обе руки, -Коля!

Так она когда-то провожала своего мужа на фронт. Конечно, сейчас не то время, но сердце матери всё- равно волнуется.

- Кубантай, мой милый!- говорила она, обнимая его.

- Как же так? Почему не сообщил заранее?

- Не успел! Не обижайтесь! Не беспокойтесь! Ни о чём не думайте! Я буду часто писать вам.

- Лиза!- сказал он, обернувшись к девушке.- Пришла!- Взяв её руки, положил на грудь.- Прости меня! Так получилось. Другого выхода не было!

Лиза, положив голову на плечи юноши, закрыла глаза: «Ах, Кубанычбек! Кубанчик!- прошептала она.- Как я тебя ждала! Ни разу не приехал. Я так тебя ждала!»

И юноша спешил сказать всё, что накопилось:

- Хорошо, что пришла, Лиза! Вот и успели повидаться перед отъездом. Спасибо, тебе Лиза! Присматривай за тётей! Помогай ей, чаще проводывай.

- Ах, Кубанчик!- крепко обняла Лиза юношу за шею.- Что же сказать теперь? Доброго, тебе, пути! За нас не беспокойся!

- Два года пролетят быстро. Обязательно встретимся! На этом же месте встретимся, ладно?

- Буду ждать!- ответила девушка. Тут раздался пронзительный гудок поезда, который был слышен на весь город.

- До свидания!

- До свидания!- сказали они, не отрывая взгляда друг от друга.

Кубанычбек вскочил на ступеньки последнего вагона. Повернувшись помахал рукой. Галина Андреевна не упала на холодные рельсы, не плакала, а была спокойна. Лишь молча махала платком.

Ночной город. Улица малолюдна. Идут редкие дежурные автобусы. Они дошли до знакомого двора и остановились. В свете луны были видны армейские значки и пуговицы. Лиза с интересом, не отрывая взгляда рассматривала их, и подумала, что начистил до блеска.

Запах Кубантая! Лиза впервые почувствовала запах взрослого мужчины и нежно воспринимала его. Оказывается их игры в детстве это совсем другое. Только теперь она остро ощутила запах Кубанычбека и чувствовала его сердцем. Когда сильные руки привлекли её к себе и обняли, она поначалу хотела сопротивляться, но в душе она желала этого и отрицать это было не возможно.

Вокруг тишина. В домах свет давно уже погас. С параллельной улицы слышен мотор автобуса. Дует лёгкий ветерок и слышен шелест листьев. Луна уже начала заходить, на стены домов стали падать тени от деревьев.

- Хватит, иди уже домой!- сказала девушка, тихо освобождаясь из объятий юноши. Галина Андреевна будет беспокоиться!

- Завтра обязательно встретимся. Ты дома будешь?

- После девяти ты найдёшь меня в школе. Я буду на уроке.

- Ладно, если опоздаю, приду в школу. Спокойной ночи, Лиза! Приятных снов!

Домой Кубанычбек пришёл за полночь. Заснувшая Галина Андреевна проснулась, когда он открыл дверь. Она промолчала. Перевернувшись на другой бок, незаметно улыбнулась и закрыла глаза.

Кубанычбек лёг на своё место. Здесь он спал с детства. Хотя Галина Андреевна не кормила его своим молоком, не баюкала в колыбели, но она как могла кормила и одевала его, и не жалела тёплых слов и свою доброту. Перед его глазами прошли события, которые были три года назад в Пайнапе.

Как только он вернулся в Пайнап сразу пошли разные сплетни. Даже если встречались двое одно-

сельчан, разговор тут же заходил о нём. Пропал же сын Арзыкула и много лет его никто не видел, теперь он вернулся. Не зря в народе говорят: «Конь вернётся к привязи».

- Да-да, таким воспитанным вырос. Ко всем на «вы» обращается.

- Спасибо государству! Воспитывает всех сирот, заботится о них.

- Не-ет! Говорят его воспитала русская женщина.

- Надо же! Очень хорошая женщина, спасибо, ей! А жива ли она?

- Да, говорят жива. Видимо, Кубанычбек пробудет два- три дня и вернётся к ней.

- А как же! Ведь они стали сыном и матерью.

Сначала Кубанычбек жил у своего друга детства Нурдина. Но, к сожалению, как предполагал не смог уехать в город. Стал работать в колхозе. Зимой хотел отправиться в Джалал- Абад, но родственники не согласились и вызвали саму Галину Андреевну в село.

- Я не буду настаивать, чтобы Кубантай уехал со мной,- сказала она.- Я воспитывала его десять лет, а теперь пусть решает сам. Лишь бы был здоров! Чтобы оправдал наши надежды! Главное, чтобы стал хорошим человеком! Кубанычбек и ваш, и мой сын!

- Вот умница!- сказали пайнапцы, услышав эти слова.- Молодец женщина!

После этого прошёл год и его призвали в армию. Вот и долг свой перед Родиной выполнил.

«Теперь я должен хорошо работать,- сказал сам себе Кубанычбек.- Буду помогать Гале, пусть будет польза от меня обществу».

Думая так, он и не заметил как уснул. Утром уехал в сторону Базар- Кургана в село Пайнап, чтобы повидаться с родственниками.

* * *

- Ты оказывается, водитель. Это хорошая профессия. Дадим машину,- сказал директор хлопкозавода.- Чем занимался до армии?

- Мой трудовой путь начался с этого завода. Был разнорабочим.

- Понятно,- сказал директор, закуривая папиросу.- А потом?

- А потом уехал в колхоз.

- Хорошо, тогда договорился так. Завтра же приступишь к работе.

И действительно на следующий день ему дали машину «ЗИЛ». Путёвка была выписана в село Таш-Кумыр.

- С сегодняшнего дня будете возить уголь для рабочих завода,- сказала, улыбаясь девушка диспетчер.- Бывали раньше в Таш-Кумыре?

Кубанычбек ещё не был там.

- Найду,- ответил он, и свернув путёвку вчетверо, положил в нагрудной карман. И выехал в путь. На перевале Шыбак-Бель стало ясно как работает мотор машины. «Хорошо тянет,- подумал про себя он удовлетворённо. Такой перевал прошла без всяких усилий».

Поначалу, увидев её непривлекательный вид, он расстроился и без настроения сел за руль: «Главное- мотор, остальное сам сделаю»,- думал он.

Когда Кубанычбек ехал через село Арпага, увидел женщину с ребёнком на руках, которая голосовала на обочине дороги.

- Умоляю тебя, сынок,- сказала она подбежав.- Сын всю ночь температурил, отвези, пожалуйста, к участковому врачу!

- А где он?- спросил Кубанычбек, открыв кабину.- Далеко?

- В Беш-Бадале!- сказала она, показывая в противоположную сторону. Было бы по пути, подвёз бы, а теперь как быть? Ведь опоздает. Да и дорога

незнакомая. Но в данном случае нельзя было долго думать.

- Ладно! Садитесь!

Машина сдвинулась с места.

- Сколько лет вашему сыну?- спросил Кубанычбек, желая отвлечь женщину от дурных мыслей.

- Год и два месяца,- ответила женщина, вытирая слёзы.

- Вчера весь день играл и вдруг...

- Как его зовут?

- Данкы¹.

- Данкы?- спросил он с удивлением.

- Да, Данкы.

- Хорошее имя. Мне оно понравилось. Когда он вырастет будет известным на весь мир.

- Масло тебе в уста, дорогой! Да будет так! Пусть даже не станет знаменитым, главное, чтобы жив-здоров был.

«Если у меня будет сын, обязательно назову Данкы», - подумал Кубанычбек. Потом спросил у женщины:

- Где медпункт?

Женщина не успела ответить, как впереди увидел девушку в белом халате. Кубанычбек остановил машину, сам вышел из кабины и помог женщине спуститься вниз.

- Спасибо, милый! Будь счастлив всю жизнь!- говорила незнакомая женщина.

- Быстрее поправляйтесь!- ответил ей водитель.

Около часа он ехал по кривой и ухабистой дороге, по бездорожью пока не выехал на магистраль. В это время солнце уже садилось за горизонт. Красные лучи солнца освещали вершины гор и придавали великолепную окраску, заблудившимся облакам.

Что же сказать тебе напоследок? Итак, провожая тебя в дальнюю дорогу жизни, хочу сказать следующее: Будь счастлив! Конечно прощаться с

¹ Данкы (кирг.) - знаменитый

тобой мне нелегко! Но, что поделаешь! У каждого своя дорога. Будем живы, возможно, ещё встретимся. В добрый путь, тебе, мой Кубантай-Кубанычбек! Надеюсь, что в будущем ты доставишь мне большую радость! Я возлагаю на тебя большие надежды и надеюсь, что ты оправдаешь их!

*Перевела с кыргызского:
Кожокулова Чолпон Насымкуловна*

ВСЕ МЫ БЫЛИ ДЕТЬМИ (Повесть)

Дорогая доченька, Лайли!
Я искренне благодарю тебя за то,
что ты всегда
помогаешь нам в трудные минуты!
Я горжусь тобой!
С любовью отец, Мажит Каримов.

РОДСТВЕННИКИ

1. У старшей сестры

«И голодный желудок будет сытым, и сытый желудок будет голодным - говорят, сын мой! Ешь, не стесняйся!» - Так проговорила старуха, после того, как узнала о том, что я два дня подряд находился в пути и ничего не брал в рот.

Я не очень-то прислушивался к ее словам, просто кивал и торопливо ел ячменную лепешку, тонкую как марля, подгоревшую по краям, а середина ее осталась не до конца испеченной. Да к тому же, ячмень плохо промолоти, шелуха была длинноватой. Шелуху я выталкивал языком и пальцами убирал со рта.

Бабушка Ризван сидела рядом со мной, и крутив свое веретено, пряла. Ее руки так тряслись, что время от времени веретено выпадало с ее рук, и она, приговаривая, поднимала его вновь и вновь.

- Сможешь ли добраться сегодня? Сейчас воды в реке много. Вряд ли сможешь перейти. - Бабушка напрягла свое морщинистое лицо и смотрела на меня усталыми глазами.

- Когда ты вышел из дому? - Этот вопрос она задает уже в третий раз. Мне приходится еще раз ответить:

- Вчера утром! - Хотел еще сказать: «Что это было на рассвете», но поленился сказать. От того, что жевал засохший хлеб, сильно болели челюсти, к тому же начал икать, пришлось попить воды. Стал искать свою палку, которую сломал с дерева по дороге. Без нее-то не могу возвратиться - на пути полно собак. Пока пройдешь село, то справа, то слева выбегают они, громко лая. Нагибаясь, ищу камень, но, этим их не испугаешь, бегут и бегут. Когда приближаются, я сажусь на землю, меня охватывает страх, хочется плакать. Становится обидно. Только тогда, когда издали доносится голос женщины «Тункатар, на-на, на-на!» - все собаки останавливаются, поднимают уши вверх, виляют хвостами и оглядываются в ее сторону. Только тогда я и поднимаюсь.

- А ну, уходите! - говорю грозно. А сам жду, чтобы хозяйка еще раз позвала собак, как будто угадав мое желание, женщина зовет:

- Тункатар, на-на, на-на!

Собаки начинают разбегаться. Путь свободен, я поплелся дальше. Облегчение чувствую, лишь выйдя за село. Дышу свободно, от страха дрожавшее тело ослабевает, словно отпущенная пружина. Сажусь под одинокой польню, и расстянув руки и ноги отдыхаю. Потом начинаю думать о старухе, только что проводившей меня: «Кто же она? Ничего о себе не сказала. Если бы не зашла ее соседка и не спросила: «Где нашли этого рыжего мальчика, бабушка Ризван?» - я так и не узнал бы даже ее имени. Я ее не видел среди людей, которые бывали в нашем доме. Похлопав по всем карманам, стал искать деньги, которые дала бабушка Ризван. Она дала мне пять рублей, когда я, взяв свою палку, выходил на улицу:

- Подожди, сын мой, - сказала, выходя следом за мной. - На, возьми, купишь по дороге хлеба, не террай, хорошо спрячь! На эти деньги можно купить один хлеб. Этого тебе хватит на всю дорогу.

«Неужели на пять рублей можно купить только один хлеб? - думал про себя, взяв деньги из кармана. А потом стал представлять себе село «Б». Туда надо проходить через реку. В прошлом году мы с мамой, сестрой Лайли зашли в местную чайхану и пили чай. С завистью смотрю на тот берег. Издалека видны ветвистые деревья, а посередине река. Она шумит грозно, пугая своей силой, смогу ли перебраться?»

Встал, опираясь на палку, так как ноги онемели, гудели. Слегка хромая, прошел несколько метров. Дорога вела к востоку. Когда наступаю на речные камни, очень болят ступни, на песочных местах трудно идти.

«Когда дойду?» Но, тут же забываю об этом, и начинаю думать о старухе: «Кто она, отчего так заботилась обо мне? Как приду домой, спрошу старшую сестру».

Вспомнил слово «сестра» и все тело похолодело, ноги потяжелели. Устал, прилег, стал ковырять землю и задумался. Солнце уже было в зените, жарко, но, я замерзаю, меня бросает в дрожь.

«Зачем я иду туда? - спрашиваю себя расстроено. - Примет ли она меня? Не знаю... Она уже однажды обидела меня». Вспомнил событие годичной давности.

Тогда мать была жива. Мы жили втроем: я, мама и сестра Лайли. Отец был на трудовом фронте. Слышали, что он на Урале. Мама не послушалась даже аксакалов, которые отговаривали ее, она продала все домашнее имущество и сказала, что будем жить у сестры, которая жила в селе Ак-Баш. Мать повела всех нас туда. Была зима, лежал глубокий снег. Преодолевая много трудностей мы еле добрались до дома сестры. «Все же своя дочь, примет хорошо» - думала мама, но, получилось не так. Как только мы зашли в ее двор, сестра, выходящая из дому, сделала вид, что не видела нас и зашла обратно в дом.

- Не заметила, не видела, - проговорила мама, задыхаясь. Мы очень устали, проголодались. Толкнули дверь, она не открывалась. Мама крикнула:

- Башарат, эй, Башарат! Открой дверь! Это мы - твоя мать и твои младшие братья! - Никто не ответил. Я подбежал к окну и заглянул во внутрь. Там сидела моя родная сестра, которую давно не видел и соскучился. Сидит себе спокойно и плетет волосы девушке, в возрасте сестры Лайли. Я постучал по стеклу.

Даже не посмотрела и я не выдержал:

-Эже, эже! - закричал я в нетерпении. Девушка, которой она плела волосы, обернулась к окну, показала рукой в нашу сторону и что-то сказала. Сестра нахмурилась, нехотя встала. Тут ко мне подошла Лайли и стала смотреть в окно. Башарат долго возилась у печки, стоявшей в середине комнаты, якобы повязывая на голову платок. Девушка, которой она плела волосы, не выдержала, резко встала и открыла дверь. Увидев все это, у меня упало настроение, пропал энтузиазм. Лайли, опустив голову, отошла в сторону.

Она укоризненно посмотрела на мать, словно говоря: «Вот к чему привела нас?» У нас появилась ненависть друг к другу, разговор никак не клеился. Мать ненавидела детей, а дети - ее, мы становились чужими друг другу. Холодно взирали друг да друга, а взгляды становились все суровее. Но не было возможности уйти с порога.

- Жива ли, здорова ли, дочь! Ты не волнуйся, мы решили просто навестить тебя. Сейчас обратно уйдем! - Мама, кажется, сама не знала, что говорит. Она тряслась как в лихорадке и говорила что попало. Она была похожа на человека, который не знал как и на ком сорвать свой гнев, и внутренне боролась сама с собой. Ее лицо сморщилось, глаза наполнились слезами и она была готова заплакать. Мама стеснялась нас, мы это заметили. Она не знала куда девать себя и стояла, словно ягненок среди

голодных волков. Мне стало жалко ее. Никто из нас не думал пережить такое оскорбление.

- Ну, что вы пришли все? - сказала Башарат. И так мы еле держались, а слова Башарат словно пуля, которая пронзает все тело, ранили нас.

Мы не знали что делать. Если бы были в другом месте, можно было бы без угрызения совести избить нашу Башарат, вырвать ей волосы и наказать. А она, прислонившись одной рукой к двери своего дома, другой рукой держалась за бок, смотрела на маму словно желая взглядом съесть ее:

- Проваливайте! - Мать, стоявшая до этого молча, встрепелулась, стали видны ее скулы, она разжала пальцы и размахнулась, желая ударить ее по лицу, но на середину встала та девушка.

- Да что с вами? - сказала она и оттолкнула Башарат. Оказывается, она была младшей сестрой мужа Башарат, имя ее - Токтокан. Мы взяли свои пожитки и собрались уходить, но, Токтокан умоляла нас зайти домой и мы подчинились ей.

- Вот как ты выросла, - сказала мама, снимая свои галоши. - Даже не поздоровались. Все из-за этой, пусть ее прокленет материнское молоко. Мама долго не могла прийти в себя.

Никто не проронил ни слова. Сидели молча. Лишь изредка Токтокан спрашивала о нашей жизни. В доме воцарилась тишина. Потом пришла мать Токтокан. Она долго расспрашивала нас о том, о сем, рассказывала всякие истории. Она видимо и не знала, что случилось до ее прихода. Я не ожидал этого. Холодный прием, устроенный нам старшей сестрой, я связывал именно с этой женщиной. Получилось же совсем по-другому. Хозяйка дома поставила на дастархан все, что было у них. Значит, она не виновата, да и они жили не богато. Мы обрадовались тому, что Кайры (так звали свекровь Башарат) с хорошим настроением беседовала с нами, угощала нас. И все же мы не поняли, почему мама, зная что ждет нас в этом доме, так стремилась сюда.

Мы попили чаю.

- Теперь нам пора в дорогу, - вставая, сказала мама. - Лайли, где наши узелки, дай их сюда. Лайли развязала ватные одеяла и среди них нашла сверток.

- Отдай Кайры, - сказала мама, показывая на мать Токтокан. - Сватья, вы не обижайтесь, мы специально для вас купили эти сладости, возьмите. А мы отправимся в путь пока не поздно.

- Что вы говорите, сватья? - удивилась Кайры. - Не успели приехать и думаете уехать? Да и поздно уже, холодно. Измучаетесь с детьми. Оставайтесь сегодня, может быть, и завтра, а потом уедете.

Да, она действительно ничего не знала о выходе Башарат. Не стали говорить об этом и мы. Теперь мы забыли, что продали свой дом и собирались жить здесь.

Почему Башарат выступила против своей матери, родных брата и сестры? Почему она такая жестокая? Вот ответ на эти вопросы:

Башарат с детства росла злой, жадной, жестокой эгоисткой. Ведь никто, ни свекровь, ни муж не учили ее так относиться к своим родным. Оба были хорошие люди.

Башарат считает свое поведение правильным. Выгнав нас из своего дома на улицу, она хотела понравиться своей свекрови и мужу, завоевать их любовь. В ее словах: «Смотрите на их одежду, где вы нашли эту рухлядь. И людей не стесняются! Бесстыжие! Друг от друга не отличишь!» Можно было почувствовать, что она стыдилась нашего убогого вида. Другой причины и не может быть. Мы собрались в путь. Дорогу преградила Кайры:

- Да стойте вы! Сватья, послушайте меня, не маленькая же? Пожалей детей и себя. Замерзните ведь!

На глаза мамы навернулись слезы. Она села прямо на порог. Кайры стала ругать свою невестку:

- Какая же ты неумная женщина? Разве можно так относиться к своей матери? Где наше родственные узы, если не можем помочь друг другу в трудные дни? И эти дни забудутся. Ты одумайся, Башарат. Что скажут люди, услышав это? Будут в лицо тебе плевать.

Как ты будешь смотреть им в глаза?

- Оставь ее Кайры. Разве она поймет. Не зря говорят «Повадки девушки известны только родителям». Пока не поздно, мы пойдем.

- Если знаете мои повадки, зачем пришли?

Кайры отругала свою невестку:

- Замолчи, Башарат! Постыдилась бы мать, меня?

Некоторое время мы сидели в молчании. Первой заговорила Кайры:

- Говорят: «То, что сказано в лицо, то не ядовито». И вы виноваты, сватья. Сами подумайте, зачем продали дом? И вот в зимние дни мучаетесь с детьми. Хоть и холодно, хоть и голодно, а свой дом лучше всего.

- Откуда вам это известно? - спросила мать, не поднимая голову.

- Знаем. Думали, никто не узнает? - ответила Башарат. Мама промолчала.

- Необдуманый шаг, - сказала Кайры - Человек должен пережить достойно и хорошее, и плохое.

- Согласна, сватья. Но все это я сделала из-за детей.

- Не надо ссылаться только на детей. И они проживут, вырастут, как и другие.

Мама не знала, что и ответить, повернула разговор в другое русло.

- А где наш зять? На работе?

- Да. Со своим трактором возится. На МТС он сейчас, ремонтом занят. Придет когда стемнеет.

- Передай ему наш поклон. Был бы жив-здоров и ладно.

- О, господи, не уж-то уйдете лишь, попив чай? -

она побежала в дом и вскоре вернулась с тарелкой кукурузы.

- Возьмите, пригодится в пути!

«Запарим в казане и будем есть» - подумал сразу же я. Обрадовался. Особенно вкусными получаются, если жарить в печке, такие белые, пухлые. От радости даже зажмурился, какая благодать! А где же запарит их мама? Неужто еще в дороге? Или дома? О, как далеко до дому. Но моим мечтам сразу же был положен конец. Башарат, моя любимая родная сестра вырвала тарелку с кукурузой из рук свекрови:

- Не давай им. Лучше я выброшу на ветер! Обойдутся.

- Что ты делаешь, Башарат?! Ты в своем уме? - Кайры стояла ошарашенная. Но, это не ново для нас. Мы даже не обиделись. Мать сказала с сарказмом:

- Да возьми себе, подавись, Башарат! - и пошла прочь.

Тут к Башарат подбежала Кайры и отобрала тарелку.

- Уйди отсюда! - сказала она, толкнув ее в груди. - Не ты хозяйка дома!

Видимо эти слова больно ударили по ней. Башарат закричала во весь голос:

- Убирайтесь, уходите, чтобы глаза мои не видели вас. Оставьте меня в покое! - она сняла с головы платок и направилась к нам. Ей дорогу преградила Кайры.

- Что она делает? - смотри, какая взбалмошная. Заходи в дом! Ты опозорила нас на глазах людей. Так ты нас к добру не приведешь!

Мы не стали слушать их ссору и ушли. Токтокан проводила нас до дороги, и несмотря на наше сопротивление, отдала кукурузу.

- Лайли, - сказала она обнимая мою сестру, - доброго пути вам, Не обижайся. Мы еще встретимся!

2. Прощай, мама!

Это был наш последний визит к Башарат. Каждый из нас старался забыть ее. Никто нам не сказал, чтобы мы так поступили. Просто остыли наши сердца, чувства и любовь исчезли.

Теперь расскажу, что мы видели по дороге домой.

Мы присели отдохнуть, дойдя до середины реки Шыбак-Бель. Лайли встала и удалилась от нас. Я, оказывается, задремал. Проснулся от дикого крика старшей сестры. Обняв мать, она заплакала. Долго не могла успокоиться, всхлипывала. Не может остановиться, вновь и вновь плачет.

- Что случилось, дорогая моя? Чего ты испугалась? - Мать испугалась не на шутку, она вся дрожала.

- Что-нибудь показалось тебе? Почему молчишь? Говори же...

- Там...там..., - Лайли больше ничего не смогла сказать и опять заплакала.

- О, Аллах! Ну, успокойся, не бойся, я же рядом с тобой. Тыныбек, сынок, ты же мужчина, успокой сестру!

Я взял Лайли за руку, но и сам боялся чего-то.

- Там лежит труп, - вымолвила она, наконец.

- Труп?! - Мать застыла с раскрытым ртом, не моргая даже глазами.

- Где? - спросила мать. - Не бойся, нечего бояться трупа. Он же не хищник, чтобы съесть. А ну, я сама посмотрю. Может, он несчастный, как и мы? Может, потерял сознание от голода. Мать пошла туда. За ней пошел и я. Не дай Бог, увидеть еще раз такое. Женщина замерзла с грудным ребенком, давая ему свою грудь. Ее волосы лежали на снегу. Мое сердце екнуло.

- Мама! - закричал я.

- Сыночек! - обняла меня мама. - Идем отсюда быстрее.

Солнце садилось, сверкая красными лучами. Если перейдем еще три-четыре подъема то мы будем в айле Акман. Не чувствуя ни усталости, ни голода мы шли быстрыми шагами.

До айла дошли уже, когда наступила темнота. Заглянули в первый же дом. Нас пустили. Семья была многодетной. Пять-шесть детей спали у очага, даже не раздевшись. Хозяйка дома, женщина средних лет, видимо, только собиралась ложиться. Она нам не смогла дать даже кипяченую воду. Но, мы были довольны и тем, что хозяйка пустила нас. Мы были настолько уставшие, что только ткни пальцем, мы бы упали. Поэтому и уснули, как только прилегли.

Рано утром отправились в путь. Когда уже отошли Лайли сказала:

- Надо было в их казане зажарить нашу кукурузу.

- Да посмотрите сначала. Не уронили ли мы ее?

- Мама поставила на землю сверток, просунула руку в ватное одеяло, развязала, но, не нашла.

- Перед сном я проверяла, была! — сказала сестра, всхлипывая.

- Значит, хозяева дома украли, - Я плакал по-настоящему. Мама начала успокаивать меня. Мы сидели унылые и молчали. Вся наша надежда была в тарелочке кукурузы. Впереди нас ждала еще двухдневная дорога.

- Еще вчера сырой надо было съесть! - вовсю плакала Лайли

- Потерпите, детки мои, - сказала мать. - В крайнем случае, одеяло поменяем на что-нибудь съестное. Вы посидите здесь. Я схожу к тому дому.

Видимо, она чего-то добилась, вернулась веселая.

«Остались без одеяла», - подумал я. - Хотя и не думал, что его кто-то мог взять.

- Возьмите, поделите между собой! - Мама протянула Лайли целую лепешку.

- Подели пополам, - сказала Лайли. Нам достаточно и половинки.

- Нет, ешьте вы, я уже поела там. - И вправду она поела там или нет, мы не знали, но она себе не взяла ни кусочка. Мы поели и вновь пошли по снегу.

Около полудня дошли до аила «Б». За ним лежала самая опасная, страшная для нас река Тентек-Сай. Она вся замерзла, лед блестит как стекло. Теперь мы должны были идти по нему. Когда мы шли сюда без конца молились Всевышнему, чтобы он пожалел нас.

Посидели у обрыва. Слабые лучи солнца били прямо в глаза. У меня дрожали коленки, сосало в желудке, рябило в глазах.

«Был бы хлеб - поел бы», - думал я. Вспоминаю жареную кукурузу. Мать сидит задумчиво и смотрит вдаль. Наше село за этой рекой.

- Лайли, - проговорила мама с осипшим голосом, - надо бы поесть чего-нибудь? Как бы не замерз Тыныбек, посмотри на него, уже весь посинел. Идем в чайхану. Хотя бы чаю поьем.

Мы вошли в деревянный дом. Там было тепло, стало веселее. Устроились на столике у входа. Мы стыдились своей одежды. К тому же замерзли совсем, еле шевелили пальцами.

В чайхане было мало народу. Там, в глубине сидели три старика. К нам подошел мальчик:

- Вам черный или зеленый?
- Черный, один чайник.
- Сколько лепешек принести?

Мама молчала, сестра отвернулась. Я смотрю на них жалобно: «Скажите побольше».

- Нет, мы только чай поьем.

- А лепешки? - спросил я от нетерпения. Мать, молча посмотрела на сестру. Они явно что-то утаивали от меня.

- Пока поьем чай, а потом посмотрим. - Мама старалась говорить спокойно.

- А я хочу лепешку, - не унимался я. - Да за молчи, - накричала на меня сестра. - Кто тебе даст хлеб бесплатно. Денег-то нет у нас.

Мама вздохнула облегченно.

- Потерпи, сынок! Ты же молодец у нас! «Кто скромн, тот золота достоин» говорят в народе. Когда-нибудь и мы будем досыта есть хлеб. Я промолчал. Принесли чай и мы выпили его.

Мы вышли из чайханы. Мама, чтобы поднять мое настроение, рассказывала всякие истории.

- Хотите, расскажу сказку, - сказала она вдруг. Раньше она никогда не рассказывала сказки. - Ладно,- сказали мы с сестрой.

«В давние времена была одна птица. Было у нее сорок птенцов. Когда закончилось лето, наступила осень и приближалось время холодов. Она с птенцами отправилась в теплые края. Летели, летели они. Пролетели много рек, озер, морей и гор. Были голодны, были сыты. В конце-концов устали. Даже шевельнуть крыльями сил не осталось, и они дрожали в полете. И летели они, летели.

- Давайте отдохнем, - закричали дружно птенцы. Потерпите, потерпите, детки. Нам нельзя отдыхать. Одним махом мы должны долететь до места, - говорит птица. Птенцы не слушают ее и плачут, вновь и вновь тревожат мать.

- Давай, отдохнем, мама! Давай, отдохнем, мама! Устали мы, спать хочется!

И пришлось матери согласиться. Она стала искать подходящее место, но не нашла его. Кругом пустыня, степь. Летели они, летели. Птенцы опять начали плакать, - мама, мы устали!

Вдруг вдали показалось одинокое дерево. Птица повела своих птенцов туда. Прилетев, увидели, что на его ветках поставлены сорок силок. Птица нашла сорок ветвей без силок и посадила своих птенцов, сама же от усталости еле летала, у нее помутнело в глазах, она обессилела. Искала хоть еще одну ветку без силок, но сама не заметила как села на

одну ветку с силком. Птенцы давно уснули. Птица старалась разорвать силки клювом.

Так прошло три дня и три ночи, но она не смогла освободиться, - Немного посплю, - решает она в бессилии.

Перед рассветом пришел человек, поставил силки и начал бросать камни в птиц. Все сорок птенцов взлетели в небо. Лишь их мать осталась на месте...»

Мать замолчала. - А что было дальше? - спросил я, жалея мать птенцов. - Попалась в руки человека. Ради детей пожертвовала своей жизнью...

Мы замолчали надолго. Я забыл все трудности. Все мои мысли были вместе с теми птицами и летели вместе с ними.

День подходил к концу. Было слышно журчание воды подо льдом. Видны следы то ли лисы, то ли собаки, кружившей тут беспорядочно. Вокруг тишина, пусто. Впереди идет мама. Снег доходит до щиколоток.

- Будьте осторожны, не попадите под лед! - говорит мать. - Идите по моим следам. Лайли, возьми Тыныбека за руку!...

Через некоторое время мать упала на землю. Она намного оторвалась от нас и пока мы догнали ее, она несколько раз что-то кричала. Оказывается она упала в воду до пояса, двумя руками держалась за край льда.

- Лайли, тяни меня за руки, быстро! Мы сначала не знали, что делать и бегали вокруг нее.

- Мама!

- Мама-а!

- Тяните за руки! - говорит мать, а мы не знаем, как это сделать.

- Мама -а! - закричал я. От страха не узнал собственного голоса. А Лайли догадалась присесть на колени и протянула руки.

- Тыныбек! - сказала Лайли, - держи меня за пояс, я падаю вниз. Мы еще долго старались, но маму спасли.

- Уф! - вздохнула мама, - Бог сжалился над нами.

Мы вновь отправились в путь. До берега реки осталось немного. Издалека стал виден аил, слышен лай собак. Дым, выходящий из труб, изгибаясь поднимался в небо!

Я представил перед собой теплый дом и казан. Мысли мои понеслись куда-то. Вспоминаю наш дом, родную землю, Тулгу, ее улицы, тополя, выросшие вдоль дороги.

Тогда еще война не началась. Каждый вечер у нас собирались соседи. Мой отец, играя на комузе, пел и развлекал их. Если его не было дома, то меня сажали на середину и заставляли говорить слова с буквой «р».

- Говори: «Сорока»

- Солока.

- Когда ты научишься говорить? Я застенчиво смотрел на маму.

- Хватит вам, не мучайте ребенка, - говорит мать, смеясь.

- Как бы не заплакал, - говорит кто-то.

- Он уже спать хочет, - говорит другой.

- Уложите его. Потом они расходятся. На следующий день, если нет дома отца, я беспокоюсь. Не хочу, чтобы опять приходили соседи и мучили меня.

- Пришел ли отец? Почему каждый день опаздывает? - спрашиваю маму.

- У него спроси, - говорит мать сердито.

Но, я его не спрашивал. И так знаю, что у него много работы. Летом поливает хлопчатник, зимой чистит животноводческие помещения, водит скот на водопой, дает им корм.

Лай собак заставил меня оторваться от своих дум. Подошли к какому-то селу. Вечерело.

- Это что за село, мама?

- Село Монол.

Мы остановились у крайнего дома. Он был на правой стороне улицы, на холме. Есть и забор. На крыше - скирда кукурузных стеблей. Видимо, у хо-

зьяна есть скот. Мы позвонили в железную ручку на двери ворот. Никто не ответил. Мама начала называть неизвестное для меня имя:

- Алтынай, оо, Алтынай!

- Знакомая, что ли? - спросила сестра, удивляясь.

- Молчи. Потом расскажу, - сказала мама, хмуясь.

Из дома вышла высокая, узколицая, темноликая женщина по возрасту сверстница моей матери. Она удивленно посмотрела на нас. Долго не отводила взгляда. У нее было доброе лицо, чувствовалась ее доброта. Мне показалось, что я ее уже где-то видел. Кажется, я ее встречал в доме Нияза.

- Заходите, заходите домой, - сказала она, опустив глаза в землю.

Мы зашли в дом. Свои узелки мы оставили у порога, сняли обувь и вошли во внутреннюю комнату. На полу увидели сандал¹. За ним сидели дети, все маленькие. Самый старший мой ровесник. Мы с Лайли приблизились к сандалу, а мама - к очагу. Она хотела высушить свою одежду. Чувствовался запах муки, как-будто что-то варилось.

- Жарма², - определил я, даже не видя.

Хозяйка дома почему-то не смотрела в лицо матери и молча продолжала свою работу. И мама молчала. «Если они старые знакомые, почему не спрашивают положение друг друга?» - думал я. Вскоре я забыл об этом.

Попили по одной чашке жармы. Уснули там, где и сидели. На следующий день, по дороге Лайли спросила маму:

- Кто они?

- Э-э, не надо тебе об этом знать, - сказала мама сердито.

¹ Сандал - в средиземноморских домах роют яму, бросают туда угли, а сверху ставят топчан

² Жарма - национальный напиток.

- Я ее видел у Нияза, - сказал я.

- А - а, тетя Нышан говорила, что едет в Монол, оказывается, приходила в этот дом. Видимо родственники, - сказала Лайли. Вроде она поняла причину молчания мамы и успокоилась. А мне чего-то не хватало.

Мне показалось, что мама скрывает какую-то тайну, не договаривает. Однако, мы об этом ее больше не спрашивали.

Если бы, когда мы прибыли в село Тулга и тетя Карачач, родственница отца, не спросила у кого по дороге мы ночевали, с кем встречались мы, может быть так и не узнали бы эту тайну. Лайли рассказала ей как мы добрались до Ак-Баша, и что увидели по пути.

- А в Моноле ночевали в доме женщины по имени Алтынай, - сказала в заключение Лайли. Тетя Карачач обеими ладонями закрыла свое лицо.

- О, господи, неужели?

- Правда.

- Алтынай - была первой женой вашего отца,

- И как твоя мать пошла к ней?

Вот в чем оказывается дело, Лайли покраснела до ушей, я смотрел под ноги и думал о Ниязе ... После этого, встречаясь с ним, я всегда вспоминал слова тети Карачач.

Через неделю мы поселились у одинокой женщины Айнисы. Тетя Карачач дала нам зерно, которого хватило надолго. И свой сандал отдала нам.

Дома холодно. Стены были сырые. В первый день я почувствовал запах, как-будто находился в курятнике. Мы вырыли яму в середине комнаты и поставили сандал. Но, не было дров. Мы с Лайли ищем курай, идя по колено в снегу.

Проходили дни. Кончилось зерно. Все еще холодно. Мама болеет и не может подняться. Все ее тело горит, как в огне, она бредит. Ночами сидим у ее головы. Видимо, она тогда замерзла не на шутку, пальцы у нее не двигались. Потом опухло все тело, она дышала с большим трудом.

Однажды к нам пришла тетя Карачач, и увидев наше положение, пригорюнилась. В сердцах поругала мать.

- Во всем виновата ты! Мы же были против вашей поездки туда. Хоть и голодно, но надо было жить дома. Измучила и себя, и детей. Вот к чему привело твое упрямство. Не зря говорят: «Брат говорит обжигая, а враг приятно льстит». Теперь пеняй на себя!

- Да, Карачач, ты права! Я ошиблась, здорово ошиблась! Теперь поздно об этом жалеть. Мне стыдно за свои поступки. Простите меня!

- Вот видишь, в конке концов поняла свою ошибку, призналась в своих просчетах. А ведь тогда ты обижалась на меня. Говорила, что лучше умрешь, чем обратишься за помощью ко мне, помнишь?

- Да, тогда, оказывается, ты нам желала добра. Ты хотела помочь нам от души. А я поняла тебя неправильно. Я ошиблась, прости!

- Мама тяжело вздохнула. - Дайте воды!

- Теперь не надо печалиться, потерянное не вернешь. Здорово замерзла ты, видишь как хрипят легкие. Лежи в тепле. Сейчас я пошлю вам детей с супом.

- Спасибо тебе, Карачач! Пусть будут твои дети добрыми! Твою доброту не забуду и в этом, и в том мире.

Я рассердился на маму за то, что она умоляла Карачач. Опасаясь, как бы она еще что-нибудь не сказала, решил отвлечь ее:

- Мама, хочешь попить воды? - кажется, Лайли угадала мое намерение:

- Хватит, лежи мама спокойно.

Тетя Карачач вышла. Мама и не замечала ее отсутствия.

- Если со мной что-нибудь случится, детей оставлю тебе, Карачач! Они не забудут твою доброту, вернут сполна!

Опять замолчала. Она старалась проглотить

слюни, но, высохшее горло не позволяло сделать этого. Она еле говорила.

- Лайли, дай воды! — Еле-еле выпила воду, разлила.

- Дети мои, простите меня, я ошиблась!

- О чем ты, мама? Не говори так. Тыныбек испугается.

- Тыныбек, - сказала мама, протягивая ко мне руки, - иди ко мне, дорогой мой! Она прижала меня к себе и крепко обняла. Стала целовать мое лицо.

- Будь помощником, опорой Лайли! Слушайте ее, не ругайтесь, будьте дружны! Потом ее речь сбилась. Она слегка улыбнулась и посмотрела вокруг. - Где Айниса? Почему не подходит ко мне? Она что занята? Скажите ей, что не надо готовить кушать. Я уже опоздываю... Бедная Айниса, мы с ней в один год пришли сюда невестами.

Эти слова матери заставили меня думать о прошлом. Тогда, кажется, мне было пять или шесть лет. Смутно помню кое-что из увиденного и услышанного.

Мама из села Абыскен, из Узбекистана. Она часто брала меня туда. Недалеко от нашего села. Там жили бабушка по матери Калча, ее мать Орозбу. Они жили вместе. У них никого, кроме моей матери не было.

Дедушка же, говорили, когда-то, в трудные времена, взяв свой единственный халат, в поисках работы ушел в сторону Куршаба, и так и не вернулся. Видимо, поэтому бабушка осталась жить в Узбекистане навсегда.

Прабабушка прожила сто лет, а бабуша до восьмидесяти, и как будто они договорились, умирали одна за другой. Люди называли их «неразлучными старухами». Они были так похожи друг на друга, что люди, не знающие их, не могли различить, думали что двойняшки. Они были похожи во всем: и лица, и рост, и даже характеры. Обе остались без зубов. Бросая в чай нават-сахар, покрыв лепеш-

ку, ели как дети. Если дадут персики или урюк, только их сок пили. Недоеденный плод отдавали мне.

- На, скушай, будешь как мы долгожителем, - говорила прабабушка. Говоря так, она улыбалась и улыбка расплзлась по ее лицу, а на глазах появились слезы. Тут же начинала говорить бабушка:

- Мы с Тыныбеком одногодки. Смотри, и у меня растет новый зуб.

Так они, посадив меня между собой, разговаривали.

- Человек, когда стареет, становится ребенком, - говорила мама.

Однажды бабушка посадила меня на ишака и отправилась в Тулгу. Под меня постелила свой новый тон. На полпути тон соскользнув, упал на землю. Я скрыл это от бабушки. Думал, заставит меня сойти на землю и поднять его. Я этого боялся, потому что стараясь сесть обратно и сам намучился бы, и бабушку бы замучил. Промолчал и мы ехали дальше.

Бабушка о пропаже тона узнала лишь тогда, когда приехали домой. Не очень-то горевала она по этому поводу. Всего лишь сказала:

- Вырастишь, купишь новый тон.

Мать начала стонать:

- Лайли, дай воды, - сказана она. И мои мысли улетучились. Мама не хотела класть голову на подушку.

- Хочу посидеть. Положи под спину что-нибудь!

Погладив по лбу, по голове, неотрывно долго смотрела.

- Иди, погуляй на улице, - сказала потом. Недолго пробыл я во дворе. Меня пронзил крик Лайли. Забежал в комнату. Мать... она уже умерла. Закричав во весь голос, я упал на нее.

Вот, мы навсегда потеряли самого дорогого, добрейшего человека. Только что она с гордостью называла меня по имени и ласкала самыми краси-

она стоит здесь. Середина уже сгнила и там свободно вмещается человек. Вошел туда, стоя на ногах, прислонился к стволу и ничего не боясь, очень быстро уснул.

В полдень следующего дня дошел до села Арал и нашел дом бабушки Ризван. Вот и сию у реки. Наступил вечер. Я поднялся и быстрыми шагами дошел до середины реки. Текла грязная вода, река гремела грозно. Я понял, что не сумею перейти на тот берег.

Обратно вернулся, переночевав у бабушки Ризван, отправился в Тулгу.

3. Я твой сын, отец

Сидя под большим тутовником у входа в село Тулга, я думал: «За побег, наверное, тетя Карачак накажет меня». Никак не мог осмелиться пойти домой. Она женщина довольно злая. И поэтому я боюсь ее. А вот дядя Суюмбай не такой. Уравновешанный, спокойный. Я всегда на него опираюсь, рассчитывая на его помощь. Я вошел в село и встретил Нияза.

- Тыныбек! - сказал он, подбежав ко мне. - Твой отец приехал!

- Отец? Папа - а!

Сбросив свой поношенный чапан, я изо всех сил побежал. Около дома стояли люди.

- Отец твой вернулся!

- Отец твой приехал!

- Заходи домой.

- Счастливый ты мальчик!

- Бедненький, хорошо, что на твое счастье, живым вернулся отец.

Я совсем растерялся. Стал торопливо искать отца. Кто-то взял меня за руку, и повел во внутреннюю комнату. В глазах рябило. Не могу разобрать лица.

4. Дехканин

Началась пахота. Отец стал работать в овощеводческой бригаде колхоза. Мы построили шалаши и стали жить возле поля. Отцу выделили площадь, которая давно не обрабатывалась. Она вся обросла травой. Будем сажать дыни, арбузы, сеять рис.

Начали работать. Я помогал пахать. Сидя на лошади, работал весь день. Земля затвердевшая, с одного раза плуг не берет, лишь царапает землю. Трава остается так же. Поэтому проходим плугом вдоль и поперек поля.

Где-то к полудню лошадям становится жарко. Мне становится трудно управлять ими. Они сбиваются с пашни.

- Веди ровно! - говорит отец. С меня идет пот, пападает в глаза, в рот, чувствую его соленый вкус, он щипит глаза. В шею попадают мелкие листья трав и раздражают меня.

- Но-о, но-о! - кричу я, дергая за вожжи. А лошади лишь поворачивают голову налево и направо, не обращая на меня внимания. Мне становится обидно!

- Останови! - говорит отец, понимая мои мучения. - Отдохнем. - А у лошадей ноги дрожат. Они такие худые, что видны даже ребра. Пот льется с них ручьем. Они мотают головой и фыркают.

- Лошади худые и слабые. Надо их беречь, а то еще подохнут. - Отец платком, завязанным на поясе, вытирает лицо и направляется в тень.

- Спутай их и отпусти. Пусть пощиплют травы. Будем пахать вечером, прохладнее станет.

Я так и делаю. К вечеру мы опять начинаем работать. К шалашу возвращаемся очень поздно.

Через неделю закончили пахоту. Теперь надо полить поле, затем - засеять. Это требует большого труда, а людей не хватает. Одному отцу трудно сделать все самому. Он так ждал прихода какого-то помощника, что очень обрадовался, когда однажды

к нам приехал юноша с двумя быками, нагруженными семенами.

- Вы только один работаете, что ли? - спросил он, опуская на землю мешки.

- Да.

- Правда?

- Конечно, да вот Тыныбек помогает, - сказал отец, улыбаясь.

- Да бросьте вы, абаке¹! Что может сделать младенец?

- А ты хочешь быть мне помощником?

- Если разрешит председатель, я согласен.

- Я поговорю с ним.

Вскоре он стал работать вместе с нами. Его зовут Апсамат. Мы с ним быстро подружились. Вместе делаем грядки для дынь, окучиваем их, поливаем. Позже начали очищать рис от сорняков. Апсамат был трудолюбивым, честным и добрым.

Закончили прополку риса (очищение от сорняков), окучивание дынь и арбузов, и теперь стало легче. В эти дни к нам пришел бригадир, попросил нас с Апсаматом помочь хлопкоробам и отец согласился.

- Завтра идите на поле, - сказал он. - Хлопок там плох, сорняков полно. Нужно очистить от них поле и полить.

Отец понял намек бригадира.

- Я помогу поливать, - сказал он. - Где это?

- Пять гектаров выше села Тулга. - Бригадир обрадовался новым помощникам и говорил очень быстро:

- Пока подождите. Завтра ребята закончат делать грядки, а вы начнете поливать послезавтра.

- Да за день не закончат они.

- Втроем же будут работать.

Каждое утро отправляемся в поле. Возвращаемся, когда стемнеет. Иногда, отпустив коней; на люцерновое поле сами остаемся ночевать прямо там.

¹ Абаке - обращение к старшим

Просыпаемся от пения жаворонков и начинаем работать. Когда становится жарко, нас начинают мучить мухи.

- Давай, давай, быстрее! - говорит Апсамат, ударив кнутом коня. - Что так медленно? Опять ты заснул?

Действительно, иногда я засыпал прямо на лошади. Просыпался, когда я падал в одну из сторон. Пытался не заснуть, но, после пяти-шести кругов, вновь меня начинает одолевать сон. Однажды так уснул, что упал с коня. Лошадь испугалась и пошла по грядкам. Мы с Апсаматом не смогли догнать ее.

- Трр-трр!- кричит Апсамат, - перекрой ему до рогу спереди, быстро! - Где там, не догнать!

- Как бы на акушник не наступил, ведь травму получит, - беспокоится мой напарник, вовсю гоняясь за ней.

-Тррр! Тррр!

- А-у у, мама! - закричали женщины, работавшие на прополке и бросили свои кетмени. Лошадь побежала еще быстрее и удалилась от нас довольно далеко. Вместе с нами стараются поймать лошадь и мальчики, помогающие делать культивацию. Нам становится стыдно, видя всеобщее внимание. Лошадь уже выбежала из хлопкового поля и побежала по селу.

- Это ты виноват, - сердится Апсамат. - Попадешь же ты ко мне!

Мы были мокрые от пота, пыль накрыла все лицо, еле дышали от усталости, еле-еле ходили.

Лошадь пробежала через все село и на окраине чуть не задавила мальчика, игравшего там. Мы закрыли руками лица, а наши сердца чуть не лопнули от страха.

- Погибли мы! - подумал я. Но хорошо, что лошадь, испугавшись чего-то, прошла мимо мальчика.

Затем лошадь направилась к тутовнику, который находился недалеко от того места, где мы работали.

- Вот теперь-то ты попала в наши руки! - Апсамат, сбросив рубашку, побежал туда. - Тыныбек, ты не подходи, испугаешь. Я сам справлюсь с ней. Апсамат, укрывшись густыми ветвями тутовника, приближался к лошади. Вот он достиг окушника и взял за ручки. В это время подбежал бригадир и поймал лошадь за поводья.

- Весь хлопчатник потоптали! - сказал он Апсамату. - А что бы было с лошадью? Если бы она поранилась, вам бы пришлось за это отвечать.

- Плохая лошадь, - сказал Апсамат, не сдаваясь. - Еле ходит, а норовит убежать. Он промолчал о том, что я уснул на лошади.

- Как он не сломал ноги, когда она сбросила Тыныбека? - сказал он. - Смотрите на бедного мальчика. Эй, Тыныбек, как с ногой?

Я решил воспользоваться моментом, понял хитрость Апсамата. Сразу упал на землю и застонал: - Ой, нога, нога! Кто-то из женщин сказала:

- Эй, Боронбай, где ты нашел этих мальчишек? Да разве это работники. Собрал неучей, они еще и нас испугали. А один из них уснул прямо на лошади.

- Неправда! - сказал Апсамат.

Он поругался с этой женщиной. Ее звали Зульпия. Я понял, почему она подняла этот шум. Два дня назад она попросила нас сделать культивацию поля, где она работала. Ведь ей стало бы значительно легче окучивать хлопчатник. Но, мы не смогли ей помочь. Она целый день намекала:

- Ой, мальчики, скоро у меня оторвутся руки. На моих грядках так много травы. Вы бы культивацию сделали.

А мы говорили:

- Сейчас, сейчас. - Но никак не могли выбрать время, чтобы помочь ей. Да и не успели бы. Просят-то все женщины. Никого не хочется обидеть, но, мы не успеваем. Иногда хочется взять у них кетмен и поработать за них, но, и у нас свои дела.

тается взлететь. Кормлю его кузнечиками или воробьиным мясом. Если, взяв в руки корм, говорю:

- Как-ка! - Он машет крыльями и поет.

- Чак-чак! Чак-чак!

Где бы ни увидел меня, сразу садится мне на плечи. Шевелит хвостиком, словно чего-то ждет от меня. Если даю корм, моментально клкует. Если издали увидит фигуру отца, собиравшего дыни, подлетает и к нему. Больше ни к кому так не относится, улетает от чужих.

- О-о! Кто это такой? - удивился учитель.

- Это сорокопут, агай! Я приручил его.

- А-аа! - учитель теперь понял в чем дело и стал есть дыню.

- Хорошо, хорошо, молодец ты! Нам такие, как ты нужны.

Я боялся как бы он и моего сорокопута не записал в школу.

- Теперь я пойду, - сказал он, вытирая руки полотенцем.

- Подожди. Я тебе дам дыню. Возьми домой.

- Не надо, аксакал. Если надо будет, приду сам.

- Тогда ладно. Не стесняясь, приходи. А детей в школу отправлю своевременно.

- А Темир? И он пойдет в школу? - спросил я, идя следом за учителем. - И его будете записывать?

- Видимо, он не знает о нем, спросил меня:

- Кто он, где они живут?

- Во-он, в шалаше под большим тутовым деревом. Мы с ним одногодки, и его записывайте.

- Спасибо, тебе! Сейчас пойду и к ним.

Темир - сын Джакыпа. Живут они немного дальше от нас в своем шалаше. Они, как и мы, работают на бахчевых полях. Кроме арбузов, выращивают еще сорго и просо. У них нет риса. Но для себя немного засеяли. Воробьи охотятся за сорго и просом. Сейчас они как раз созрели и их надо караулить, иначе, одни стебли станут. Поэтому, Темир с утра до самого вечера крутится возле поля сорго, и не выпуская из

рук рогатки, стреляет по воробьям. А на поле просто установили чучело, чтобы воробьи пугались и не садились на поле. Каждое утро слышен голос Темира, он уже нам порядком надоел:

«Луна пестра, о, луна, луна ушла,
Кукурузу склевали воробьи.
Как будто сегодня им мало,
Обещали прилететь и завтра!»

То ли нет других куплетов, то ли знает только этот, но Темир с утра до вечера поет только этот куплет. Однажды и он, подражая мне, приручил птенца сорокопута, но птенец быстро потерялся. После этого он часто стал приходить к нам. Спрашивал, как приручаю птенца. Подстрелит воробьев рогаткой и приносит к нам.

- Что, будет есть целиком? - спрашивал он.

- Да нет. Надо очистить от перьев, а мясо измельчить. Не может же он проглотить целого воробья.

- Правда, что беркуты и соколы проглатывают целого элика?

Я же их не видел, не знаю что и сказать.

- А твой сорокопут может сам поймать воробьев? - спрашивает вновь Темир.

- Конечно. Всех воробьев, садящихся на твое поле, он может съесть. Но, я его не пускаю. Улетит же.

Темир, щупая свой большой живот, смотрит то на меня, то на сорокопута. Я его никогда не видел в рубашке. На голое теле всегда можно увидеть засохшие пятна дыни и всякую прилипшую грязь. На ногах трещины, которые заполнены грязью. Иногда он со мной отправляется за кизяком. И опять босиком и без рубашки. Я удивляюсь, как он проходит через колючки, да еще бегаёт с нами в поисках гоола. Он поднимает заполненный мешок на голое тело, а у меня все тело вздрагивает.

Гоол - разновидность земляных плодов.

На обратном пути купаемся. Темир же и близко к реке не подходит. Идет в холодок и сидит себе. Удивляюсь, как он не чувствует боль от засохшей травы. Положив руки под голову, и перебросив ногу на ногу, лежит и лежит.

- Эй, Темир, ты, что боишься воды? Идем сюда! - мы несем воду в ладонях и брызгаем на него, а сами хохочем. Он не обижается, смотрит на нас и улыбается.

Вот о нем и рассказал я учителю. После того как он ушел, мы разбрелись по своим делам. Я посадил сорокопута на руку и за Апсаматом пошел к полю с дынями. Сегодня приедут на бричках. Мы должны подготовить дыни. Их раздадут хлопкоробам. Третий раз собираем урожай дынь. Да уже закончили бы с дынями. Но, пришел вчера председатель колхоза и сказал отцу:

- Заканчивайте с дынями. Рис сам по себе будет созревать. За ним не обязательно следить каждый день. К уборке приступите позже. Скоро начнется сбор хлопка. Всеи семьей выходите на хлопковое поле, помогите!

Однако отец; сказал:

- Есть дыни с поздним созреванием, надо еще подождать. Сбору хлопка и так поможем, не будем же наблюдать, сложа руки.

Сейчас Апсамат ходит по грядкам, переворачивает дыни, проверяя, есть ли там созревшие.

Я стою на месте, поигрываю с сорокопутом, держа его за клюв, и думаю:

- Учеба, учеба! Какой она будет? Раньше я еще не был за порогом школы. Однако, я умею писать и читать. Сейчас я не могу вспомнить кто меня научил. Апсамат не хочет учиться, наверное, это трудно учиться. А. что, если и я откажусь учиться?

- Тыныбек, начинай, - кричит Апсамат, вновь и вновь поднимая голову. - Давай, быстрее заканчивать!

Отпустив сорокопута, нагнулсся. Не хочется работать, стало грустно.

- Что с тобой? - подошел ко мне Апсамат. - Ты болеешь?

- Можно не учиться?
- Что он болтает? - удивился он.
- Не хочу идти в школу.
- Тогда...смотри сам. Никто тебя не заставит.
- Правда?!
- Когда я обманывал? Вот я же не учусь.
- Не - ет, записал же он?!

Апсамат рассмеялся.

- Ну и что, если записал? Из-за этого боишься? Написать недолго. А мое дело - кетмень, понял, друг, кетмень! Теперь Апсамат нахмурился и стал говорить воясу. - Кто будет кормить мать? Наш дом чуть не валится, кто отремонтирует? У меня нет одежды. Где возьму книги и тетради? Ну, подумай сам!

Топтая пожелтевшие стебли дынь, он пошел прочь. По росту, широким плечам он был похож на взрослого человека.

После этого об учебе мы не говорили. С утра до вечера работали, вечером от усталости валились с ног.

Первое сентября. Полдень. В сумочку из дерюги, положив две тетради, половину лепешки, испеченной в казане, моя старшая сестра Ляйли взяла меня за руку сказала:

- Пошли.

- А тебе зачем идти туда? Ты же только что пришла со школы? - сказал я, удивляясь.

- Тебя отведу

- Каждый день, что ли?

- Не-ет, только сегодня. Познакомлю с учителями.

- И Темира возьмем с собой, ладно?

- Конечно. Ну давай, быстрее.

Темир ждал нас на дороге. В рванной майке, без рубашки, середина тубетейки порвана и оттуда торчит клочок волос. Ремнем отца связал одну единственную книгу. Открыл ее и прочитал.

- «Букварь». Для первого класса.

- Где ты нашел его? - спросила Лайли с интересом.

- Отец купил.

- Где же он купил? - пробормотала сестра. Темир ничего не ответил. Одна сторона майки падала с плеча и он вновь, и вновь поправлял ее.

- Велика! - подумал я.

- Темир, в таком виде нельзя идти в школу. Надень рубашку, а тубетейку оставь дома, - сказала Лайли. Темир босыми ногами чертил землю.

- Рубашки нет, завтра купят, - сказал он.

- Хорошо, пошли тогда!

Пошли все. Пришли в школу.

- Где сорокопут? - спросил, смеясь, тот учитель, который приходил в наш шалаш.

- Принес?

- Нет.

Тут вмешался директор:

- А что это такое?

- Вот этот мальчик приручил птенца сорокопу- да. Он привык к нему, если даже отпустит, далеко не улетает. Позовет - прилетит откуда бы ни было.

- О, молодец, так значит. Хорошо, хорошо, - смеялся директор. - Значит, ты любишь пернатых? Это хорошо.

- Идем Токтосунов. Скоро будет звонок на урок, - сказал учитель, взяв меня за руку. - Действительно, как только мы зашли в класс, прозвенел звонок.

- Я сейчас вернусь. И буду вас учить.

Через некоторое время принес книгу, завернутую в газету. Сначала поздоровался, записал наши фамилии и имена. Потом назвал себя.

- Меня зовут Муса, фамилия Айтишев. Сюда приехал недавно. Я из Севера Киргизии, с Иссык-Куля.

Он замолчал и смотрел на нас по очереди.

- Теперь, ребята, начнем урок. А ну-ка, кто может написать «Ленин». Есть среди вас, умеющие

писать? - учитель раскрыл книгу и показал портрет Ленина. - Вот этот человек.

Мы стали рассматривать портрет, Класс затих, даже было бы слышно, если бы залетела муха.

- А кто такой Ленин?

- Ленин вождь мировой революции. Человек, давший свободу, угнетенным труженникам. Построил нам эту светлую школу, сказал, чтобы вы учились, получили образование. Ленин - наш отец, давший прекрасную жизнь тем, беднякам, которые жили без одежды, жили голодно. Поняли?

- Да!

- Этого человека зовут Ленин. Владимир Ильич Ленин. Ну-ка, кто напишет его фамилию.

Класс зашумел. - Ленин! Ленин! - повторяли все. Не отрывая глаз от портрета, даже не моргая.

- Ну-ка, дети, кто хочет выйти к доске?

Кто-то из сидевших впереди, поднял руку.

- А, Азизов. Выходи!

Тот уверенно вышел вперед.

- Лелин.

- Правильно ли, ребята? Девочка, сидевшая со мной за одной партой, живо поднялась с места.

- А-а, ты, Мундузбаева! Давай. Возьми мел.

Все смотрели на нее. Смотрим, как она пишет.

- Иленин - написала она четко и смотрела на учителя.

Учитель покачал головой. Улыбаясь, стал стучать по столу.

- Кто еще хочет к доске?

- Я, учитель.

- А - а, Токтосунов. Ну-ка попробуй, пиши!

Я подошел к старой доске, на которой мел писал с трудом, я снова и снова писал и наконец написал:

- Ленин!

- О-о, вот это правильно! Молодец! - Я от стыда вспотел. Торопливо пошел к своей парте. Тут прозвенел звонок и я почувствовал облегчение.

С этого дня мой интерес к учебе возрастал. А Апсамата почему-то не было в школе, когда началась учеба, он ушел из нашего дома.

Отец и Жакып аке работают на хлопковом токе. Каждый день, возвращаясь со школы, заглядывал к ним. И Темир за мной ходит. Тут люди переворачивают хлопок, сушат на солнце. Отец, дядя Жакып и еще несколько человек в середине тока заполняют мешки хлопком. Один держит мешок, второй лезет в него и прессует хлопок, чтобы поместилось побольше. Остальные с кучи берут охапки и бросают в мешок. Когда мешок наполняется, его откладывают в сторону.

Когда все готово, мешки грузят на четырехколесные пароконные брочки, связывают мешки веревкой, чтобы не упали и отправляют на хлопковый пункт.

На всю бригаду только одна брочка. Если она сломается, запрягают волов в волокуше. Оставшиеся мешки грузят на лошадей. Короче, хлопок, собранный в тот день без остатка, надо отправить на хлопкопункт.

Когда мы пришли на ток, было около пяти часов. Мешков с хлопком было много, чем вчера. Оказывается, дядя Камал как уехал на хлопкопункт около полудня, так и не возвращался.

- До сих пор нет его. Что же с ним случилось? Ведь расстояние недалекое, уже дважды съездил бы, бессовестный, - говорил бригадир, метаясь туда-сюда. Его беспокойство я понимаю. Ведь, погода портится, небо покрывают черные тучи.

- Если сегодня не сможем отправить хлопок, то будет плохо. Пойдет дождь и все пропало. Негде укрыть хлопок.

И тут мы услышали дальний скрип брочки. Это был дядя Камал. Так скрипит только его брочка.

- Смазал бы колеса. Раз свой хлеб зарабатываешь на ней; надо же хорошо ухаживать, - говорили ему. Камал аке один за другим тянул табак и бормотал:

- Некогда.

- Кто-то из стоявших на токе, сказал:

- Едет! А ну, ребята, приготовили мешки.

Извозчик не спешил. Держал свою длинную нагайку и хорошо устроился на бричке.

- Фу, чоо! - говорил иногда. Дымил своей махоркой, свернутой газетным клочком и сидел, опустил голову. Когда у него не оказывалось газеты, махорку он сворачивал в тонкую кукурузную скорлупу.

Когда бричка прибыла на ток, у всех испортилось настроение.

Нахмурившись, они стояли как вкопанные, на своих местах. Не выдержав, бригадир накричал.

- Дурак! Что ты наделал?!

Заднее колесо брички было сломано. Так, чуть опрокинутой, и приволокли лошади бричку.

- Потуши махорку, запалишь хлопок! Как будто в ней осталась твоя месть! - сказал еще кто-то. Бригадир встал рядом с извозчиком, который стоял, прислонившись к бричке, и держал колесо.

- Что? Не довез хлопок?

- Да.

- Где оставил?

- На поле... - спокойно ответил Камал аке.

- Эх, провалился бы сквозь землю! - Бригадир кулаком стучал по лбу извозчика, его дрожали губы, выделялись скулы. Глубоко дыша, зубами стиснул губы. Глаза его покраснели, как будто хотел съесть Камала. Потом ударил кулаком об бедро и отвернулся.

- Мешки с хлопком занесите под наш навес, - сказал он. - Оставшиеся мешки соберите в кучу, и накройте паласом. Я пошел в контору. Попрошу другую бричку.

Он сел на коня и поскакал. Мы с Темиром остались на токе и играли. Наступал вечер. Сборщицы хлопка, поставив на голову тюки, группами направлялись к току. Тут как-то неожиданно поднялся ветер. Дети, сидевшие под тузовыми деревьями, зап-

лакали. Единственная няня заторопилась, не зная, что делать. Мы быстро подбежали туда и подняли на руки двух малышек. Они были без штанов, а полы рубашек были свернуты и повязаны к спинам. Они так и сидели на земле. Руки и рот все в грязи.

Через некоторое время пошел дождь. Мужчины завозились с хлопком. Женщины, взяв в руки детей, искали укрытие. Хлопок, разбросанный для сушки стали собирать вилами, вениками, а кто-то руками. Наконец собрали в одну кучу, укрыли паласами, а где их не хватило, побросали свои чапаны и халаты.

Среди них была и Зулпия. Я боялся, как бы она не рассказала отцу о случае, когда я уснул на лошади. Она увидела меня и узнала, но промолчала. Я понял, что она никому ничего не расскажет и успокоился. Она выпрямилась и подставила лицо дождю:

- Ах, как хорошо! - сказала она, смеясь. Потом подошла ко мне и погладила по мокрой голове.

- Ты, наверное, ненавидишь меня, да? Не надо так. Я пощутила. Но и ты больше не упрямясь, слушай старших, выполняй, что они скажут ладно? Вот тогда ты будешь молодцом.

На ее лице я заметил какую-то доброту. Нет, зря я думал что она «нехорошая женщина», просто у нее душа открытая: много смеется, шутит. Она никогда не жалуется на трудности. Я никогда не видел, чтобы она была грустна, сердита, раздражена и жаловалась на усталость. У нее два сына младше меня. И сегодня она была веселой и целый день работала без отдыха. Сейчас пойдет домой и там будет заниматься домашним хозяйством до полуночи: стирать, готовить, приготовит обед на следующий день. А на рассвете отправится на поле.

Меня позвал отец.

- Где ты, Тыныбек? Пошли домой.

В тот день мы домой вернулись поздно.

- Что вы весь день играли? Если делать было нечего, уже давно надо было возвращаться домой, - сказал Жакып аке нам с Темиром.

- Вы промокли. Когда теперь будете делать уроки? Дождь был сильный, все промокло.

Мы молчали.

- Больше не приходите на ток, - серьезно сказал отец. Мы приехали, в шалаше было темно. Сестра Ляйли приготовив ужин, ждала нас.

- А что не зажгла лампу? Не боялась ли одна? Ах, этот Тыныбек, ну зачем ты пошел на поле?

- Закончился керосин, - ответила сестра.

- Ах, черт! Ладно, побольше дров бросайте, пока будем ужинать.

Кизяк горел плохо. Намок, видимо.

- Надо было укрыть чем-то.

Укрывала. Дождь прошел насквозь.

- Умеющий и снег зажжет - говорят, дай сюда ожег.

Отец сам стал зажигать огонь. Слабый огонек еле освещал наш шалаш. С трудом, сгибая головы, находим свой пиалы.

Дождь перестал, ветер согнал облака куда-то в сторону и небо стало ясным. Стали видны мигающие звезды. На земле опять началась жизнь. К огню очага стали собираться мухи и другие насекомые. Запрыгали сверчки, вышли из нор, все ищут что-нибудь поесть и растворились в темноте. С каждой минутой усилился свист, кваканье и тихая ночь наполнилась разноголосицей.

Кизяк сгорел, мы стали готовиться ко сну. Впервые с начала учебного года я не сделал домашнего задания.

6. Неожиданные гости

Поздняя осень. Закончили ручной сбор хлопка и стали собирать кураки. Мы с отцом носили рис.

Издали я заметил, как два человека направляются к нашему шалашу. Один нес на плече какой-то груз. Его лица я не смог различить. Вторая была тетя Карачач. Когда они приблизились, узнал и вторую. Это была Башарат. Почему-то екнуло сердце. Выбросив серп, побежал к отцу:

- Папа, идет Башарат!

- Что - о? - Отец выпрямился и воткнул серп в кучу риса.- Кто, говоришь, идет?

- Башарат. Вот она, видите?

- Гм-м...- Отец словно прикусил язык, застонал. Те двое подошли к нам и остановились.

- Здравствуйте, дядя! - Тетя Карачач не осмелилась по своему обыкновению говорить быстро и громко, а смотрела под ноги и прятала глаза. Я сразу почувствовал, что что-то случилось. Держал себя отчужденно и смотрел на них с опаской. Приблизился к отцу, отдаляя себя от неожиданных гостей. Крепко обнял отца и задрожал, мне показалось, что они отберут у меня отца.

Перед глазами всплыло то, как умерла мать, как мы шли на Шыбак-Бель, трупы женщины и ребенка, и как тонула мать.

- Папа! - я вскрикнул. Причину этого отец понял без слов и гладил меня по голове, он не двигаясь, стоял на месте. Отец был в трудном положении. Я ничем не мог помочь. Дочь-то своя... И плохого, и хорошего не скажешь. Обе стороны долго стояли, глядя друг на друга. Помолчали. Лишь шумел рис, качаясь на ветру, словно кланялся. Откуда-то слышен голос Темира:

«Луна пестра, о, луна, луна ушла,
Сорго съели воробьи.

Ах, эти сорванцы-воробьи

Унесли они фунт зерна!»

«...Ого, это что-то новое у него подумал я и стал ждать, что он еще споет. Потом вспомнил, что они уже убрали свое сорго и засомневался: «Не во сне ли это слышу?» Стал смотреть в его сторону. Он

- Дядя, надо же прочитать куран¹, - сказала Карачач, не трогая еду. Отец прочитал суру.

- 0-0-ми-ин! - сказали все. Потом все приступили к еде, а Лайли наливала бульон в другие пиалы. Мы ели лепешку с маком, которую испекла Лайли. Она так вкусно пахла. Как созрела пшеница и хлеба стало вдоволь. Тандыр мы сделали сами. Уж я то хорошо знаю цену хлебу. О, пока зерно стало хлебом чего только не пережили. Иногда, повесив на шею торбу, то в лунную ночь, то в знойный день мы собирали колосья пшеницы. Сколько раз наши ноги резали колючки, когда мы убегали от сторожей, бежали от поля к полю. За колосок пшеницы мы были согласны отдать и кровь, и слезы, и пот. Если кто попадался сторожу, он приводил его на ток. Забирал все, что мы собирали.

Сколько дней и ночей мы, сидя на лошадях, тянули каменную болванку, которой молотили зерно. Когда нестерпимо мучил сон, спали тут же, на соломе, на току. Старшие, взяв в руки деревянные вилы и лопатки, веяли пшеницу. Иногда не было ни малейшего ветерка. Тогда снопы пшеницы лежали на току. И люди начинали свистеть, чтобы подул ветер. Как только зашевелятся ветки деревьев, дружно вставали в ряды и начинали веять. Но, слабый ветер не очищает зерно. Опять начинают свистеть. Как начнут пять-десять человек свистеть, это напоминает хор лягушек. Они и вправду верят, что свист навевет ветер. Надеются все-таки. Но сколько бы ни свистели, а признаков ветра не видать. В середине тока крутится болванка и гудит. А с того берега реки мальчишки, везут и везут снопы пшеницы. Ленивые волю еле ходят. Издали видны красно-белые платки женщин и девушек, которые косят пшеницу.

Вот так мы три-четыре дня и свой дом не видим. Если у бригадира бывает хорошее настроение, он говорил:

¹ Куран - здесь имеется в виду сура из корана

- Ладно, соберите по торбе колосьев да отправляйтесь домой. - Но, не раньше, чем вечером, не отпустит. Уже к полуночи заполняем торбы. Зерно очищаем в ступе, и веем на тарелке.

Вот этот хлеб мне очень дорог, священен и велик. Я знаю его цену. Я знаю, как и откуда появляется хлеб? Каждое зернышко рождается кровью, потом и душой человека!

Поели бульон, арбузом утолили жажду. Только хотели мы продолжить работу, заговорила тетя Карачач.

- Дядя... дальше она не могла говорить, посмотрела на Башарат. Она медленно встала и вышла на улицу. Тетя с трудом продолжила свой разговор. - Дядя... Башарат... развелась с мужем, пять лет прожили, поскольку она не рождает, не может больше оставаться у нас.

- Гм-м...- Отец, словно у него болели зубы сжал губы, закрыл глаза. Сделал вид, что собирает семена арбуза, разбросанных на дастархане и бросал на тарелку. Услышав это, Лайли вышла на улицу. За ней вышел и я. В дверях я услышал как отец сказал::

- Ладно уж!...

7. Апсамат пришел

Полевые работы закончились уже когда наступили холода и на земле появился первый иней. Мы перебрались в аил. Школа стала ближе. Теперь не надо переходить речку, идти через заросшие травой дорожки.

Вскоре выпал снег. Накануне Нового года вечером к нам домой пришел Апсамат. Нам стало веселее, как будто наша семья пополнилась отсутствовавшим членом семьи, мы разговорились. Он приехал верхом. Стал солиднее, лицо загорело от ветра. У него была привычка, когда сердился или сме-

ялся, между бровями собирались морщины и он походил на взрослого. Сейчас этого не видно. Пополнил и похорошел, раздался в плечах, грудь стала шире, да и голос изменился. Голос теперь у него стал грубее, сам степенен, говорит взвешенно. И походка стала другой. Я просто любовался его фигурой, каждым мускулом. «И мне бы быть таким» - замечтался я.

Отец уже много дней не вставал с постели, болел. С приходом Апсамата поднялся, сел и укрылся шерстяным халатом-чепкеном. Побледневшее его лицо зарумянилось, говорил весело:

- А что тебя не видно давно, где пропадал?

- Стал табунщиком, завтра, говорят, будет праздник. Поэтому и приехал.

Эту весть слышали и мы. В честь Нового года колхоз собирался устроить праздник. Первый праздник после окончания войны, когда люди будут радостно отмечать Победу над врагом. Его собирались проводить в ноябре, но затянулся сбор хлопка, и отложили на предновогодние дни.

- Хорошо. Теперь работай хорошо. Ты уже взрослым стал. А где мать? Как ее здоровье?

- Неплохо.

- Ну, желаю вам всего хорошего.

Зашла Лайли, и развернув дастархан, поставила чай. Апсамат смотрел на нее краем глаза. Она покраснела.

- А ты продолжаешь петь, Апсамат?

- Да, дядя, пою.

Если бы кто-то с улицы не позвал Лайли, она и не думала уходить. Она наливала нам чай. Я выбежал раньше ее. Там стоял колхозный вестовой Калыбай. Не знаю когда успела выйти, возле него стояла Башарат, улыбаясь что-то говорила ему, и время от времени поглядывала на дверь,

- Отец дома? - спросил он, делая вид, что не обращает внимания на его старшую сестру и перестал улыбаться. Что этот вопрос был отвлекающим было

понятно и ребенку. Башарат отошла от него. Не успел я ответить, Калыбай сам вошел в дом.

- А-а, это ты Калыбай, проходи, проходи. Вестовой спешился и протянул обе руки.

- Как ваше здоровье, дядя? Слышал, что вы болеете. Извините, не навестил, не мог оторваться от дел.

«Что он так подхалимничает - подумал я недружелюбно. Раньше не был таким. Во время уборки пшеницы сколько раз отбирал наши колосья.

Когда он кричал, сидя на коне, мы, побросав почти полные торбы, убегали. Теперь я удивлялся не только его покладистости, но и тому, как спешившись, он поздоровался с отцом.

- Садись, - пригласил отец.

- Нет, я сейчас должен вернуться. Меня послал председатель колхоза, завтра вы должны прийти в его дом, сыграть на комузе и спеть. Наверное, гости из района будут у него.

Наверное, я не смогу пойти. Ты сам видишь мое состояние, объясни ему.

- О, дядя, кто же кроме вас может развеселить компанию? Без вас будет скучно. Что же теперь делать? Полежите, укутавшись, может к утру поправитесь? Но сам председатель просит, неудобно будет, если не пойдете.

- В какое время будет это?

- Вечером. Днем на жнивье будут игры - козлодрание, куреш, борьба на лошадях. Теперь я поехал.

Калыбай уехал, конь пошел резво, поднимая снежные комья за собой. Я следил за ним, пока он не скрылся из виду.

Я, оказывается, окоченел. Укрылся лучше. Как только я открыл дверь - в нос ударил запах, хорошо знакомый с детства - плов! Возле очага хлопотала Башарат. После её приезда Лайли стало легче. Всю домашнюю работу делает в основном она. В гостиной Апсамат готовил струны комуза к игре, видимо отец попросил его спеть те песни, которые

Апсамат учил у него. Апсамат прокашлялся и запел:

Ой-ой, есть зазнавшиеся джигиты,
Играют они в азартные игры.
В дни выигрышей
Смеются от радости.
Ну, а если проигрыш,
Всю ночь стонут без сна
Все их помыслы в дармовых деньгах.

* * *

Эй-эй, есть еще зазнавшиеся джигиты,
Хвастают всюсю.
Попадутся в воровстве —
Божаться, что не они.
Есть и такие джигиты
Не хотят видеть кетмень,
Они любят покушать задарма.

Оо-ой, муллы едут по аилам,
Рвутся к молитве,
Чтобы успеть раньше всех.
Говорят они: - О, Аллах!
И собирают дань с людей,
Когда же они насытятся?

Хотя Апсамат не спел до конца, отец остановил его.

- Все, сынок. Хорошо, завтра вечером будешь со мной.

Поев, мы вышли на улицу. Холодно, но небо чистое. Апсамат разговаривал с отцом.

- Дядя, я завтра буду бороться. Говорят, придет силач Масалы из Кызыл-Туу. Хочу побороться с ним.

- Что ты сказал?! - испугался отец. - Твои ребра еще мягки, не борись с таким, погубит. Я его хорошо знаю.

жалко Апсамата, его будущее, я забеспокоился как бы он не осрамился перед людьми. Еле пробиваясь сквозь толпу, вырвался вперед. И там все говорили только о Масалы.

Вдруг все затихли. На середину вышел высокий, широкоплечий, рыжеватый человек средних лет. Его голова была повязана голубым шелковым кушаком, а сам он был широколицый, с вздернутым носом, выглядел грозно; а когда улыбался рот доходит до ушей. Оба рукава были подняты до локтей, руки огромные, а ноги были похожи на ноги медведя. Он, молча смотрел вокруг, взяв руки крест-накрест.

- Богатырь Масалы!

- Богатырь Масалы!- говорили все, и эти слова расходились как ток по проводам. «Кто же первым выйдет на него, неужели Апсамат?»- подумал я с ужасом.

«Этот погубит Апсамата. Зря он поступает так. Сейчас найду его и скажу, чтобы отказался от борьбы».

Ищу в толпе Апсамата. Его нет. Где он? Слышны разговоры людей, стоящих вокруг.

- Богатырь из богатырей. Даже не сомневается в своем успехе.

- Смотри, как он стоит, похож на льва.

- Э-э, он если схватит, то сломает ребро.

Я отошел от них. И здесь все говорили о героиствах Масалы. Эти хвалебные слова уже надоели мне. Но Апсамата все не могу найти, мое настроение испортилось.

Сон это или явь? Не веря своим глазам, не моргая, не дыша, я замер. На середину выходил Апсамат.

- Неужели? Апсамат ли он? - сказал я с беспокойством. Да, это был он. Ни о чем не думал. Свернув полы чапана к спине, на ногах кирзовые сапоги. Некоторые мои соседи рассмеялись.

- И он будет бороться с богатырем?

- Кто он такой?
- Какой-то юнец.
- Помнет он его.

Апсамат подошел к сопернику. Ростом они были одинаковы, но они были разные по телосложению.

Сейчас я вспомнил, как однажды Апсамат помогал нам грузить мешки с рисом. Большие мешки он легко снимал с быков. Тогда я не придал этому особого значения. Вспомнил и тот случай, когда убежала лошадь и как её силой удерживал Апсамат и успокоился. Если бы не был сильным, не мог он проделать все это. Ведь ответил же он отцу, когда он спросил:

- Боролся ли раньше?

- Еще моя спина не коснулась земли, - отвечал он тогда, словно опытный борец. Отсюда можно было заключить, что он зря не терял времени, боролся со своими сверстниками. Видимо, он давно готовился к борьбе и ждал удобного момента. Что ж, пусть испытает свои силы!

Они взяли друг друга за пояс. Народ затих. Масалы считал Апсамата не заслуживающим особого внимания борцом, боролся без настроения, лениво. Борцы, тягаясь, ходили по кругу, поправляли кушаки, хватались вновь. Апсамат, дергая плечами, старался войти под мышку соперника. Сильные руки Масалы не позволяли ему этого. В один из моментов, Апсамат, засунув правую ногу между ног Масалы сильно рванул, но тот даже не шелохнулся. Опять они стали проверять силы и оттеснять друг друга то туда, то сюда. Прошло некоторое время, среди людей пошел шепот. Вдруг Масалы, гаркнув во весь голос, обратил на себя внимание всех людей. Он резко поднял Апсамата и решил перебросить его через голову. Видимо, тот предвидел этот ход соперника и вцепился в его грудь, навалившись на него и давил на плечо Масалы. В то же время ногой ударил в подколенку. Ноги Масалы согнулись, и он стал пятиться. Теперь Апсамат ударил в дру-

гую подколенку и стал гнуть его к земле. И это видимо его не удовлетворяло. Освободив руки, как беркут схватил за его плечи, Масалы не смог выпрямиться.

Закричав «Ах-ах» - он свалился на землю. В его крике не было былой прыти и спеси, а чувствовалась горечь. Так жалеют человека, который портит свое дело, заранее зная ошибки. Все это произошло так быстро, что мне показалось, что большинство зрителей еще не разобрались кто кого победил. Ведь обычно в такие моменты раздаются крики и аплодисменты. Сейчас все молчали, словно в рот набрали воды. Оказывается, никто не думал, что Масалы проиграет.

- Ха-ха-ха-ха! - Чей-то смех, раздавшийся сзади, кажется, оглушил меня. И остальные, словно только что проснулись ото сна, закричали. Я резко обернулся.

Там стояла моя старшая сестра Лайли! Она не видела меня. Расталкивая окружающих, в том числе и меня, она побежала к Апсамату. Она не обратила внимание и на платок, упавший на землю по дороге, двумя руками обняла Апсамата...

Я не поверил своим глазам. Тут же мой взгляд помутнел, лицо горело. Мой отец так обнимал и целовал меня, когда он вернулся с фронта. Еще раз посмотрев, я увидел, как Лайли шла назад и растворялась среди толпы.

Остальное мне стало неинтересным. Надо поднять её платок, чтобы толпа не затоптала его и отправляться домой. Бывают у людей такие моменты: не знает где и что делает, голова идет кругом, оглядываясь, вокруг улыбается, разговаривает сам с собой, как привязанный, крутится на одном месте. И я был в таком положении. Держа в руке платок, не в силах сделать и шага, стоял в середине майдана. Люди рассмеялись.

- Вот богатырь! Кто выйдет на него?

- Вот молодец! А ну, покажи свою силу!

И впрямь какой-то мальчишка, сбросив чапан, шел ко мне. Я, махнув рукой, отвернулся и пошел прочь.

9. Дороги не кончаются

После этого зимнего события Лайли убежала с Апсаматом.

- Разве можно так? - сказал отец.

В первое время я обижался, хотелось плакать, ничего не желал видеть, перестал играть с мальчишками и ходил один. Жалко. Много думаю. Чувствую себя как козочка, потерявшая близнеца. Одиночество угнетало меня. И дом казался мне скучным, чего-то мне не хватает, ищу кого-то. Кажется, что Лайли вот-вот войдет в дом. Так привык я к ней. А как же, ведь сколько трудностей пережили вместе, бродили вместе, пережили голод, холод, были сыты. Она стала моей неотъемлемой частью. Она была моей опорой и на подъемах, и на спусках жизни. Не было ложки, которая бы не касалась наших губ, не было двери, которой не касались бы наши руки, как говорила Башарат, мы стали «неразлучными». Как гласит пословица: «Козочка, блеяя выпросит воду, сирота плачем выпросит хлеб». Пока отец не вернулся, где только мы не бродили. А когда выросли, поняли, что она ушла в чужую семью, как же так? Нет теперь сестры, которая говорила:

- Тыныбек, дай сюда рубашку постираю. Тыныбек, ешь. Тыныбек, не опоздай в школу. Тыныбек, Тыныбек!

Со временем я привык к ее отсутствию. И все же я тоскую по Лайли. Башарат не смогла заменить ее. Говорят: «Сирота с матерью - баловень, сирота с отцом - балбес». И я так же: изнываю, жмусь, мне тесно. И отец стал какой-то другой. Больной, он совсем расслабился. И постоянно говорит о Лайли:

- Лайли так говорила, Лайли так делала.

- Теперь я не смогу пригласить их домой, как положено по обычаю. Нет у меня денег. Поймут ли они? Они же, соблюдая обычай, будут от меня чего-то ждать.

И утром, и вечером отец повторял эти слова.

- Вообще-то оба умны. Поймут меня! Или же слушают нашу сваху и не могут поступить по-своему?

С этими переживаниями отец окончательно слег в постель, кашляет, побледнел, похудел, обессилел. Опять случился приступ.

Стало тепло. Началась пахота. Мы уже не могли работать в овцеводческой бригаде. Отец сильно переживал из-за этого, горевал.

- А что станет с Тыныбеком? Две дочери смогут жить сами. Опять сын останется беспризорным? Ах, эта безжалостная жизнь! Хотя бы до юношеского возраста довел бы я его!

Я не понимаю весь смысл этих слов. Да и не обращаю на них внимания.

- Отец, дядя Жакып на прошлогоднем поле опять выращивает дыни. Когда пойдем мы? Или будем работать на хлопке?

- Да, сынок, ты сядешь на коня, я буду держать плуг, и будем выращивать хлопок.

Я молчу. В последние дни к нам зачастил дядя Калыбай. Под предлогом узнать о здоровье отца, приносит всякие сладости. Спрашивает о моей учебе, проверяет тетради и чистоту моих учебников. Говорит без усталости. Теперь он стал почтальоном. Однажды он дал мне газету, которую я раньше не видел, «Кыргызстан пионеры» называлась она.

Только теперь узнал я, что есть такая газета. Почитал и заинтересовался ею, как приходит дядя Калыбай, я начинаю ворошить его сумку, где он обычно держит газеты и журналы, а не сверток с конфетами.

Прошло жаркое лето и наступил август. Все также душно. Поспели дыни и арбузы. Апсамат часто

приезжает в долину. Хотя и не заходит к нам, а через кого-то передает кумыс. Если встретимся на улице, спрашивает о здоровье отца. Все слушает внимательно. В конце, собрав свои морщины на лбу, стиснув губы, задумывается.

- Гм...Рискнуть что ли зайти, если так сильно болеет? Но если узнает об этом мать, обидется. Что же делать, Тыныбек, а? А что я могу ему ответить?

- Идем, отец только обрадуется,- говорю я и тяну за руку А ты не рассказывай маме.

- Э-э, все равно узнает!

Услышав это, я обижаюсь.

«Что он так нежится? Просто не хочет?» думаю и вспоминаю событие на празднике. То, как сестра, никого не стесняясь, подбежала к Апсамату, как ребенок бросилась ему на шею, к тому же без платка шла сквозь толпу. Тогда это для меня было загадкой?. Права ли она была или нет? Не могу разобраться в этом, в голове туман. Я не знал: защищать ли Лайли, или ненавидеть её.

Это событие в тот же день дошло до всех. Но отец, узнав об этом, ничего не сказал. Лишь тетя Карачач не знала куда себя деть и металась.

- Дура она, как теперь будем смотреть людям в глаза? С таким трудом мы тебя вырастили, а ты уже нас не признаешь. Лайли ответила ей так:

- Не ваше дело. Я сама свою судьбу решаю!

С тех пор тетя Карачач не поднимала этот вопрос. Да с ней никто и не разговаривал. Вот теперь эти обиды стали забываться. Апсамат стал членом нашей семьи, вместе с нами переживал и удачу, и печали.

- Да пошли к нам,- говорю ему, потянув за руку.
- Я поведу тебя дорогой, где тебя никто не увидит. Пойдем по высокой траве. Ну что, согласен?

Апсамат улыбается.

- Согласен. Только во второй приезд. Сейчас нельзя. Видишь, у меня есть груз.

Он садится на коня и отправляется в горы, а я

остаюсь, грустно провожая взглядом. Я тоскую по сестре, хочу уехать вместе с ним.

Видимо Апсамат рассказал о тяжелой болезни отца. На следующий день он приехал с Лайли. Я обрадовался, как будто ожила мать. Радость того дня на долго сохранилась в моем сердце, повторялась в душе. Сестра изменилась до неузнаваемости. Я искал ее прежнее белое лицо, усталые глаза, тонкие и длинные пальчики, ручки. Ничего этого не осталось.

Сестра грустила, видимо, поругалась со свекровью. Конечно, старуха не хотела отпускать их, и могли быть стычки. Они два дня были у нас, собирались уехать утром, но, на рассвете умер отец. Мы с плачем проводили в последний путь. Апсамат, ссылаясь на табун, уехал через день. А сестру оставил. Через неделю на поминки приехала ее свекровь и забрала Лайли.

Через некоторое время после смерти отца, Башарат вышла замуж за Калыбая. Его бывшая жена, когда он был на фронте, бросив сына, ушла с кем-то.

Я остался один. Надо было пойти жить к одной из сестер. Но, к кому пойду умолять? Ничего нет хуже, когда ты смотришь на чужой казан и заглядываешь в чужую дверь. Это мне давно надоело.

Думал, думал и пошел к Ниязу. Они приняли меня тепло. Особенно радовался Нияз. И мать его так была добра ко мне, что предлагала разные блюда.

- Хороший человек был твой отец,- говорит она. - Добрым и вежливым был. Одинаково уважал и старшего, и младшего, выполнял желания всех. Все умел делать. А как он пел?! О-о, в наших краях никто не мог сравниться с ним. Он песни лил как дожди.

Немного помолчала и продолжила разговор.

- У него был красивый голос. Слушатели плакали и на комузе здорово играл. Не помню год, но отец Нияза еще не ушел на войну.

отце расскажу и знакомым и незнакомым, буду прославлять, кричать всему миру! И пусть и они учатся любить жизнь, уважать хлеб и помнят прошлое!»

Прошел месяц. Чтобы забрать меня приходили близкие и дальние родственники – Апсамат, Калыбай, Карачач. Я отказался жить у них. Моя цель была детский дом, о котором был наслышан. Надо подождать старшего брата Нияза. Он живет в соседнем Пахта-Абадском районе Узбекистана. Работает грузчиком на заводе по переработке хлопка. Однажды он хотел увезти меня, говорил, что устроит в детдом.

Наконец, настал долгожданный день. Поздней осенью я со старшим братом Нияза Жолборсом отправился в город. Что ждет меня впереди? Неизвестно?! Дороги-то не кончаются!

До свидания, дальние и близкие родственники!

В ПУТИ

1. Первый день

Из Андижана отправились поездом ночью и к семи часам утра мы уже были в районном центре. Оставив теплое купе, с шумом, вышли на улицу.

- Это и есть город Шарихан?
- Кто его знает? Нам-то все равно.
- Правильно. По мне хоть в Бухару отвезут!
- А в Ташкент не хочешь?

Так переговариваясь, весело смеясь, толкая друг друга, спустились по ступенькам, видимо, только что перестал снег, который шел всю ночь, но было холодно. Холодный ветер сразу же пронзил нас сквозь легкую одежду, волосы встали дыбом. Нас пятеро мальчишек. Все собрались на одном месте. Мы, втянув головы в воротники, пряча руки в рукава, старались спастись от холода. Стучали ногами, а когда и это не помогало, прыгали и бегали.

До сих пор нет нашего сопровождающего. Наконец он вышел из купе, весь покрасневший, тяжело дыша. Был он в короткой дубленке, ворот поднят. Борода была в седицах, все лицо в морщинах, сердитый. Он не спеша подошел к нам и своим косым взглядом рассматривал каждого из нас.

- Ну что смотрите, замерзли, что? - сказал он, - Идиоты! А ну, за мной! - Он пошел впереди, а мы за ним. Мы шли по свежему снегу, по которому еще никто не ходил. В лицо дул сильный ветер, пронзая все тело. Носы мы прятали от холода рукавом. Теплый воздух, исходивший изо рта, согревал лицо, а на ресницах замерзли слезы. Ноги уже ничего не чувствовали. Наш сопровождающий даже не смотрел в нашу сторону, лишь изредка машал рукой, как будто говорил, идите быстрее. Шли долго. Нам теперь было все равно, мы не чувствовали ни холода, ни тепла.

- Стойте! - сказал вдруг сопровождающий. Остановившись, сам долго кашлял.

- Собачий холод, умереть можно. Заходите сюда! - показал он на «П» образное здание.

Это был детский дом. Мы зашли в кабинет директора. Нас встретил круглолицый, с румянцем на щеках, высокий человек в военной форме.

- Заходите, садитесь? - сказал он быстро. - А, детишки замерзли! Сядьте ближе к печке.

Мы стряхнули снег и протянули к огню онемевшие руки, растерли лица и уши. Сразу по телу пробежали мурашки. Пришлось снять ботинки.

- Ну, рассказывайте! - сказал директор нашему сопровождающему.

- Прибыли из Андиганского городского детприемника. Так развожу по детским домам попавших к нам детей. Двое останутся у вас, а двоих повезу в Кувинский район.

- Я обещал принять только одного!

- Я ничего не знаю! - пожал плечами тот.

- Раньше мы приняли от вас троих, теперь еще

двое... ОБЛОНО не дает достаточно одежды и питания. Все на счету. Вот сейчас дадим завтрак, чтобы накормить этих четверых будем вынуждены уменьшить нормы другим. И так даем немного: утром два куска хлеба, по стакану сладкого чая. Попробуйте уменьшить, будет весело. Всю кухню перевернут. Не знаю, конечно, как у вас, а у нас так. Понятно?

- М...м...да, а что вы предлагаете?

- Раз привезли, оставьте двоих. Но как вернетесь, об этом доложите в ОБЛОНО.

- Хорошо. Теперь и в соседнем районе, наверное, будет так же?

- А как же... Директор встал, и взяв руки за спину, стал ходить по кабинету.

- Ну что, мальчишки, согрелись? - идите к столу теперь! Сначала записал азербайджанца Махмуда Безирова. Очередь дошла и до меня:

- Как фамилия?

- Токтосунов.

- Имя?

- Тыныбек.

- Откуда будешь?

- Из Киргизии.

- Что-о? - директор аж соскочил с места. Отложив ручку, стал рассматривать меня.

- Как ты попал сюда?

- Просто так.

- Как это просто так? Отвечай нормально? - вмешался наш сопровождающий.- Они такие. Им делаешь добро, а они...

- Вы подождите, - сказал ему директор, махнув рукой, и продолжал.

- Если не ответишь нормально - не примем.

- Наше село недалеко от Узбекистана.

- Это не причина. Как ты попал в Андижан?

- Я обокрал дом человека, который приютил меня.

- Один?

- Да.

- Что ты украл-то?

- Галоши.

- Еще?

- Потом... Приехал в Андижан. Хотел продать, а тут меня и поймали.

- Значит ты вор? Нам такие не нужны, не прием!

- Нет-нет? Больше не буду! Простите! Я никогда не воровал. Поверьте!

- А почему украл галоши?

- За то, что хозяин бил меня.

- Отомстил, значит?

Я промолчал.

Тогда договоримся так. Хорошо, я тебя проверю, пусть это будет твоим первым и последним обещанием, если нарушишь порядок...

- Выгоните тогда! - вмешался толстяк.

- Выгоним, выгоним! - поддержал его директор.

Я заплакал, видимо, этого никто не ожидал. Директор вскочил и подошел ко мне, и стал утешать:

- Такой большей, а плачешь! Перестань! Не выгоним! Шучу, лишь бы хорошо вел себя. В каком классе будешь учиться?

- В четвертом.

- На каком языке?

- На киргизском.

- Гм...да...- Директор задумался. - Ну, ничего, что-нибудь придумаем. Он нажал на кнопку. В кабинет заглянула пожилая женщина.

- Что скажешь Михаил Васильевич?

- Позовите Анну Васильевну.

Вскоре вошла худощавая беленькая женщина среднего роста и поздоровалась со всеми.

Вот этот мальчик будет у вас, - сказал директор, показывая на меня. - На каком языке хочет, на том и пусть учится.

- Как?

- Он по национальности киргиз, - вмешался толстяк.

- А-а, - посмотрела на меня воспитательница, - Не поняла?

- Потом поговорите об этом, - сказал сопровождающий, зевая. - Я должен возвращаться?

- Идем! - сказала Анна Васильевна, взяв меня за руку. - Сейчас как раз ребята идут завтракать.

- Подождите, Аннушка! И этих двоих возьмите с собой и покормите! Они скоро поедут в Кувинский район. Холодно им будет в пути.

- А этого, - он показал на Махмуда, - сдайте Вере Филлиповне, в ее группе будет.

- Хорошо, идемте, ребята?- Анна Васильевна повела нас на улицу.

- Спасибо, Михаил Васильевич. - сказал я, оставившись возле двери.

- О-о?.. - рассмеялся директор. - Ну, иди? - Потом обратился к толстяку. - Не хотите ли поесть? Пойдемте к нам домой, здесь же в здании.

- Как тебя звать? - спросила новая воспитательница на татарском языке, когда мы вышли из кабинета.

- Тыныбек.

- Тыныбек?- повторила она- Хорошее имя. Но, ты не против, если мы тебя будем называть Толиком?

- Нет.

- А мое имя Анна, Анна Васильевна Бегишева?- Я промолчал. К столовой мы шли по коридору. Детдомовцы уже позавтракали Мы с воспитательницей сели за стол. Нам принес покушать пухленький мальчик-узбек с большими глазами.

- Ты сегодня дежуришь, да?- спросила его воспитательница.

- Да.

- Ты же недавно дежурил?

- Заболел Хакимов. Пришлось заменить его.

- Это хорошо, но смотри, ты сделал домашнее задание?

- Да.

- У них другая группа, - сказала Анна, открывая дверь с цифрой «8», - это твоё общежитие.

Вошли в комнату. Там, возле стен было пять-шесть кроватей. Посередине письменный стол. Дети сидели вокруг стола и что-то делали. Увидев воспитательницу, все вскочили.

- Здравствуйте!

- Здравствуйте! - сказала Анна Васильевна и познакомила меня с ребятами, потом подходила к каждому и проверяла, кто что делает, проверила и чистоту в комнате. Мне показала на кровать возле зеркала, висящего в глубине комнаты. Вот твоё койка. Потом дадим тумбочку. - Она, кусая нижнюю губу, рукой дотронулась до лба, как будто что-то вспомнив. Потом поспешила на улицу, ссылаясь на срочную работу, о которой чуть не забыла.

Ребята сразу же окружили меня. Мальчик со свисающими губами, большими ушами, с рябым лицом, засунув обе руки в карманы, подошел ко мне неспеша. Кажется, что глаза его вот-вот выйдут из орбит. Ничего не понимая, я стоял и смотрел на него. В комнате воцарилась тишина. Все, затаив дыхание, смотрели на нас. Тот вынул из кармана правую руку, хрустя толстыми пальцами, потрогал свои губы. В это время я заметил кольцо на его безымянном пальце. Мальчик облизнул его языком и вытер рукавом. И по возрасту, и по росту он был старше и выше меня.

- Добро пожаловать, дорогой гость! Давай познакомимся тогда? - Он сжал кулак и показал мне его. - Ну как он? - Все расмеялись. Я стоял и смотрел под ноги. Это не был ни страх, ни стеснение. Не знаю отчего, но я покраснел, пожал плечами и смотрел на пальцы ног. Тот, приподняв подбородок, посмотрел косо на меня и сказал:

- Из какого детдома?

- Из Андижана.

- Сколько лет ты жил там?

- Месяц!

Опять все расмеялись. «Почему они смеются?» - думал я, раздражаясь. Я же отвечаю честно. Ведь в детприемнике больше месяца не держат.

- Беглец! - мальчик неожиданно ударил меня по лицу. Я упал. Подошли еще двое или трое и начали пинать. Вдруг открылась дверь, ребята быстро встали со своих мест.

- Что здесь происходит? - Я узнал голос Ахмеджана. Поднял голову, вытер рот, который был весь в крови.

- Толик?! - Ахмеджан подбежал ко мне, присел. - Что с тобой? Кто-то бил? Скажи, кто это? - Я покачал головой.

- Не бойся, скажи сейчас же! - сказал он грозно. - Я ему покажу, как бить! - Ахмеджан сжав кулак, вытаращил глаза.

- Он беглец! - сказал мальчик, ударивший меня, нарушив тишину. - Разве ты не знаешь, что мы так встречаем новичков?

- Да ничего с ним не случится, привыкнет постепенно!

- Он еще совсем птенец! И одного удара не выдержал. - Так галдели мальчики.

- Замолчите! А ну, кто бил - выйди вперед! Иначе... - Мальчики посмотрели друг на друга.

- Я! - сказал тот мальчик. - Что ты сделаешь? Вот я бил!

- А, Ежик! Несчастный борец, я знал, что ты так сделаешь. Настоящий беглец это ты! В каких только детских домах ты не был! Вот тебе! - Ахмеджан ударил его по животу. Он двумя руками взявшись за живот, согнувшись, упал. Ахмеджан поднял его за воротник и еще раз ударил в подбородок. Ежик пластом упал на пол.

- Положите его! - сказал Ахмеджан, выпрямившись и поправляя свою одежду. Затем посмотрел в зеркало и вышел.

Это история меня очень огорчила. Мне стало одиноко. Настроение упало. Мне было плохо, злил-

ся, хотелось плакать! Я скрипел зубами и моя кровь кипела от злости! Не зная, что делать, я вышел на улицу. Я умылся и ходил туда-сюда по улице, стараясь забыть все это. Так и сделал. За дорогой был сад и я пошел туда. Ветки деревьев гнулись от снега. Я делал снежки и бросал их, но это мне никак не помогало.

«Сейчас пойду и дам сдачу, я ему покажу! Что попадет под руку, тем и буду бить!» - думал я от злости. В комнате никого не было. Наверное они ушли в школу. Я разделся и лег, укрыв голову одеялом, горько зарыдал. Вспомнил родной дом, родителей, братьев. Еще громче плакал! В конце концов устал, и, оказывается, уснул. Так прошел первый день в детском доме.

2. Мария

- Толик! - сказал Ахмеджан, когда мы возвращались с утренней физзарядки. Пойдем, побегаем по свежему воздуху. Знаешь, укрепим здоровье, никакая болезнь не пристанет.

Я согласился. Долго бегали, кидали друг в друга снежки.

- Хватит, а теперь давай умываться! - Ахмеджан стал снегом натирать лицо и шею. Я, вздрагивая, смотрел на него. Вдруг он взялся за мои руки. В это время девочка наших лет, в спортивной форме выбежала из зала.

- Алики! - крикнула она издали. - Догони меня!

- Мария! Подожди, иди сюда!

- Что, помочь тебе? - сказала она, подойдя близко. - Бойтся? - Надо чтобы он привык. Она взяла снег и стала растирать мое лицо и шею.

- Все, все, оставьте меня, я сам! - сказал я, умоляя. Но они продолжали бросать в меня снег. Поиграв со снегом, стряхнув снег с одежды, мы все трое направились в комнаты.

- Мария, познакомься, он приехал к нам вчера, - сказал Ахмеджан, показывая на меня. - Он из ваших краев.

- Правда? - не скрыла она свою радость, и обняла меня за шею. Большие добрые глаза на меня смотрели тепло. Модан, Модан Давузова! - сказала она, протягивая руку. - Здесь все зовут меня Марией.

Я назвал свое имя и фамилию.

- Ты и вправду приехал из Фрунзе?

- Нет. Из Оша!

- А я из Фрунзе. Сначала была в Ташкенте, потом отправили сюда. Я уже давно здесь. Сейчас учусь в 5 классе. А ты?

- В четвертом.

- Ой, Алик, как хорошо, а?

- Почему?

Тут мы дошли до столовой, каждый сел за свой стол. Во время завтрака я спросил у Алика:

- Мария киргизка?

- Нет, она дунганка.

- Дунганка? Да не шути ты!

- Говори поменьше и ешь! - Алик рассердился. Только теперь я узнал, что он быстро сердится.

- Так похожа? Просто нельзя отличить, - сказал тихо.

- На кого? На твою сестру? - Алик убрал ложку, которую уже подносил ко рту и смотрел на меня с рассеянной улыбкой.

- Не-ет, на киргизку похожа.

- М...м...да ты ешь быстрее! Опаздываем!

- Куда?

- Сегодня же воскресенье. Поедем в горы кататься на лыжах.

- Только вдвоем?

- С группой.

- Я-то не умею кататься...

- Научишься!

3. Дома у Анны

Я один возвращался из школы. Навстречу шел Ежик. Без головного убора, в старой фуфайке, в рваных сапогах. Так замерз, что посинел. Я слышал, что он свою одежду продал. Но не верил, что его исключат из школы. Со мной он не разговаривал.

- Толик! - сказал он, опустив голову. - Ты наверное обиду затаил. Тогда я неправильно поступил, прости!

- Вообще-то я уже забыл об этом. И все же не подал виду и сказал:

- Да, я должен отомстить тебе! Если хочешь, назначим время.

Ежик оглянулся вокруг, и прыгнув высоко, сломал ветку ели. Я приготовился защищаться.

- На, держи! - закричал он. - Бей, бей меня! Поверь, не буду сопротивляться! - Сказав так, он всхлипнул. Потом добавил:

- Меня хотят выгнать отсюда. Скоро будет общее собрание. Тогда и решится моя судьба.

- Зачем продал одежду?

- Никому не скажешь? - сказал он, успокоившись.

- Ни слова!

- Проиграл в карты, надо было платить...

- Ежик, слушай.

- Не Ежик, а Юра!

- Как?

- Не знаю.

- А-а, понятно, значит... - я засмеялся.

- Брось ты их, пусть говорят!

- Юра, если тебя оставят, не повторишь больше?

- Нет! Правду говорю, Толик поверь! - Он бил себя в грудь, клялся, умолял. - Толик, тебя все любят! Тебя слушаются. Помоги мне! Эту твою помощь я буду помнить всю жизнь.

- Хорошо, попробую! - сказал я, застегивая пальто. - Юра, мы уже замерзли, пошли назад. Пойдешь?

- Нет, сейчас, это ...пойду к тем ребятам, с которыми играл в карты и потребую назад свою одежду.

- Дурак ты, кто теперь отдаст?

- Не отдадут, буду драться с ними!

- Ну, это твое дело, - я пошел дальше. Перейдя на другую сторону улицы, оглянулся. Юра так и стоял на том месте, опустив голову.

В комнате был Алик. Сложив книги на стол, он рисовал.

- Пришел? - сказал он, не поднимая головы.

- Никак не могу закончить этот портрет. Уже месяц рисую. И краски трудно найти. Смотри, похож?

- Кто это? Николай Островский, что ли? Похож!
- Но моя цель была не рисунок оценивать. Встреча с Юрой, воспоминание о том случае не давали мне покоя.

- Алик! - сказал я, усевшись рядом с ним. - Послушай меня.

- Что случилось? - он продолжал рисовать.

- Отложи немного.

- Говори! - сказал он неохотно.

- Алик, почему тогда меня били, называя меня беглецом?

- Бродяг, кочующих из одного детдома в другой, принимают так.

- Но я-то не убегал.

- Все равно.

- Как?

- Вот так!

- Скажи причину все же?

- Никто не любит новеньких. Потом и сам привыкнешь.

- Это нехорошо!

Алик, бросив рисовать, положил руку на мое плечо. Видимо, у него такая привычка. Всегда перед тем, как сообщить что-то важное делает так.

- Толик, ты еще не забыл, что ли старую обиду? Это нехорошо. Знаешь, тогда ребята не поняли тебя. Думали, как и другие, ты сбежал откуда-то.

- Бьют даже, не разобравшись?

- Ну и что, если били? Что-нибудь случилось с тобой? Ты кажется обидчивый, да мстительный?

- Нет, так не думай. Просто спросил, - я встал и стал ходить по комнате.

Хотел с ним посоветоваться насчет трудного положения Юры, но не стал говорить об этом.

«Что он может сделать, бесполезно» - думал я. И тут открылась дверь и вошла Анна Васильевна. Она была не в духе. Глаза опухшие. Бледная. Два три дня мы ее вообще не видели.

- Ну как вы живете? - сказала она, оглядывая комнату.

- Хорошо, Анна Васильевна! - Алик стал собирать кисти. Воспитательница стала проверять чистоту коек.

- Надо заменить простыни. Сегодня какой день?

- Четверг.

- А почему не заменили?

- Ждем дежурного.

- Кто он?

- Коновалов.

- Он исправил свою «двойку»?

- Да.

- А как ваша успеваемость?

- В группе нет двоечников.

- Сегодня я получил «пятерку» по узбекской литературе! - сказал я, не сдержав радость.

- Молодец, Толик! А как с русским языком?

- До сих пор не различает род, - сказал Алик, махнув рукой.

- А ты не помогаешь?

- Да помогаю, но он только художественные книги читает.

- Ничего, научится. Книги на русском языке читай громко, тренируй речь, научись, - сказала

она, подойдя ко мне и посмотрела на воротник моей рубашки.

- Грязный уже, - сказала она.

- Сегодня все поменяем, Анна Васильевна!

- Хорошо, я пошла! - Воспитательница направилась к двери. - К моему возвращению сделайте все. Толик, иди сюда!

Я ничего не понял и пожал плечами, затем пошел за ней. На улице она сказала:

- Я купила немного муки. Помоги донести до дома.

Возле дверей нас ждала горбатая старуха с палкой. Около нее стоял мешок с мукой. Я прикинул, 10-15 килограммов будет.

- Это моя мама, - сказала Анна Васильевна, помогая мне поднять мешок. Старуха часто просила передохнуть и пока дошли, я отдохнул пять-шесть раз. Вот и дом. Маленький низенький домик, с камышовой стропилой. Вошли вовнутрь. Комната была тесной, темной и холодной. И никаких-то вещей я не заметил. Мешок я поставил на доску, как сказала старуха.

- Бедный ты мой, устал, наверное, сядь, отдохни! - Старуха говорила по-татарски. Прислонив палку к стене, прилегла на кровать.

- Ох, спина! - Потом с охрипшим голосом позвала дочь, которая осталась на улице.

- Аннушка, истопи печь! Утром топили, но пока мы сходили на базар уже похолодало.

Я не обращая внимания на слова старухи, оглядывал комнату и думал: «Анна Васильевна одна из счастливых людей. А как же, всегда она такая веселая, жизнерадостная, хорошо одета. Кто бы мог подумать, что она живет так плохо. Смотри, какая бедная, невзрачная комната у них. К тому же сегодня она нерадостная, почему-то? Или взрослые бывают такими? Скрывает что-то?»

Я стал замерзать, а Анна до сих пор не заходила. Захотелось выйти на улицу.

- Я сейчас, бабушка! - сказал я, поднимаясь.

Надев шапку, вышел. Воспитательница ходила на другом конце двора. Подбежал к ней. Она не могла вытащить из-под снега большой чурбан. Иногда своим дыханием греет промерзшие руки. Черная шерстяная шаль упала на плечи. Густые черные волосы растрепаны, и когда она делает резкие движения, волосы напоминают нежные ветки плакущей ивы. Я, молча взялся за один конец чурбана. Вдвоем удалось вытащить. Я сбросил шапку и фуфайку, и стал колотить чурбан. Анна набирала в тазик, мелкий как земля уголь, помешала с водой и вошла в дом. До сих пор она не проронила ни слова, и уже не смотрела в мою сторону. Я стал колотить наиболее слабые места чурбана.

«Были бы Алик и Юра, показали бы этому чурбану» - подумал я, бросая дрова возле печи.

Дома быстро потеплело. Анна поставила на стол чайник. Воспитательница укуталась в черную шаль, смотрела себе под ноги и молчала. Старуха, закрывая глаза, о чем-то шептала. Я ничего не понимаю и смотрю то на женщину, то на старуху. Через некоторое время обе подняли вверх раскрытые ладони.

- Оомийн!

И я сделал так же. Оказывается, старуха читала молитву. Но я не знал, кого они поминали.

- Вот он мой сын, Рашид! - сказала старуха, показав на портрет, висевший в глубине комнаты. - В девятнадцать лет ушел на фронт.

- Она не успела договорить, а Анна, упав на стол, зарыдала. Старуха продолжала:

- Вот уже третий день, как пришла похоронка. А это моя сноха. По-национальности - русская. Люблю как свою дочь. Теперь кроме нее у меня никого нет. В этом году ей только исполняется восемнадцать. О, аллах, труднее молодым! Я-то ладно, мне уже семьдесят лет, лучше бы умерла я. - Старуха вздохнула, и стала искать свою палку.

- Куда вы?

- Выйду на улицу, душно стало. Проклятый дом, так темно в нем. У-у, спина!

Кушать не хотелось, встал.

- Я пойду Анна Васильевна! - Воспитательница подняла голову и кончиком платка вытерла слезы.

- Толик, вот так и живем мы, не обижайся, ладно?

- Понимаю, Анна Васильевна!

- Ну, иди! Даже чаю не попил!

- Спасибо, я выпил!

Я пришел общежитие в подавленном настроении. Все тело как свинец стало тяжелым, хотелось завалиться. Ребята после обеда собирались на прогулку.

- Где ты был? Ты же опоздал на ужин, беги! - закричали ребята.

- Сегодня состоится концерт кружка художественной самодеятельности. Потом организуем танцы. Вот так, парень, так что поешь хорошенько!

- Спасибо! Есть не хочется, - сказал я, раздевшись, и лег спать.

- Ты болен? - спросил, подойдя ко мне, Алик, и пощупал лоб.

- Оставь меня в покое! - закричал я раздраженно. Отвернулся и закрыл голову одеялом.

Так я пролежал до вечера, я действительно заболел. Меня отвезли в больницу. Всю ночь горело все тело, не мог спать, бредил. Только под утро уснул. Проснувшись, на тумбочке увидел разноцветные лекарства. Было среди них и письмо. Взял и начал читать:

«Толик, как твое здоровье? Мы - Анна Васильевна, Алик, Махмуд приходили к тебе утром. Нам сказали, что ты спишь. Знаешь Толя, вечером мы дали большой концерт. Потом были танцы. Все прошло очень хорошо. Я исполнила несколько номеров. Когда я пела, искала тебя среди зрителей. Я не знала, что ты заболел. Эх, если бы ты видел, как я

пела, ты бы обрадовался. Зрители долго аплодировали, вызывая на «бис». Михаил Васильевич вызвал меня после концерта:

- Ты станешь хорошей артисткой, - сказал он.

Еще одна новость. Мне сшили новое платье. Оно так идет мне, так нравится, хочется петь и днем, и ночью. Все девочки смотрят с завистью. Клава даже обиделась и сказала, что больше не будет участвовать в художественной самодеятельности. А я постараюсь петь еще лучше. Пусть завидуют. Ой, Толенька, ты даже не знаешь, как я сейчас радуюсь. Как выйдешь из больницы, научу тебя петь и танцевать. Поверь мне! Мы еще придем. Что тебе принести? До свидания, скорее выздоравливай! Мария».

Спрятав письмо под подушку, положив руку под голову, я смотрел в потолок. Я увидел грустную женщину, которая, дуя на холодные руки, посинев от холода, старалась вытащить чурбан из-под снега. Вспомнил и то, как она упала на стол, и плакала. У меня пересохло в горле, из глаз потекли слезы.

«Зачем пошел к ним? Взяли бы они Алика или кого-нибудь другого» - думал я, жалея ее.

Закрыв глаза, я боролся с беспорядочными мыслями.

Прошло три-четыре дня. Теперь мне стало лучше. Я ходил по палате и даже по коридору. С каждым днем аппетит становился лучше, и я стал больше есть, читаю книги, пишу, гуляю по двору.

Вечернее время. Сидя у окна читал «Тимур и его команду». Кто-то постучал по окну. Посмотрев в окно, я увидел Марию. Она показывала рукой, чтобы я вышел к ней. Закрыв книгу, я побежал на улицу.

- Как твое здоровье, Толя? Как чувствуешь себя? - загалдели ребята. Пришли все ребята из нашей комнаты.

- Спасибо! Спасибо вам! - Мы обнялись с ними. Подальше от нас, улыбаясь, стояла воспитательница.

ничего не изменится, отправим в детскую колонию. А по-моему, это неправильно. Хоть бы Ежик понял это. Кстати, сегодня вечером покажем комедию Фон-визина «Недоросль». Главную роль исполняю я. Других новостей нет! Мария».

Прошел месяц. Я выписался из больницы. Поскольку пропустил много уроков, пришлось усиленно заниматься. С помощью Алика, учителей я догнал своих одноклассников.

4. В дороге

Прошло два месяца. Наступила весна. Я написал заявление, чтобы меня отправили в Киргизию. Зачем написал, сам не знаю. Наверное, помня мой конфликт с Юрой. А может я соскучился по родным местам? Короче, все время я думал об отъезде и никак не мог успокоиться.

Доставить меня до места назначения поручили Анне Васильевне. Сначала приехали в Ош. Зашли в ОБЛОНО, не оказалось места, и меня решили направить в Куршаб.

Идем по кривым, пыльным улочкам Оша. Наступал вечер. Тень Сулейман - горы уже накрывала город, ее вершина краснела от лучей садящегося солнца. На улице полно народу. Слышен топот лошадей.

Я иду за Анной Васильевной. Моя дорогая воспитательница.

- Толенька, родной. Не хочу расставаться с тобой, - говорит она, вытирая слезы.

Этот ее поступок мне показался ребячеством. Мне вспомнился характер бесхитростных детей, которые вдруг поругавшись, быстро забывали об этом и обратно начинали играть друг с другом. Ее стало жалко. На душе потеплело от доброты воспитательницы. Так бывает, когда споткнувшись о камень на дороге, упадешь и тогда отец или мать, под-

бежав, поднимают тебя, ласкают, обнимая, целуют ушибленную ногу, а ты плачешь еще сильнее.

Как хорошо, когда есть человек, который готов защищать тебя, опора твоя! Порою, мы не ценим таких людей и только со временем оцениваем их.

Мне захотелось броситься в объятия Анны Васильевны, прижаться к ее груди. Ведь я не до конца узнал материнскую ласку, ее доброту. Где ты, мама?! Так уж устроен человек: о матери вспоминает лишь тогда, когда сталкивается с трудностями, бедой, когда остается одиноким, когда его покидают силы.

И старается приблизить далекий образ матери и увидеть ее. О, мама! Ты оставила меня в этой жизни, а сама ушла, не оглянувшись. А я замерзал в холоде, горел от жара, бывал голоден, бродяжничал, где попало. Но ты не виновата в этом.

В жизни ты вела свое хозяйство, заботилась о своих детях, работала не хуже других, была доброй и отзывчивой. В нашем селе таких женщин было немало. Теперь наши судьбы похожи.

- Толенька, родной! Что с тобой? Почему побледнел? Тебе плохо?

Анна Васильевна крепко обняла меня, я понял, что предался думам и забыл где я нахожусь.

- Толенька, милый мой, бедный мой!

Мы оба плакали. Нам никто не мешал. Успокоившись, Анна встала с места и взяла меня за руку:

- Пошли дальше, уже ночь наступила. Сегодня видимо никуда не сможем уехать. Где же будем ночевать?

Я вспомнил, как шел в Ак-Баш, к старшей сестре и по пути ночевал в дупле огромной ивы. Тогда я был один. Сейчас-то чего бояться? Город, кругом люди. Рядом – воспитательница. Я не очень-то беспокоюсь о ночлеге. Я думал совсем о другом:

- А что, если не поеду в Куршаб, далеко, и машины туда не едут. Обрато вернемся в Шахрихан. Примут, куда денутся. Скажем, что в дороге передумали.

Анна Васильевна ответила не сразу.

- Ну, давайте вернемся, - повторял я. - Сядем на поезд, и пока люди еще лягут спать, будем в Андижане. А оттуда рукой подать до Шахрихана, да и машины туда часто едут.

- Нет, сказала, повертев головой Анна. - Меня будут ругать. Поручение надо выполнить.

Мы дошли до небольшой площадки автостанции, река Ак-Бура, разделявшая город на две части грозно шумит. Машин не было ни на автостанции, ни на дороге.

Вдруг из-за поворота увидели свет фар одной машины. Она направлялась в сторону автостанции. Мы обрадовались. Побежали навстречу.

- Куда едите?

- А вы сами? - сказал шофер, обратно спросив нас.

- В Куршаб.

- Едет, едет, садитесь, - сказал человек на кузове, опередив шофера.

- Поехали. Но в ту ночь мы не доехали до места назначения. В Кара-Суу шофер вошел в столовую и долго не появлялся. Подойдя к машине, он спросил:

- Вы спите, - у него заплетался язык. - Сегодня ночуем здесь, поеду завтра. Мы поняли, что он пьян, ничего не сделаешь. Скрепя зубами, все замолчали. Хорошо еще кузов был накрытым, а то бы замерзли.

Выехали на рассвете. Когда подезжали к Отуз-Адырским холмам, заговорила Анна Васильевна.

- Толик, в этих горах бывают грибы, подснежники. Найду время и приеду как-нибудь.

- Правда?! Как хорошо было бы тогда? Знаете Анна Васильевна, можно взять с собой Модан?

Сказав это, я немного задумался и стал петь:

В горы придет весна,
Играть будем, собирая цветы,
Гоняться за бабочками,
Брызгать воду,
Идя вдоль Ак-Буры.

- Что ты спел? Где ты научился? - спросила она быстро.

- Свои песни.

- Гм...да, - она глубоко вздохнула и посмотрела вокруг. «Гоняясь за бабочками, соберем разные цветы!»

Анна Васильевна бормотала про себя и повторяла эти строчки. Она то бледнела, то краснела, губы ее дрожали. Как будто ей не хватало воздуха, она растегнула пуговицы костюма и сняла с головы платок. Потом вытянув шею, закрыв глаза, глубоко вздохнула. В таком положении она как ребенок, увидевший хороший сон, чуть заметно улыбнулась.

Я не знал, о чем она думала. Может быть о муже Рашиде, который погиб на войне?

- Толя, - сказала она, вдруг посмотрев на меня.
- Спой еще, спой родненький!

Моя воспитательница быстро встала со своего места и села рядом со мной.

- Эх, знала бы твой талант раньше! У тебя же прекрасный голос. А ну, я вся во внимании. Она прислонилась ко мне. Краем глаза посмотрел на нее, она улыбалась, лицо порозовело, а глаза горели. Раньше я не замечал у нее такое. Сейчас рядом со мной сидела не та спокойная и тихая воспитательница, а какая-то неизвестная мне женщина.

В эту весну всего-то
Мне будет одиннадцать.
Слезы не могу остановить
Все смотрю на Запад.
Потому что дорогого брата
Жду и тоскую по нему.
Будь ты проклят фашист,
Начавший эту войну!

Я долго пел. Ни разу не сбился, не остановился. Пел неторопливо и голос был не слишком высоким, и не слишком низким, пел на одной ноте и в одном ритме. Путники, засыпающие рядом с нами, подняли головы и стали прислушиваться. Я вновь стал

петь. Мне показалось, что моим песням не будет конца. К тому же меня вдохновило то, что все внимательно слушали меня.

Ведь не всегда сопутствует такой успех, не каждый добивается такого внимания. К тому же, я пел не те песни, которые читал в книгах и выучил, или же услышал у кого-то, а те, которые сочинил сам. Слушая об этом, я придавался радости и мечте. Не все из песен, спетых тогда, запомнилось мне. Но помню, что заканчивал этими строками.

Брат, который вдалеке,
Услышит ли мой зов?
Комуз, висевший на стене,
Возьмет ли в руки, вернувшись?
Врагов бы быстрее
Уничтожили совсем.

Как будто ждала окончания моей песни, остановилась машина. - Приехали! - сказал шофер, высунув голову из кабины.

5. Старик Чанай

- Сынок, как тебя зовут? - спросил кто-то сзади. Мы оба обернулись.

К нам подходил какой-то старик. Анна Васильевна как-то удивленно спросила его:

- Что вам нужно, аксакал? У вас есть к нам дело?

- Послушай меня, доченька. Сидя в машине, я понял ваше состояние. Этот мальчик - сирота, а ты везешь его в детдом. Это хорошо, но... знаешь, доченька, если ты не против, я хочу усыновить его. Поверь мне, я его обеспечу всем, буду заботиться как о родном сыне, буду одевать, кормить досыта. Мы живем только вдвоем со старухой. Единственный сын погиб на фронте. Разреши, дочка?

Анна Васильевна не знала как быть, смотрела то на старика, то на меня и долго молчала. Вновь заговорил старик. Теперь он обращался ко мне:

- Сынок, я заметил уже, что ты любишь играть на комузе и петь. У меня дома есть комуз. Висит на стене. Специально заказывал для своего сына. Сделан он из красного урюка, еще рука человеческая не коснулась его струн.

Старик всхлипнул, видя его, и я стал грустить. Если бы сейчас не было рядом воспитательницы, я бы не задумываясь, ушел бы с ним.

- Отец, он принадлежит государству. Я не могу отпустить его! — сказала, опустив голову Анна. - Я понимаю вас и если бы имела право, то отпустила бы его с вами.

- А если мальчи сам согласиться! - старик все еще не терял надежду

- Все равно нельзя.

- Почему?

- Этого мальчика я должна сдать в детдом.

- Не делай этого, дочка?

- Отец, я же вам объяснила. Вы живете здесь?

- Да, вот за этим базаром.

- Хорошо. Тогда сейчас мы пойдем в детский дом. Если успею, уеду сегодня, нет, то завтра. Потом вы поговорите с директором.

- Так можно сделать?

- Да. Зайдите к директору и спросите. Они не откажут вам.

- Хорошо, доченька, хорошо. Так и сделаю. Завтра же пойду.

Старик обрадовался. Забыв даже попрощаться с нами, торопливо пошел по дороге.

- Отец, подождите! - крикнула Анна Васильевна, махнув рукой. - Вы же не знаете имя и фамилию мальчика. Как вы его найдете завтра?

Старик вроде согласившись с ней, остановился и обернулся и сказал:

- Да, как тебя зовут?

- Тыныбек, Токтосунов Тыныбек!

- А меня зовут Чанаем, Чанай-садовником.

Старик это сказал, высоко подняв руку, с хорошим настроением.

- Завтра я обязательно приду.

6. Прощание

Анна Васильевна в тот день не смогла уехать. Вместе поужинали. Местная столовая нам показалась хуже, чем в моем бывшем детдоме. И комната меньше, и стульев было мало. Ученики ели в две-три смены. И готовят неважно. На ужин нам дали рисовую кашу с маслом, два кусочка черного хлеба и чай без сахара. Нас это не удовлетворило.

- Трудно будет тебе здесь, - сказала Анна, тяжело вздохнув, когда мы выходили из столовой. - Что поделаешь, придется терпеть, привыкнешь.

До общежития мы дошли вместе. Я всю дорогу молчал.

- Может немного пройдемся, Толя? Завтра утром я уеду. Вот теперь ты на родной земле. Нас не забывай, пиши нам письма. А насчет того старика как его, Чанай что ли, сам решай. Хочешь - иди, не хочешь - останься здесь, никто тебя не заставит. Но если пойдешь к нему, то, наверное, забудешь русский язык. Прошу тебя, Толенька, иди в русский класс, ладно?

Мы долго ходили и разговаривали. Меня охватило чувство какой-то тревоги. Думая о том, что завтра попрощаюсь с доброй и любимой воспитательницей, я вздрогнул. Что же делать? Уехать обратно? Нет, так нельзя. Теперь поздно, очень поздно. У меня упало настроение, устал.

- Анна Васильевна, - сказал я, глядя в темноте в ее глаза. Пойдем в общежитие? Она не ответила. Склонившись, поцеловала меня в лоб и пошла в общежитие девочек. Ее разместили там.

- Да, - сказала она, уже отойдя на определенное расстояние. Завтра будешь провожать меня?

- А-а! - протянул я, делая вид, что действительно забыл. А на самом деле я хорошо помнил все. Просто сейчас, когда провожал любимую воспитательницу не хотелось думать о нем. Мои мысли были совершенно о другом. «Почему у нее нет настроения? Неужели сожалеет о том, что пришлось совершить дальнейшее путешествие из-за меня. Наверное, я обидел ее каким-нибудь неосторожным поступком. Вчера, когда ехали пел, утром спал и заставил ее ждать, а больше чего я сделал такого?» Думал, думал, но ответа так и не нашел.

- Толя, почему молчишь? - Анна Васильевна резко обернулась ко мне, и даже не моргая, смотрела на меня. Я широко раскрыл глаза и стоял на месте как вкопанный.

- Толя, - сказала Анна, - я тебя люблю, очень люблю! Никогда никого не любила так, как тебя! Ты понимаешь? Возможно, больше никогда и никого не полюблю, как тебя!

Сказав эти слова, она выпустила меня из своих объятий и пошла прочь, не оглядываясь. - Дальше не провожай, - сказала она почти шепотом. Прощай!

Я не мог сдвинуться с места. Молча наблюдал за Анной. Она удалялась. Ни разу не обернулась. Захотелось побежать за ней. Успею ли? Нет, уже не успею. Машина стояла наготове. Уедет, пока я добегу. Лучше надо позвать её, услышит, наверное!

- Анна Васильевна! - Она чуть оглянулась назад. Я побежал, но вскоре, споткнувшись обо что-то, упал. Но и лежа, продолжал кричать - Анна Васильевна, Анна Васильевна!

Я долго всматривался в силуэт человека, который стал самым дорогим для меня, и который сейчас удаляется. Мне показалось, что мои глаза фотографируют её, чтобы навсегда сохранить память о ней в моем сердце.

Много лет прошло с тех пор. Но, когда я думаю о ней, об ее удалявшемся силуэте, тот грустный

- Разве воспитанники детских домов бывают такими? Почему ты такой застенчивый, как неживой? Если что-то не понимаешь - спроси, знаешь - расскажи другим. Ладно, в дальнейшем ты ко мне обращайся так - Аким Акбарович. понял? - Последние слова директор произнес с особой интонацией и громко. Потом поднялся со своего места и стал ходить по кабинету. Остановился в середине комнаты. Из нагрудного кармана вытащил расческу с изображением оленя и медленно расчесался.

Потом стал чистить ее ногтями, два-три раза подул и положил в карман. То ли старая его привычка, или так делал только сейчас, не знаю, но, он скрестив руки на груди, с какой-то неприятной улыбкой смотрел на нас. В таком положении он простоял некоторое время. Если старик Чанай не начал бы говорить, то эта неприятная тишина продолжалась бы еще долго.

- Сынок, ты меня выслушай внимательно. Вчера я приехал из Оша вместе с этим мальчиком. Он мне понравился. Хотел бы забрать его домой и усыновить, но молодая женщина, сопровождавшая его, не разрешила. Говорила, что без твоего разрешения нельзя. Поэтому и пришел сегодня к тебе. Что скажешь на это сынок?

- Значит так?- сказал Аким Акбарович, так же, не двигаясь с места. - Об этом надо подумать.

- А что там думать? Будет одет, сыт, обут, что еще надо? - перебил его Чанай.

- Вы так считаете? Нет, дело в другом. Хорошо, я разрешу, вы увозите его домой? Потом что будет? А если он украдет ваши домашние вещи и убежит куда-то? Кто будет отвечать за это, я? Конечно, так и получится, вы же сразу прибежите ко мне и скажете, что наш воспитанник обокрал вас. А что отвечу я? Не-ет! Выходок остальных воспитанников мне хватает.

Чанай аксакал, словно думая «все может быть», посмотрел на меня с подозрением. Я почему-то по-

чувствовал себя, как будто действительно украл что-то и попался, а сейчас являюсь обвиняемым. Со стыда я покраснел, все тело обожгло чем-то горячим, и я потупил взгляд. Директор продолжал говорить:

- К тому же, мы с вами не знаем его характер, поведение. Был бы сыном вашего близкого родственника или хорошего знакомого, тогда было бы по-другому. Вы же его видите впервые, правильно? Надо думать о его прошлом, о том, чтобы он стал вам настоящим сыном. Вы уверены в этом? Вот видите, на этот вопрос вы не можете ответить решительно. Значит...

- Нет-нет, не могу, выполнить вашу просьбу, аксакал!

Старик расстроился. Достав из кармана насвай, положил под язык. Чтобы поднять настроение аксакала Аким Акбарович быстро, сквозь улыбку сказал:

- Вам нужен только этот мальчик? Если хотите, найду другого. У нас много хороших ребят. Возьмите кого-то из них, чтобы потом и мне не было стыдно. Ну как, согласны?

- Нет, спасибо, сынок? - старик встал и собрался уходить.

- Подождите? - Директор подошел к нему. - Вы все еще не поняли? Тогда расскажу, вот посмотрите на них, - сказал он, показывая на тех четверых мальчишек. - Думаете, я вызвал их из-за того, что нечего мне делать и забавляюсь ими? Нет, совсем не так. Двое из них вчера пойманы на базаре, когда у кого-то стягивали кошелек. А те двое решили ограбить продуктовый склад детдома. Их отцы и братья под огнем воюют на фронте с врагами. А они занимаются таким делами.

Я не вытерпел и побежал к выходу. На пороге с кем-то столкнулся. Посмотрев, увидел, что это была моя воспитательница.

- Что ты тут делаешь? Куда бежишь? - сказала она.

Я не обратил на ее слова внимания и побежал в неизвестном направлении. Не знаю, сколько еще бежал по дороге, но заметил, что от села удалился довольно далеко. Я уже подходил к реке.

С берега посмотрел вдаль. Зеленая трава доходила до колен. Медленно склонившись, посмотрел на траву. Вот это да, росли розы! Откуда здесь растут розы?!

«Есть ли еще» - подумал я и стал искать вокруг. Нет, больше не было. Роса, упавшая на зеленые листики, блестела как ртуть и от легкого дуновения ветра падала на землю.

«Плачешь! - сказал про себя. - Наверное, она говорит: Не трогай меня, не протягивай руку ко мне! Хочу согреться солнечным лучом, хочу жить, пить дождевые капли, знаешь, хочу пить много, много!»

Кто-то подошел сзади и положил руку на плечо. Обернувшись, увидел Чанай аксакала, но ничего не сказал. Просто прижался к нему, как к своему отцу и положил голову на его грудь. Он крепко обнял меня.

- Во-он тот дом с садом, стоящий у того берега - наш, - сказал он, показывая рукой, увидел? Во дворе есть все плодовые деревья. Сейчас все подряд зацвели.

Мы, как отец и сын, взявшись за руки, пошли вверх по берегу.

Я вспоминал хлеб, степные розы и спешил к ним!...

*Перевела с кыргызского:
Кожокулова Чолпон Насымкуловна*

БОЛЬ МОЕГО СЕРДЦА (ЗЕЛЕНЫЙ МОСТ) (Повесть)

Жаркий летний день. Все живое старается укрыться в тени от нестерпимой жары. Этот год выдался каким-то знойным, засушливым и принес много вреда посевам, зелени, хлопку. Каждый год, в это самое время, шумливая речка Тентек-Сай, неся свои воды, ударяясь то в один, то в другой берег и грозно шумела. А в этом году она обомлела, то там, то здесь, выступают побелевшие камни, отошла далеко от берега, оголив высохшие пески. Окружности кажутся выгоревшей пустыней. Как на зло и дождя не было. Если на небе появлялась хоть маленькая тучка, старики смотрели на небо и говорили:

- Вот посмотрите, сегодня пойдет дождь! Ну, хоть бы полил. Хоть чуть-чуть.

Здесь в основном сеют хлопок. В августе хлопок начинает цвести, а некоторые коробочки даже начинают завязываться. Если в это время не полить хлопок, то это означает, что урожай будет низким. Вода сюда, в село Алмалу, приходит с трудом.

Отец работал мурабом, поэтому он не знал покоя ни днем, ни ночью. Взяв свой кетмень и усевшись на коня, уезжал на водораздел и пропадал там по несколько дней. Иногда он на два-три дня возвращался домой, чтобы отдохнуть, но и тогда ему не давали покоя. Заходил бригадир Аккозиев Нуркази и начинал так:

- Акматалы аке, вода снова перестала течь в арыках. Что же теперь будем делать? Видимо, вам надо возвращаться туда? Хлопчатник сохнет. Пожалуйста, сейчас же отправляйтесь туда. Пока к вам не пришем замену, не уходите оттуда. Видимо вода снова разнесла дамбу. Или кто-нибудь отвел

воду в другую сторону. Чтобы там ни было, вам надо туда возвратиться. Ваша постель там?

- Да, там. Я только вчера возвратился домой. Ну, хорошо, я сейчас оседлаю коня и отправлюсь туда, - безропотно отвечал отец и отправлялся назад. Действительно, быстрая, шумная речка частенько разрушала дамбу. Одному человеку не возможно было справиться с дамбой. Поэтому все мужчины села собирались вместе, рубили ветки и, погрузив их на подводы, отправлялись к дамбе. Течение воды у дамбы было стремительное. Вот с этой стихией боролись сельчане. Они вбивали сваи, связывали их толстыми железными прутьями, укладывали между ними ветки, потом придавливали их камнями. И только после этого течение воды направлялось в сторону села Алмалу.

Это временное сооружение называлось «селпая» (заграждение от паводков), но, оно не выдерживало долго. Через неделю снова начинались работы по сооружению новой дамбы. Эта картина повторялась из года в год.

Проходили дни, и каждый был занят своим повседневным делом. Несмотря на недостаток воды, люди жили мирным трудом, все было спокойно. Как было бы хорошо, если бы все было так. Но, в том то и дело, что эти мирные, спокойные дни моментально изменились. На плечи людей свалилась тяжелая ноша. Началась война! Потом вместе с другими мужчинами села Акматалы уехал на фронт. Не прошло и года после отъезда отца, как моя мать Алима, которая страдала сердечной болезнью, скончалась. Я у них был единственным сыном и вмиг стал сиротой. Меня усыновила наша односельчанка Бодош. Я пас ее корову. Каждый день я уводил корову на берег Тентек-Сая, что протекала на окраине нашего села, а к вечеру снова пригонял домой. К полудню жара становилась нестерпимой. А корова от жары просто балдела и убегала куда попало. А мне приходилось бегать по колючему полю, чтобы пригнать

ее к месту. Мои босые ноги горят от раскаленных камней, занозы мучают, и я мучаюсь до потери сознания. Приходится бежать за коровой километров шесть — семь, чтобы вернуть ее назад. Лицо мое сгорело на солнцепеке, язык, опухший от жары и жажды, еле вмещался во рту, а уставшие ноги отказывались двигаться. А к вечеру ободранные ногти ног начинают ныть, болеть всю душу выматывают. Не нахожу себе места, мучаюсь.

Если бы я не терпел эти боли, не стал бы ухаживать за красной с черными полосами коровой, то мне досталось бы от тети Бодош.

Бодош! Вот это имя я запомнил на всю жизнь. Их дом был на самой окраине села. Он был окружен высоким глиняным дувалом (стеной), с огромными деревянными воротами, а низенький домик с одним окном, выходившим на восток, был покрыт камышом. У них не было никаких отношений с соседями: они не ходили к ним, а те не заходили к ним. До самого вечера занимались своим хозяйством, вечером покормив корову, доили ее, пили молоко. На первый взгляд они, казалось, жили скромно. Но, на самом деле они жили куда лучше, чем односельчане. Может быть, поэтому они кормили меня? Я принимал участие во всех их домашних делах. Поэтому я знал в их жизни многое. Во дворе была единственная урючина. Под ней мне стелили постель, где я и спал. Весной, летом, до самой поздней осени я спал там, укрывшись старым, изодранным половиком. Мне под голову подушку не давали, а одеяла и в помине не было. К вечеру до того уставал, что мне было не до этой роскоши. Как только ложился, тут же засыпал. И спал до самого утра, не просыпаясь, будто сплю на роскошной мягкой постели. А потом, рано проснувшись, принимался за свое привычное дело. Убирал во дворе, выносил золу, мыл посуду, чистил котел. После этого убирал в коровнике, выносил навоз, в общем, отдохнуть было некогда.

Бодош вставала рано, повесив на шею ведро, подходила ко мне и своим змеиным жалающим голосом говорила:

- Ну что стоишь? Оторви теленка от коровы. Сейчас будем доить. Пока не наступила жара иди и попаси ее. Будто на жаркое опаздываешь, возвращаешься рано. Потом бьет по затылку:

- Ну, давай, пошевеливайся! Ты живой или мертвый? Даже на это у тебя не хватает силенок? Или руки отсохли? Он же все молоко высосал? Тяни его! А, чтоб ты сдох!

Но, теленок мне не поддавался. Он продолжал сосать вымя матери. У меня не хватает силенок оттянуть его, он больно бьет меня по ногам, что искры летят из моих глаз. Я изо всех сил стараюсь оттянуть его от матери, но, у меня ничего не выходит. Теленок упирается и я от досады, плачущим голосом говорю:

- У, чтоб ты сдох!

- Лучше ты сам сдохни! Еще молоко на губах не высохло, а уже ругаешься. Ты бы лучше свою работу хорошо выполнял! Жаль еды, которую мы тебе даем. Взяла тебя на свою голову! Лучше бы ты пропал!

Вот с такими скандалами мы заканчиваем дойку коровы. Полведра надоенного молока выливаю в котел и начинаю разжигать огонь.

- Хорошо прокипяти. Смотри, чтобы молоко не побежало из котла. Тогда ты у меня получишь, как следует. Огонь сильно не разжигай. Дрова подкладывай понемногу. Или у тебя много дров? Или ты их достаточно натаскал? — и начинает дергать меня за уши.

- Эй, что ты молчишь? Кому я говорю, а? Ты слышишь? Огонь сильно не разводи, вся копоть упадет в молоко. Крышку котла крепко закрыл? Ты, кажется, золу из очага не выскреб? Откуда там? Ты разве сделаешь, пока тебе не скажут? Посмотри, вся зола слежалась. Почему ты не делаешь то,

мне. Вот этим наполнив свой живот, потом хожу до самого вечера.

Было за полдень. Только недавно, не выдержав полуденную жару, спрятавшиеся в густой тени деревьев воробьи, только сейчас стали вылетать из укрытия, подлетали к бережку арыка, и, пугливо оглядываясь по сторонам, не отрывали своих глаз от воды. Если бы вокруг было бы спокойней, ох, с каким бы удовольствием они сейчас сунули бы головы в воду, обмочили крылья в воде и охладились бы. Они гнездились на высоком, обрывистом берегу Тентек-Сая. Их птенцы стали делать свои первые полеты и от этого их казалось слишком много. Сейчас туда трудно дойти, жара моментально сдерет кожу. Когда немного спадет жара, можно будет со своими друзьями Тажибаем, Ниязом, Сабыром поохотиться за птенцами воробьев. Сейчас мне хотелось этого. Сидя один под деревом я думал об этом. Корову и теленка привязал в тени. Сейчас у меня есть немного свободного времени. Хоть и есть у меня свободное время, но желудок пустой. А до ужина еще далеко. Ждать нелегко. Сейчас немного легче стало. Кукурузные початки налиты молочным соком. Можно потихоньку пробраться к кукурузному полю и набрать початков. Но, если Бодош узнает об этом, она с меня шкуру сдерет. А она дремать не будет. Об этом я хорошо знаю. А к другим мне не хочется лезть. Все ж таки свое поле - своя доля...

Встал и полез к кукурузному полю. Но, не получилось так, как я задумал. Прямо в мою сторону ехал бригадир Аккозиев Нуркази. Я отступил, поднял камушки и стал кидать их на деревья, где сидели воробьи. Они гурьбой взлетели вверх.

- А Медет, как дела? - сказал он подъехав ко мне, и , подавая руку. - Ну как, вырос? Давно с тобой не виделись. Как живешь? Хорошо?

- Хорошо, - сказал я, опустив глаза на землю.

- О-о, да ты совсем похудел? А что или у тебя где-нибудь болит?

- Не-ет. Я здоров.

- Тогда почему так истощен?

- Не знаю... — Дядя Нуркази взял меня за руку и повел в тень. Расстегнул пояс, постелил под себя, потом обращаясь ко мне сказал: - Ну, братишка, садись рядом со мной. Отдохнем немного. Дни стоят очень жаркие. Удивительно, и в прошлом году было так жарко. Бывали дни, когда мы, из-за воды вместе с твоим отцом, босиком ходили до самого Базар-Кургана. Строили дамбу. Вот та самая дамба, сейчас нам и помогает. Даже не шелохнется. Видимо, накрепко построили. Да, хорошим человеком был твой отец. Он и к старшим, и малым относился одинаково хорошо. Вот незаметно прошел и год. Он вам пишет?

- Не знаю...

- Да, - сказал он, опустив голову. — Ты не знаешь, да и откуда тебе знать? Сам то вон как живешь... Трудно, сейчас всем нам трудно. Но, ничего, победим врага, все это забудется. И твой отец вернется и снова начнется спокойная жизнь. Уничтожим врага — все будет хорошо. Скоро настанет и мой черед идти на войну.

После этого мы оба замолчали. Подул ветерок. Стало немного лучше. И все равно еще было жарко. Стоило выйти из под тени, как жар обдавал лицо, будто тебя опаливали чем-то коленым. Воробьи чирикают, все еще прячутся в тени и не решаются полететь в поле.

- Ну, я поехал, - сказал дядя Нуркази, поднимаясь с места. Пойду к людям. Сегодня нам необходимо пять гектаров хлопчатника очистить от сорняков. А завтра, должны перейти к тем девяти гектарам, - бригадир отряхнулся, снова подпоясался. Посмотрел в сторону работавших и сказал: - Хорошо, от души работают. Кажется они там сегодня закончат работу? Я утром просил их об этом. Песками занесло. Сил не хватает. Вся надежда только на женщин. Что же делать. Ничего и эти дни забудутся. Самое главное — это победить врага!

Я ничего не ответил. Дядя Нуркази немного отъехав, повернулся ко мне, почесал голову, а потом сказал:

- Медет, если тебе у них трудно, то скажи мне.

Я вместо ответа только кивнул головой. А потом, скрестив руки под головой, лег и уснул. Я проснулся от доносившихся голосов и поднял голову. Возле меня стояли тетя Турдубуш, мать Тажибая, и матушка Бодош. Я мигом соскочил.

- Ах, ты мой дорогой, милый ты мой! – с жалостью проговорила Бодош. – Отдыхаешь в тени? Ну это хорошо! Только нельзя оставаться одному в поле. Здесь водятся скорпионы, змеи. А потом можешь простудить спину на сырой земле. Что у тебя за кости. Они еще тонкие прутики. Больше так не делай.

“Смотри какая хитрая? Ах, ты лживая bestия. Это она передо мной хочет показать какая она добрая? – пробурчала про себя тетя Турдубуш.

- Сегодня ты хорошо пас корову. Видишь как набухло вымя, - продолжила свой разговор Бодош. – Значит сегодня надоим много молока! Молодец, сынок!

Они обе уселись в тени, и, опять засучив широкие рукава своих платьев, вздохнули “Уфф”.

- Ох, как жарко. Лето в этом году выдалось очень жарким.

Я не вымолвил ни слова. Взяв тростинку, пошел к корове, чтобы развязать ее и погнать в поле. Но, тут тетя Турдубуш сказала:

- Медет, подожди. Посиди-ка немного здесь. Еще рановато. Жара не спала. Почему не приходишь к нам? Совсем перестал к нам ходить. Поиграл бы с Тажибаем. Он часто спрашивает про тебя. Приходи, когда будешь свободным. Хорошо.

- Он дома?

- Был дома. Сегодня он на поле мне обед приносил. Только что ушел.

- Почему сегодня не пришел на обед? – перебила ее Бодош. – А я ждала, когда ты придешь. Сей-

час привяжи корову и иди домой, покушай. В прихожей есть свежая лепешка. Накроши в айран и покушай. Потом поиграй немного. А за коровой я сама присмотрю. Можешь не приходить. Хорошо? Понял? Так и делай.

Я обрадовался. Но, с другой стороны, я не верил своим ушам. Вот в таком двояком состоянии, я снова привязал корову к прежнему месту.

- Эй, Бодош, ты почаще посылай ребенка к нам, - сказала Турдубуш. - Ты, видимо, из своего двора не выпускаешь его, а заставляешь работать? Надо же пожалеть ребенка. Если бы не война, разве он унижался бы у тебя дома?

- Ну, зачем мне заставлять его работать? Ну какую работу может сделать этот маленький ребенок? Ну, сама подумай? Все делаю сама! Пускай идет в любой дом, разве я его держу? Его воля. Наоборот, сколько раз я ему говорила: - Иди поиграй с детьми, развлекись. Ну совсем не соглашается. Что мне делать? Если не веришь, спроси его, пусть сам скажет.

Однажды случилось так: Я с поля пришел с вязанкой дров. Бодош на ручной мельнице молола только что поджаренные зернышки кукурузы. Сразу запахло вкусным. Я даже облизнул свои пересохшие от голода губы. Я прислонился к вязанке дров, и, закрыв глаза сидел не шевелясь. Оказывается, старая заплатка на моих коленях распоролась от того, что я не в силах был поднять вязанку дров, ползал на коленях. Сейчас Бодош, увидив это, отставила в сторонку свою ручную мельницу, подошла ко мне и сказала:

- Чтобы тебе лопнуть! Ведь от твоих штанов ничего не осталось?! Надо ж беречь? Посмотри, что ты сделал с ними? До самого вечера только и знаешь бегать! Не напасешься на вас. Вы какое-то несчастное навождение! - стукнула меня по голове и приставила два пальца к моим глазам.

- И это все, что ты принес? Да это я одним мизинцем притащу! Твоя работа не стоит того, что ты

кушаешь и одеваешь! Я только вчера заштопала, а ты сегодня уже разодрал! Да ты бы лучше сдох! А теперь ходи так!

Все это слышал ее муж Айдош. Он сказал:

- Мать, не сердись. Ничего не случится. Говорят "бедность не порок". Как-нибудь вырастут. Будущая победа за нами. А еда, одежда черт с ними. Их можно приобрести. Лишь бы было здоровье. Вот кончится война...

- А ты помолчи! Кто ты такой, чтобы говорил? Смотри на него, хочет показать себя хорошим человеком! — оборвала его Бодош.

И без этого несчастный мучался тем, что ни дому, ни обществу от него нет пользы. По состоянию здоровья не мог. Этот несчастный Айдош до этого никогда не вмешивался в наши разговоры и взаимоотношения. Молча сидел дома. Это был первый случай, когда он вмешался в наши дела. Да и здесь его оборвали и оскорбили. Тем не менее, он очень сильно разозлился, и его трясло как в ознобе. Крепко сжав свою палку, он глубоко вздохнул. Его скулы сжались, руки тряслись.

А мы иногда забывали про него. Дома ли или нет дядя Айдош нас мало интересовало. Он никому ни хорошего, ни плохого не делал, нам не приходилось к нему обращаться, он ни в доме, ни на работе никаких дел решать не мог. Поэтому мы не обращали на него внимание. Его деятельность ограничивалась тем, что в доме есть мужчина. Это обижало дядю Айдоша. Он часто говорил "Вот, что значит быть униженным и оскорбленным". Но, он был очень добрым и честным человеком. Он был безвинным человеком. Его незаслуженно искалечили. Перед началом войны, как и все, он был здоровым человеком.

"Ничего, дети мои. Все равно вы счастливые, - говорил он иногда. - Придет время и вы станете здоровыми джигитами. И война закончится. Эти трудные времена тоже забудутся. Оставшиеся жи-

выми будут жить. Что может сравниться со здоровьем человека?! Эх, если бы я был прежним? В том, что мои глаза, когда-то горевшие как фонарь, ослепли виновата ваша проклятая матушка Бодош. Подождите, в конце концов мои страдания скажутся на ней. Еще как будет страдать.”

Но, причину своих мучений он нам до конца не раскрывал. По слуху, который шел по селу, это было так. Он мечтал иметь ребенка. Но, проходили годы, уходила молодость. Он начал беспокоиться, задумываться. Стал искать выход из создавшегося положения. Он захотел развестись с нерожавшей Бодош, окончательно освободиться от нее и жениться на другой женщине. Этот слух через кого-то доходит до Бодош. Бодош, конечно, взбесилась, разозлилась и начала следить за мужем. Наконец, ей удастся застать его разговаривающим с будущей женой.

Она набрасывается на них, начинает царапать лица и рвать волосы. Будущей жеңе удается вырваться из цепких рук Бодош и убежать. А Айдоша она пригнала домой и дело этим не закончилось. Дома она бьет Айдоша кирпичом по уху и он падает без сознания! Вот после этого он стал плохо видеть и в конце концов ослеп.

“Лучше бы я ушел на войну. Лучше бы я там ослеп... Тогда я ни о чем не сожалел бы”, - говорил он иногда с горечью. В разгар нашего скандала, вошел бригадир Аккозиев Нуркази:

- Здравствуйте, Бодош эже (эже – обращение к старшей женщине), - сказал он, как только вошел во двор. - Ну, как поживаете? Айдош аке жив-здоров? (аке – обращение к старшему мужчине) А где он?

- Земля проглотит его что ли? Вон там сидит насупившись. Хоть как мужчина помог бы в доме или на поле. Все приходится делать самой. Надоело.

- Что же теперь делать, эже? Сейчас не только вам, а нам всем трудно!

- Что, у тебя какое-то дело есть до нас? Говори, если сможем, поможем не откажемся.

- Особого дела и нет, просто заглянул узнать как поживаете. На поле работа в разгаре: провести окучку между рядами хлопка, очистить от сорняков, провести полив, одним словом, работы много.

- А это хорошо с твоей стороны, что зашел проведать старых людей.

- Да, Бодош, - кажется он решился сказать то, зачем пришел, и сразу стал серьезным. - Я давно хотел поговорить с вами, да все некогда. Как живет Медет? В конторе спрашивают о нем. Если ему трудно, то пошлем в детдом, говорят они. Как вы на это смотрите? Если у вас лучше, пусть живет или пошлем туда?

- Что ты еще хочешь сказать? Ты думаешь у меня нечего есть, что я не в состоянии прокормить маленького, как мышонок, ребенка? Ты думай, когда говоришь бригадир. Сыт, обут, одет, что еще ему нужно? Какое сейчас время, ты сам хорошо знаешь.

- Вы правы эже, я вот о чем хотел сказать. Вы слишком не браните, не упрекайте Медета. Он стал очень боязливым. Это вы его довели до этого. Только голова болтается на тонкой шее. Это не хорошо! Мы дали вам волю, а вы всякую границу приличия переходите. Мы вам не позволим издеваться над ребенком! Его отец защищает Родину, воюет с врагами! Вместо его отца есть, мы, люди! Вы слишком много не позволяйте себе! Отвечать будете! Мы молчали, думали, что вы сами поймете. Мы думали, что будет вам помошником к тому же у вас нет детей, поэтому его отдали вам. А вы как с ним обращаетесь? Хватит! Я сейчас уведу Медета. Сам прокормлю. Он увидит то, что и мои пятеро детей. Или отведу к тетушкам Турдубуш, Нышан. Они с удовольствием примут его. Они с сожалением говорят: "Как тяжело бедному мальчику". Или вы думаете, что всем селом не прокормим одного ребенка? В тяжелые дни мы станем на его защиту, станем ему опорой.

Бодош стояла раскрыв рот, выпучив глаза, и не знала, что сказать. Видимо, такого поворота дела, она не ожидала. До этого ни от кого не слышала, что говорят про меня. Поэтому она думала, что делает все правильно. “Кто, что мне скажет?” что бы там ни было это на нее сильно подействовало, это было для нее уроком. У нее появились мысли: “Оказывается, и него есть защитники?” У меня на душе стало легче. Как хлопчатнику в жаркие дни требуется вода, так и мне сейчас необходимы были подбадривающие, теплые слова.

- Пойдем, Медет, - сказал дядя Нуркази повысив голос. - Тут делать нечего, - пошли.

“На самом деле?” - Я стоял и не знал, что делать! То смотрел на матушку Бодош, то на дядю Нуркази. А растерянная Бодош подошла к мужу Айдошу, который сидел оперевшись к стене и сказала:

- Эй, скажи что-нибудь! Ведь ты же мужчина? Да уговори ты его.

Айдош кашлянул, опираясь на палку, встал с места:

- Нуркази! - сказал он - Постой! Выслушай меня хорошенько, а потом, делай что хочешь. Вот в каком состоянии я, сам видишь. Оба глаза не видят. Я слепой, нуждаюсь! Живой труп. Хоть об этом не забывай! Я много раз говорил Бодош, чтобы она не трогала ребенка. Она не послушалась меня. А теперь прости нас. Если этот ребенок уйдет от нас, нам будет плохо. У нас одна корова, которая кормит нас. А корову пасет Медет. Пусть он будет счастливым! Дай Бог, чтобы он в жизни плохого не видел! Если жив, то его отец Акматалы вернется с войны! Тогда я скажу ему о доброте его сына...

Дядя Айдош прослезился:

- Вот, что значит, не иметь своих детей...

- Не надо, Айдош аке, - сказал Нуркази, стараясь успокоить его. Что с вами?

В разговор вмешалась Бодош:

- Я ругала его не потому, чтобы ему было плохо. Я просто так, как мать, ругала его. Это правда. Если вы это считаете не правильным, то знайте сами. Хорошо, в дальнейшем я это буду помнить.

- Я не говорю, что вы заставляете много работать. Вы поймите правильно. Заставляйте работать, пусть работает. Сейчас не такое время, чтобы бездельничать. Пусть работает! Для него же лучше. Научиться труду, вырастит закаленным. Только вы зря, попусту не ругайте, не унижайте! Прекратите рукоприкладство! У вас нет на это права! Что же мне делать? Раз вы так просите, вам можно поверить?

- Да, да верь нам!

- Ну, хорошо. Пусть живет у вас. Только дорогой Медет, я хочу тебе напомнить, если еще раз такое случится, скажи мне. Я потом с ними сам поговорю! Или председателю колхоза скажу! Он часто спрашивает о тебе, - сказал и ушел.

Дни летели за днями. И осень наступила. Начался сбор хлопка. И солнце уже не так пекло. Сегодня мы были необычно радостны, от избытка радостных чувств, бегали с одного конца улицы в другой, сообщая друг другу новость. "Кино приехало! Кино приехало!" - бегали мы по улице. Как начало темнеть, мы гурьбой побежали в колхозный клуб. А до него было не близко. Надо было пройти Какыр-Талаа (пустынное поле). Трава, выросшая на этом месте, уже к маю желтела и высыхала. А потом покрывалась пылью. Когда до клуба оставалось немного пути, донесся звук работающего мотора. В то время в колхозах не было клубов. Когда привозили кино, то его показывали возле конторы.

Наконец мы добрались. Я встал в сторону и смотрел как бегают, играют мои сверстники. Ребенок, который слушал много брани, ругани, видимо, становится нелюдимым. Кроме меня все играли. Я, как они, не решаюсь на это, боюсь и стараюсь держаться обособленно и подальше от них. Так я ока-

зался возле стены, где был наклеен большой плакат. Свет от кинодвижка ясно отсвечивал написанные на нем буквы: "Родина – мать зовет!" – было написано там. Я приблизился к плакату и долго с интересом разглядывал его. Мне захотелось сорвать его. Я огляделся. Никто за мной не следил. Я сорвал со стены плакат и запихнул за пазуху. Тогда я не знал, что это за плакат. Плакат "Родина – мать зовет!", выпущенный в годы войны, призывал людей к патриотизму, мужеству и защите Родины.

Когда мы, посмотрев кино, вернулись в село, люди уже давно спали. На наш шум только собаки отвечали лаем. Я на цыпочках подошел к месту ночлега под урючиной, укрылся и лег спать. Но, на это раз, как обычно, сразу не уснул, ворочался с боку на бок. Вспомнил свою мать Алиман, и без вести пропавшего отца Акматалы. С чего бы это? Почему мне так не спокойно? Может быть причиной этому является тот плакат, который я сорвал со стены и сейчас лежащий у меня за пазухой?

А, что скажет завтра Бодош, если увидит его? Конечно, опять меня ругать будет. Что я должен делать? Сейчас полночь, скоро рассветет. А потом? А, что будет потом? Я лег и представил в своем воображении интересное событие, которое может случиться завтра.

Бодош ругала меня: "Зачем ты принес этот плакат домой? Дай сюда!" я не послушался ее. Потом она, закрутив мне руки, подняла на ноги. Когда она протянула руку за плакатом я откусил ей пальцы. Она вскрикнула и отдернула руку. Потом она дала мне оплеуху. Я упал, но прижал плакат к себе.

- Мама, что вы сделали?! Посмотрите! Разве так можно? Зачем вы так сделали? Не понимаете...

- Ах, какой понятливый, чтоб я видела тебя в гробу! Уходи! Чтобы я тебя не видела! Посмотри какой он понятливый! А я не понимаю, да?!

Она направилась ко мне. По ее виду было видно, что если она поймает меня, то мне здорово дос-

танется. Я стал защищаться. Нагнулся, набрал камней в руки. Бодош насторожилась. Она побледнев, попятилась назад. В руках у меня были камни. Она нарочито набросилась на меня:

- Ну, попробуй бросить в меня камень?! Ну, бей, если ты такой храбрый! Я тебе руки перелوماю! Пока еще жив, выбрось камни! Ты что, на самом деле хочешь закидать меня камнями? Кто я для тебя? Да он с ума сошел этот мальчишка! Боже мой, неужели в один миг можно сойти с ума!?

Я не стал ее слушать. Швырнул в нее камнем. Если бы она не нагнулась, то камень попал бы в висок. Только теперь Бодош поняла, что это не шутка, что надо серьезней обороняться и тут же выпалила:

- Чтобы я тебя в гробу видела! Ты хочешь стукнуть меня камнем? Ну, попробуй! Я же сказал, что он сошел с ума. Вот и глаза налились кровью, как у бешеной собаки. Это духи наказали тебя за то, что на меня поднял руку. Ты на самом деле сошел с ума. Тебя надо связать по рукам и ногам, и крепко привязать к дереву. Ты сейчас собираешься что-то натворить. Кого-нибудь исколечишь.

Я начал кидать камни в Бодош. Один из камней попал в щиколотку Бодош или она притворилась, вобщем, она схватилась за ногу и во всю глотку заорала. Я бегал вокруг Бодош и кидал в нее все, что попадало под руку. Бодош побежала, спасаясь от меня. Я побежал за ней. Бодош была высокая, полнотелой женщиной. Когда она много ходила, начинала задыхаться. Вот и сейчас я понял, что ей очень трудно приходится. Часто вытирая пот с лица рукавом платья, оглядываясь назад, махая мне кулаком, продолжала бежать.

- Подожди, я тебе еще покажу! Только попадись мне в руки! Я тебя проучу! — подняв подол платья, бежала она не разбирая дороги. Немного отбежав, сняла галоши и взяв их в другую руку, продолжала бежать и кричать:

- Эй, люди! Где вы? Убивают меня! Помогите!

сам видишь, сейчас сбор хлопка в разгаре ни на шаг отойти не могу. Спросишь где детдом, там все покажут тебе, может быть встретишь хорошего человека, то он сам отведет тебя. Ну, счастливого пути! Не забывай нас. Пиши. Вот что тебе напоследок скажу: хорошо учись, веди себя хорошо, несвоевольничай. Когда вернется с войны твой отец мы тебя разыщем. Самое главное — чтобы мы сами были здоровыми и живыми. Вот, что нам надо!

Все время оглядываясь назад, я направился в сторону села Сакалды. Из глаз потекли горячие слезы. Пройдя пустынное поле, добрался до конторы, где обычно показывали кино. Еще раз посмотрел на село, а потом уселся под тутовое дерево. Недалеко от меня люди собирали в поле хлопок. Чем выше поднималось солнце, тем сильнее становилась жара.

Мне казалось, что теперь для меня широко откроются двери жизни и я устремлюсь к завтрашнему дню, к своему счастью. Мое сердце предчувствовало, что будущее будет хорошим. Моя давнишняя мечта, которая до сих пор согревала сердце, вселяла мне надежду, уверенно вела меня вперед.

Город. Я, оказывается не знал разницы между городом и селом. Я думал он такой же маленький, как наше село. Тут было много деревьев, домов, людей. Из-за множества улиц голова кружится. Откуда они начинаются и где они кончаются, не знаю. Люди без конца снуют туда-сюда. Мне показалось, что у этих людей нет дела друг до друга. Куда-то спешат. Тихо шагая, я и не заметил как дошел до базара. Сел в сторонке. Немного отдохнув снова пошел. Прошелся по базару.

- Эй, мальчик, ты что здесь делаешь? Идем со мной! — сказал кто-то, сватив меня за плечо. Я оглянулся и увидел, что это работник милиции. Он увел меня с собой. Почему он так делает? Куда ведет? Этого я не знал. Оказывается, таких безпризорных детей, подобно мне, они задерживают. В начале ведут в милицию, а потом отправляют в дет-

- Эже - е! Эй, эже - е! Куда ты ушла? Где ты? - кричал я, подняв руки к небу, но никто не откликнулся.

Только удивленные, испуганные взгляды сопровождали меня, в которых чувствовалось: «А в своем ли уме этот мальчик?»

- Эй, мальчик, иди-ка сюда! Кто ты? Откуда приехал? Кого здесь ждешь? - сказала одна женщина, схватив меня за руки. Я пристально смотрел на нее. Незнакомая женщина. Вначале я обрадовался, думал, что это Сагипа Лукмановна. А это была красивая, белолицая, чернобровая, черноглазая, с прямым носом женщина. Она была одета хорошо, представительная. Она отличалась от других людей, которые стояли рядом. Она быстро нашла со мной общий язык и стала разговаривать со мной, как со своим старым знакомым. Нагнувшись, оттряхнула мои брюки, вытерла мои слезы и даже улыбнулась. А эта знакомая женщина продолжала расспрашивать меня. На то, что знал, отвечал «да», а то, что не знал, отвечал «нет». Она сказала, что мои волосы обросли, ногти не подстрижены. Она говорила это с болью и сожалением. Потом погладила по голове и сказала:

- Не плачь, дорогой. Все будет хорошо. Разве большой джигит плачет? Сейчас я тебе дам деньги. Пока не закрыли столовую, сходи, покушай. Хорошо? Видимо, тебе и спать-то негде? Я договорюсь в чайхане, чтобы тебя пустили сегодня переночевать. Ты послушай меня. Завтра никуда не убегай, а прямо иди в отделение милиции. Знаешь где находиться? Спроси у людей, они тебе скажут. Не бойся, они тебе помогут, устроят в детдом. Ну, договорились?

Я ей рассказал все, как было. После этого она тяжело вздохнула, встала и стала оглядываться по сторонам.

- А твою эже не видно? Куда ушла? - спросила она. Я пожал плечами.

- Интересный человек? Разве можно так делать? Ей поручили чужого ребенка, чтобы отвести в дет-

дом, а она бросила его посередине дороги. Как это понимать? — сказала женщина, начиная беспокоиться. К этому времени вокруг нас собралось много людей.

- Что? Что здесь происходит? — стали спрашивать они. -Что это за мальчик? Бездомный, беспризорник? Сирота? Бедняжка, надо его в милицию сдать. Остался на улице! Надо отдать в детдом!

- Нельзя его ночью оставлять на улице, может, сейчас же отведем в милицию? Видать, из села приехал.

- А может быть вор, карманник? Откуда мы знаем?

- Возможно? Может быть он не один. Наверно у него есть товарищи!

- Правильно говорите. Они бывают очень хитрыми. Нарочно один из них плачет, вызывает жалость, собирает вокруг себя людей, отвлекает их. А остальные в это время начинают шарить по нашим карманам.

- Правда, и так может быть. Надо быть осторожным. Подойди сюда, Айганыш, где ты? Иди сюда. Что нам здесь делать, раз нас это не касается? Пошли.

- Эй, люди, подождите, - сказала та самая красивая женщина. — Куда торопитесь? Надо же подумать о судьбе мальчика! Или так и оставим его на улице? Это будет бесчеловечно, нехорошо.

- Ну, доченька, скажи, что мы должны делать? — сказал старик. — Тогда дай мне его, я отведу его в милицию.

- А если я его усыновлю? Верите мне? — сказала одна старая женщина.

Та самая красивая женщина подняла руки, вверх давая знак, чтобы люди успокоились. Сама встала на возвышенность и сказала стоявшим людям, давая пояснения:

- Этого мальчика я тоже только сейчас увидела. Я тоже такая же прохожая, как и вы. Он сирота,

приехал из села. С базара привели его в милицию. Оттуда его направили в Узгенский детдом. Человек, который его сопровождал, вы сами видите, его здесь нет. Оставив мальчика, сам куда-то исчез. Мальчик сейчас ждет этого человека. Я все это узнала, расспросив мальчика. Что теперь будем делать? Говорите. Подождем того человека или разойдемся?

- Кто он такой? Куда ушел? Интересный человек! Разве можно так поступать?

- Подождем. Подождем, пока этот человек придет. Посмотрим, какой этот человек.

- А каким он может быть? Наверно такой же человек как ты, как я. Или думаешь, у него есть рога? — все засмеялись. В это время появилась запыхавшаяся, спешащая, бледная, с платком в руке Сагипа Лукмановна. Она ворвалась в круг людей:

- Посторонитесь. Дайте дорогу. Пропустите меня. Почему здесь народ собрался? Что случилось? — сказала она и бросилась вперед.

Люди расступились, уступая ей дорогу. Она подошла ко мне, опустилась на колени, и крепко обняв меня, закрыла глаза.

- Ух, как я перепугалась?! Я подумала, что с тобой случилось какое-то несчастье. Хорошо, что ты жив-здоров. А я дура к одной знакомой сходила, чтобы занять денег. На дорогу не было денег. Прости, прости меня сынок.

- Прощения не у мальчика, а вот у этих людей просите, — сказала та красивая женщина. - Вы почему, оставив мальчика на улице, ушли? Какое вы имеете на это право? Вы женщина уже в годах, а ваши поступки глупее, чем у ребенка? Отдел городской милиции вам поручил отвести мальчика в Узгенский детдом?

- Да, мне поручили. А что? Что случилось? У вас есть дело ко мне? Все собрались сюда? Видно, для вас это интересное зрелище? — напала на них Сагипа Лукмановна, - Я тетя мальчика. Ответственность за него взяла на себя. А вам то что? Чуть что

случится, вы готовы сделать из мухи слона. Вы мастера на такие дела! Разве у вас нет больше дел?

- А, вот как, - сказал тот старик, выступая вперед. - Это вы раздуваете, доченька. Почему ушли, оставив мальчика на произвол судьбы? Мальчик не знает города. Что будет, если он заблудится? Или утонет в Ак-Буре? Или попадет под машину? Кто за это ответит? Вас, кажется, не интересуется эта сторона дела? Вам все равно, не так ли? Разве у вас понастоящему будет болеть сердце, если он не вами рожденный мальчик?

- Не говорите так, - рассердилась Сагипа Лукмановна, - У меня тоже пятеро детей! Все такие же маленькие, как этот мальчик. Я тоже мать! Понимаю! У меня не каменное сердце! Вы сначала выслушайте меня, а потом сердитесь. То, что я сказала мальчику, чтобы он меня здесь ждал, это правда. На это была причина - не на что ехать в Узген. Поэтому я пошла к своей знакомой, чтобы взять деньги. Много времени не прошло. Пошла. Достала деньги и вернулась. Теперь поняли? Хватит, наверно? Больше вам ничего не скажу!

- А разве вам не дали командировочные? В таких случаях полагается выдавать на дорожные расходы. Не врите! Выясним! Потом вам же будет стыдно!

- В кассе не было денег. Когда приедешь, тогда получишь, сказали.

- А разве в милиции не было работника, который мог бы отвезти? Ведь это дело вас не касается же? Почему они так поступают? Это тоже надо выяснить, - сказала та самая красивая женщина.

- Правда, это не мое дело. На самом деле они сами должны были привезти, - призналась Сагипа Лукмановна. - Но, здесь я не виновата, в отделе нет лишнего человека, не хватает людей. Я работаю дворником в милиции, меня и послали. Я обязательно отвезу. Можете не беспокоиться. Собственными руками сдам.

- Денег на дорогу хватит? - спросила та самая красивая женщина. - Если не хватает, скажите прямо. Ладно, об этом у вас спрашивать не будем. Вот, возьмите деньги. Берите деньги и отвезите мальчика в назначенное место. Только помните, я здешняя, работаю артисткой Ошского узбекского драмтеатра имени Кирова. Может быть, вы узнали меня?

- Да, да я вас знаю, - засуетилась Сагиша Лукмановна, - Извините, надо же встретиться в таком положении. Интересно получилось.

- Ничего. Я завтра же узнаю в отделе милиции. Если, что не так, то не обижайтесь! Вы поняли? - она протянула деньги Сагипе Лукмановне, но она их не взяла. Люди притихли. Артистка сняла мою шапку, положила деньги и вернула шапку мне в руки. Наблюдавшие эту сцену люди, тоже стали один за другим подходить ко мне. В один миг моя шапка наполнилась деньгами.

- Хватит, теперь спокойно доедете до места, куда собирались ехать, - сказал тот старик, поглаживая бороду. - Иди, сынок. Живи долго! Потом будешь нас вспоминать? Хорошее дело никогда не останется без возмещения, хоть через тысячу лет, но обернется благодарностью. Что может быть лучше, чем делать доброе дело.

Мы в этот день не смогли уехать в Узген. Время уже было позднее. Поэтому пришлось остаться в Оше. Решили переночевать у знакомой Сагиши Лукмановны, а на следующий день уехать. Шли по берегу Ак-Буры и быстро добрались до нее. Это был низенький, старый домик на окраине города среди темных, узких улиц. За низеньким столом рядышком со мной вместе уселось семь человек. Полбуханки хлеба, которую с трудом достали, выстояв длинную очередь, разрезали тонкими ломтиками, быстро скушали, запили чаем и это был весь ужин.

- Вот так мы живем, сынок, - сказала хозяйка дома. Муж на войне. От него давно нет писем. У

меня пятеро детей. Старшая дочь, в этом году ей исполнилось шестнадцать лет. Зовут ее Гульчехра.

Мы до самой ночи просидели за разговором. В основном Сагипа эже говорила обо мне, о моей будущей жизни. Этому была своя причина. Оказывается, она хотела отвести меня в Андижан, к своей старшей сестре, но не решалась сказать об этом.

Детдом ли, или чей-нибудь другой дом, тебе ведь все равно? — сказала она в конце.

- Лишь бы был сыт, одет. Не так ли? Я думаю о твоём будущем. Вообще, сам знаешь. Сестра моя хороший человек. Если она увидит тебя, очень обрадуется. Оденет, обует. Будешь учиться. Хочешь в русской школе — будешь учиться в русской, хочешь в узбекской — иди в узбекскую школу. На любом языке можешь учиться, это на твое усмотрение. Она давно мечтает: «Если бы нашелся хороший мальчик, я бы его усыновила». Ты как раз подходишь. Сестре нужен спокойный, умный, не знающий хитрости, добродушный, работающий мальчик. По — моему, ты хороший мальчик. Есть такая пословица «Рыба ищет - где глубже, а человек — где лучше». Каждый должен по своим возможностям, подумав, выбрать себе дорогу. Не отказывайся. Ты там ни в чем не будешь нуждаться, скучать не придется. Там найдешь все, что пожелает твоя душа. Город большой. Там есть кино, театры. Гуляй себе, а когда вернется с войны отец, отыщем его, станем родственниками.

- Еще раз повторяю — сам решай. Никто тебя неволить не будет. Хочешь, иди, не хочешь не ходи. От этого ничего не случится, не бойся. Власть тоже ничего не скажет человеку, который усыновил таких, как ты. Наоборот, скажут спасибо. Лишь бы ты не остался на улице.

Я задумался. Надо было подумать. А как иначе! Ну, что делать?

- Вы уже дали обещание людям, которые дали нам деньги. Если я уеду в Андижан, что вы ответи-

те работникам милиции? Ведь та артистка записала ваш адрес, фамилию, имя? Что будет?

- Ты об этом не беспокойся. Я знаю что делать. Отвечать буду я. Скажу, что сама усыновила. На это никто ничего не скажет.

- А если придут к вам в дом? и узнают, что здесь меня нет?

- Эй, Медетжан, много говоришь, не будут они этого делать. Я знаю. Если они всерьез начнут искать тебя, требовать, то тогда я отвезу тебя в детдом. Ну, согласен? Завтра поедем?

Я снова задумался. Где лучше? В детском доме или в доме андижанской тетушки, которую я еще не видел? Куда же мне идти? Всю ночь думал об этом. Кроме того, я не знал, что делать с деньгами, которые были у меня за пазухой. Только к рассвету я заснул. Кто-то меня растолкал и разбудил. Я открыл глаза. Это была Сагипа Лукмановна.

- Вставай, надо пораньше выехать, я сегодня же должна возвратиться на работу, - сказала она, надевая ичеги.

... Я вскочил на ноги. «А что делать с деньгами?» - это мысль сверлила мне мозг и тогда, когда я умывался. «А может отдать им?»

- Ну, Медет, ты готов? Выпьем по пиялке чаю. Гульчехра, чай вскипел? Неси доченька, если вскипел. Хоть и без хлеба, и это поддержка. А когда приедем к сестре, досыта наедемся хлеба.

- И нам тоже привезите, - сказала дочь.

Все сели за стол, я краем глаза оглядел всех сидящих. Все худые, а ночью я этого не заметил, оказывается. Да и обстановка в комнате была скромная. Маленькие дети были очень худыми. Я, опустив голову, и не дотрагиваясь до чая, сидел и думал.

- Что с вами, Медетжан?- сказала Гульчехра, - Пейте!

- Хлеба нет, вот и не хочется ему один чай пить, - засмеялась Сагипа эже.

- Нет, не потому, - сказал я, качая головой, и покраснел.

- Тогда, что случилось? Или болит где-нибудь? Пейте.

Больше молчать было нельзя. Сейчас все встанем, тогда будет поздно. Что я с этими деньгами буду делать в Андижане? Я даже не знаю, сколько там денег, не считал. Перед тем как лечь спать, из шапки переложил за пазуху и больше не трогал.

- Эже, что делать с деньгами, которые вчера дали? - смущаясь, сказал я. - Они у меня. Что мне с ними делать?

- Сам знай, сынок, - сказала Сагипа Лукмановна, - а я про них и забыла. На самом деле, ведь вчера люди собрали для тебя деньги.

- За что мама? - спросила Гульчехра, не понимая в чем дело.

- Чтобы уехать до Узгена не было денег и пошла к Рапие эже занять деньги. Пока я возвратилась назад, вокруг этого мальчика собрались люди. Они собрали деньги на дорогу и дали ему. Вот об этом говорит.

- Сколько взяли? Как теперь отдадите? - забеспокоилась Гульчехра.

- Я заняла сто рублей, - сказала мать, - ничего доченька, получу зарплату отдадим. Теперь мне командировочные не дадут, потому что я не поехала в Узген. Съездила бы заплатили бы.

- Вот возьмите, эже, эти деньги, - я вытащил деньги из за пазухи и протянул их ей. - Отдайте свой долг. Может хватит?

Сагипа Лукмановна, будто не веря происходящему, смотрела то на меня, то на Гульчехру и вздохнула.

- Взять что ли? Как это будет выглядеть? Наверное, не хорошо? Эти деньги тебе дали. Они твои. Что хочешь, то и делай с ними, сынок, - сказала она.

- Берите, берите. Что я с ними буду делать?

- Ну, хорошо, спасибо, сынок! Ну-ка, посчитай сколько здесь? “Хоть и нашел, все равно пересчитай”, - говорят в народе. Закончив считать деньги:

- Тут ровно сто рублей, - сказала она улыбаясь, - можно килограмм муки купить. Детям на целый месяц хватит. Спасибо, сынок. Я этого никогда не забуду.

Когда взошло солнце мы собрались в дорогу. До обеда мы добрались до Андижана. Человеку, выросшему в селе, любой уголок города кажется интересным. Широкие, выложенные камнем улицы, посаженные с обеих сторон огромными густыми деревьями, высокие заборы побелены, крыши домов покрыты железом. От непрерывного потока людей, даже голова кружится. Пропадает желание двигаться дальше, осмотреть интересные места в городе. Что за город Ош, я так и не узнал. Сейчас Сагипа Лукмановна идет и рассказывает мне о красоте города, о доброте и сердечности его людей. Кроме этого, она называла наименование улиц, говорила где находится базар, магазины, памятники, площади. Если пройти по этим местам, то можно увидеть много интересного.

В городе было душно. Здесь уже в апреле начинается жара. Урюк уже начал цвести. Как больно ныли пятки от прикосновения жаркой пыли, только я сам знал. Часто подтягивая брюки, вытирая рукавом рубашки нос и пот со лба я шел тихо. “Иди же быстрее, в этом городе много интересного, которого ты еще не видел”, - обернувшись говорила Сагипа эже и смеялась. На самом деле, мы жили в селе и ничего не знали, а в мире оказывается, много интересного. В таких местах можно жить. Прохождение здороваясь с нами, раскланивались. Почему? Ведь мы не знакомы?...

Пришли в дом. Открыв старые ворота, вошли во внутрь. Хозяйка дома пекла лепешки. Увидев нас, быстро направилась к нам:

- Вай-вай, заходите, заходите! - Сказала она и обняв Сагипу Лукмановну долго не выпускала из

своих объятий. Когда они поздоровались, пообнимались, только после этого очередь дошла до меня:

- Эже, видите? Я вам мальчика привела. Что дадите за хорошую весть?! — сказала Сагипа эже. Вот он, познакомьтесь. Хороший мальчик, очень трудолюбивый. Он будет Вас слушаться. В этом вы сами еще убедитесь.

- Вот он какой? Хорошо, хорошо. Вижу, что хороший мальчик. Ну, здравствуйте, мой маленький ягненок, - она чуть наклонилась и погладила мой лоб. — Идемте в комнату. Ну, проходите. Я сейчас, я лепешки пеку, пойду посмотрю, чтобы не подгорели. А вы, сестричка, проводите гостя в комнату, располагайтесь как вам удобно, не смущайтесь!

- А вы не спешите, эже, спокойно заканчивайте свою работу, - сказала Сагипа Лукмановна. Я заметил, что сейчас она счастлива, лицо сияет и радость переплывает ее сердце.

- Вот, видишь, - сказала она, когда мы остались вдвоем, - как красиво обставлена комната, неправда ли? Так и хочется сидеть и смотреть. Богато живет, не так, как мы. Видишь, лепешки печет. Ты, оказывается, счастливый, всегда сытым будешь. А эже работает на хлопкозаводе рабочим.

К этому времени вошла хозяйка дома с горячими еще испускающими пар, лепешками. От жары тандыра (тандыр — печка для выпечки лепешек) или дневной жары, одним словом, лицо у нее было красным и лоснилось от пота, глаза поблескивали. В начале она мне показалась моложе, чем Сагипа эже.

- Ну, как поживаете, сестричка? Все здоровы, благополучны? Вот и лепешки испеклись. Сейчас чай принесу. Вместе будем пить. Дети здоровы? Как поживает Гульчехра? Почему-то перестали отпускать ее ко мне. Одинокому человеку трудно. В этих просторных комнатах и жизнь не мила. С тех пор, как муж ушел на войну, просто измучилась. Кстати, вчера от него пришло письмо. Написал с мест

где идут бои. Он жив и здоров. Если будет жив, разобьют врага и как ясное солнышко, появится дома. Лишь бы был живым.

- Это хорошо, что пришло письмо. Пусть почаще приходит. Ты конечно, рада? У тебя сегодня двойная радость? От мужа получила письмо, а я привела вот этого мальчика, значит, ты счастливая!

- Спасибо, сестричка, спасибо! А откуда этот мальчик? Ты на улице его подобрала или из детдома взяла? Видать, хороший мальчик. Лицо приятное.

Сагипа Лукмановна все рассказала. Хозяйка дома, слушавшая внимательно, не отрывала от меня, смотрела на меня. Она сидела опустив голову и облизывая губы. - А теперь не знаю что делать, - сказала Сагипа Лукмановна в конце своего рассказа. Я не отвезла мальчика куда надо было отвезти, а привезла сюда. Это было сделано ради вас, думала, что вам тяжело одной, может он будет вашей поддержкой, помошником.

- Спасибо, сестричка, хорошо сделали. Я за ним буду смотреть как за своим сыном. Об этом не беспокойтесь. А вы найдите какую-нибудь причину, чтобы убедить милицию.

- Об этом не беспокоюсь, поговорят и перестанут. Их слова к моему воротнику не пристанут. Что хотят, пусть то и говорят. Самое главное -- не обижать ребенка, кормить, одеть его, а потом отправить в школу. Иначе, наслышимся упреков, будет стыдно!

- Что вы говорите, сестричка? Вы сомневаетесь, что если я его не рожала, то я переживать за него не буду и как следует за ним не буду ухаживать?

- Нет, я не сомневаюсь. И тем не менее беспокоюсь. Ну, ладно, я поеду. Завтра я должна быть на работе. Дорога дальняя. Сами знаете?

- Боже мой, что это значит? И чай как следует не попили. Переночуйте. Обед сварю. Только что думала, чтобы сбежать на базар и купить мясо, масло. Оставьте, разве можно так?

Каждый день, когда возвращалась с работы приносила мне сахар. За ее доброту, за то, что она считает меня хорошим мальчиком, я изо всех сил старалась сделать так, чтобы моя работа понравилась ей.

Эже стало легче. Я старался по возможности облегчить ее домашний труд. Мавлюда эже не только ругать или бить, даже взглядом меня ни в чем не упрекала. Как только приходила с работы:

- Медетжан, что у вас есть? Так пить хочу! — говорила она, и склонив голову на подушку тут же засыпала. Я накрывал ее потеплей и она до утра даже не шевелилась. Я даже не знал, когда она просыпалась и уходила на работу.

- Дай Бог тебе долгой жизни, — говорила она часто, обращаясь ко мне.

Иногда я бегал на базар и покупал мясо, масло, лук, морковь. В этот день готовилось наше любимое блюдо — плов. А потом после плова мы пили зеленый чай. Одной из особенностей ее характера было то, что она никогда не рассказывала о своей тяжелой работе и никогда не жаловалась. Бывали дни, когда она и днем, и ночью не выходила из завода, не приходила домой. В таких случаях:

- Медетжан, не испугались? — коротко спрашивала она. Потом, повесив платок на гвоздь, разминала пальцы рук:

- Ох, как я проголодалась, кто бы знал, — говорила она и уходила на кухню. Смотрела кастрюлю, котел.

- Эже, вы садитесь, я сейчас сам все сделаю. Вы спокойно отдохните, — говорил я подогревая обед, который приготовил до ее прихода и ставил его перед ней.

Вот так летели дни. Мы очень привязались к друг другу, жили душа в душу. Как мать с сыном. Вот после этого, однажды она сказала мне такую вещь, о которой я ничего не знал и никогда не слышал:

- А теперь, сынок, - начала она из далека, - я тебе кое-что скажу, только не обижайся. Правильно поймите. Сейчас тяжелое время война, голод, это вы хорошо знаете. Люди нуждаются в куске хлеба. Я тоже одна из тех, я не лучше их. Ты думаешь я богата? Откуда? Сам видишь кое-как концы с концами сводим. В селе другое дело. Пашут, сеют, находят себе на пропитание. А в городе не так. Каждый как может зарабатывает деньги, чтобы насытить живот. Заработать себе на питание, в этом нет ничего стыдного. Лишь бы не воровал, не обманывал людей. Деньги, заработанные своим потом, честные деньги. В этом тебя никто не упрекнет. Говорят «у кого руки двигаются, у того и рот работает». Теперь вы, Медетжан, послушайте меня и будете выполнять ту работу, о которой сейчас скажу.

Я с удивлением смотрел на нее и не понимал, о чем она говорит. Мавлюда эже с улыбкой посмотрела на меня и сказала:

- Будете лепешки продавать, - сказала - это не так уж трудно. Научитесь. С соседскими мальчишками вместе будете продавать. Вы быстро к этому привыкните. Ничего. Вы видели мальчишек, которые на базаре торгуют лепешками?

- Да, а что?

- Медетжан, вы правильно поймите меня. Скоро начнется учеба. Вы должны учиться. Вы же просто так не пойдете учиться? Нужны портфель, пенал, тетради, книги. И одежда нужна, а все остальное где возьмем? Чтобы купить нужны деньги. А чтобы заработать, нужно работать. Никто бесплатно не даст. Теперь вы поняли?

- Понял, эже.

- Хорошо, если понял. Я испеку лепешки, а вы будете продавать их в чайхане, на базаре. У нас будут деньги.

Я кивнул головой и продолжал сидеть. Но, пока в чем суть дела не понимал. Может быть, когда с этим делом столкнусь, узнаю его секреты, тогда пой-

му. А сейчас я и представить себе не мог, как это будет.

Итак, я начал продавать лепешки. Первые дни я стеснялся, перед покупателями опускал глаза вниз, будто я совершаю постыдное дело, чувствовал себя виноватым. Пока привыкнуть к этому делу не мог. Утром не хочется идти на базар, душа не лежит. Меня прикрепили к соседскому мальчику Хакимбаю. Он был постарше меня. Он каждый день заходил за мной. Мы вдвоем ходили на базар и стояли у входа в чайхану:

- А, ну подходите, горячие лепешки! Покупайте горячие лепешки! Посмотрите какие горячие! – кричал Хакимбай, до самого вечера и вместе бегали с одного места на другой.

Вечером возвращались домой уставшими, не хватало сил шевельнуть ногами, голова гудела, ничего не хотелось делать, пристыженным ложился спать. Эже ничего не говорила. Оставляла меня в покое. А на другой день рано встали, укладывали горячие лепешки в корзину, клал на голову и по пыльным, кривым, узким улицам, быстренько направлялись к базару.

Хакимбай, увидев, что я стою с безразличным видом, говорит:

- Да, ты, что, так и будешь стоять скрестив руки на животе? Ты заинтересуй покупателей, говори что-нибудь, зазывай к себе, будь немного живой! Почему ты такой слабый? Надо быть крепче! Держи себя бодро и уверенно. Если будешь молчать, то ничего не продашь. Людей зови к себе. Да погромче, во весь голос кричи "Подходите, покупайте горячие лепешки!"

Я и этого совета не послушал, и дальше сидел в углу молча. Постепенно я тоже привык. Теперь я и без Хакимбая обходился. Вечером, вырученные деньги до копейки приносил эже.

- Ну, как? – однажды улыбаясь спросила эже, - Привыкли теперь? Вот так, говорила же я вам. Это не так уж и трудно.

Да, деньги, оказывается хорошая штука. Хорошую и плохую сторону я узнал утром. Хотя и знал, но они меня интересовали. Если один день у меня не было денег, я расстраивался. Когда их у меня было много, мне становилось хорошо. Постепенно я стал понемногу утаивать из вырученных от продажи лепешек деньги. Не все деньги отдавал эже. Находил разные причины недостачи. Теперь только и думал, как бы увеличить сумму, которая находилась у меня в кармане. Ночью, когда оставался один, оглянувшись по сторонам, вытаскивал из кармана все что имел. Мелочь отдвигал в сторону, бумажные в другую и начинал считать. А потом их прятал в щелку на дувале. Зачем я это делал, и сам не знал. Однажды Мавлюда эже спросила меня:

- Почему не хватает денег от проданных лепешек?

- Да, беспризорные мальчишки избили меня и утащили лепешки, - соврал я.

Услышав это, эже ничего не сказала, а опустив голову, промолчала. Поверила или нет, не знаю. Но, после этого она сказала:

- Сегодня будьте осторожны. От Хакимбая не отходите. Ходите вместе. Его в городе все знают. Я попрошу его, чтобы он вас не бросал. Еще раз напомню: будьте осторожны, смотрите, чтобы вас не избили. В городе много разных людей. Особенно сейчас стало много беспризорных.

Как бы она меня не напутствовала, а я не мог избавиться от привычки утаивать деньги.

Вот и долгожданный сентябрь пришел. Портфель, учебники, одежда и все остальное были приготовлены. Она сказала мне:

- Теперь пойдете учиться. Учиться будете в русской школе. Я с ними договорилась. Сходите в баню, подстригитесь, одним словом готовьтесь, - обрадовала она меня.

Вот в эти радостные дни случилось несчастье. Я не ожидал этого. Это был мой последний день продажи лепешек. Еще утром Мавлюда эже сказала:

- Сегодня на базар не ходите. Лучше сходите в школу, познакомьтесь с учителями, которые будут обучать, с учебниками, по которым будете учиться.

Я не послушал ее, и сложил все лепешки, оставшиеся со вчерашнего дня в корзину и с мыслями "все деньги, вырученные за лепешки, возьму себе", быстро направился к чайхане, которая находилась на берегу Большого Ферганского канала. Когда я подошел к чайхане, там народу было мало. На берегу находилась группа мальчишек. Одни сидели просто, опустив ноги в воду, другие, прислонившись к иве, делали вид, что удят рыбу, третьи загорали, остальные просто болтались по берегу. Я сразу понял, что это беспризорники. Даже сердце сжалось. «Не тронут. Если начнут придирааться, что буду делать? Да здесь сидящие, взрослые вмешаются», - подумал я.

Я подошел к чайхане. Снял корзину с головы, поставил на землю и уселся в густой тени, открыл лепешки:

- Горячие лепешки! Подходите! Покупайте! – негромко сказал я. Кривляясь, подошел худощавый высокий мальчик. Брюки были до колен засучены, с обросшими волосами, которые закрывали уши:

- Почем лепешки? Сколько стоит? – сказал он, нагибаясь к корзине.

- Не трогай! – стукнул я его по руке, - Зачем ты своими грязными руками трогаешь лепешки, раз не покупаешь?

- Ах, вот как! Смотри на него! Говоришь руки грязные. Значит, у меня нет денег, чтобы купить лепешку? Так? Есть деньги! Я в состоянии купить все твои лепешки! Продашь? Я все покупаю!

- Оставь, не мешай торговле, иди своей дорогой.

Мальчик, вложив пальцы в рот, сильно свистнул. Я сразу не понял, и сидел, разинув рот. Ментально подбежали мальчишки, и в одно мгновение, разобрав лепешки, исчезли. А пустую корзину пнули, она скатилась в канал, некоторое время дер-

жалась на поверхности, а потом утонула. Сидящие в чайхане не успели вмешаться, а те исчезли, будто растворились.

В один миг все рухнуло. Это должен был увидеть упрямый, своевольный мальчик, который не слушался советов старших. Таковую добрую, сердечную, хорошую женщину как Мавлюда эже, ее опрятную квартиру с чистыми мягкими одеялами я больше никогда не увижу! И в школу не пойду, и учиться не смогу! Я снова очутился на улице! «У кого нет счастья и этого мало». Зачем я сегодня сюда пришел? Лучше бы послушался эже и пошел в школу? Теперь от сожаления нет пользы. Медленно шагая с опущенной головой, глубоко задумавшись, вдоль канала направился в сторону «Зеленого моста», перекинутого через Ферганский канал. Здесь проходит поезд. Эта железная дорога идет во все стороны нашей страны. Недалеко от «Зеленого моста» есть разъезд «Влюбленный». Поезд здесь останавливается на одну минуту. Сейчас пойти туда и подождать поезд, который прибудет со стороны города? Сесть на поезд и уехать, куда глаза глядят. Пусть это будет Ташкент, Бухара или Фрунзе. Теперь ведь мне все равно? Теперь я свободен. Куда хочу туда поеду.

Я стоял на «Зеленом мосту», опираясь на перила, смотрел на медленно протекающую воду канала и думал: «Что мне делать? Куда идти? Или пойти в детдом?» Когда я стоял и думал об этом, чья-то рука легла на мои плечи. Я испуганно обернулся и посмотрел на незнакомца. Вначале я подумал, что он один из тех беспризорников. Нет, он не из них. Возле меня стоял рыжеволосый, худенький мальчик с голубыми глазами, лицо было усеяно веснушками, ростом ниже меня, но по годам, видимо, мой ровесник. Он был в трусах и майке. Весь загоревший, даже с лица кожа слезала. Губы потресканы, босиком, ноги в цыпках. Но, голубые глаза смеялись, настроение у него почему-то было приподнятое.

- Ну, ну, что здесь делаешь? Просто так? Еще кто есть? – стал он расспрашивать что-то уточняя. – Кто ты такой? На детдомовского не похож? Одежда на тебе другая. Ты здешний или приезжий? Говори правду?

«По-узбекски хорошо говорит» - подумал я про себя. Я не знал, что ему ответить, оглядываясь по сторонам, а с другой стороны немного побаивался, прямо в лицо смотреть не мог, поэтому уставившись на свои ноги, стоял, молча с опущенной головой.

- Говори же? Или язык проглотил? Я спрашиваю кто ты? Эй, смотри сюда, прямо на меня! Что боязливо оглядываешься? Вообще ты людей видел? Давай познакомимся?

- Давай, - сказал я, шевельнув губами, - Меня зовут Метед, Медет Акматалиев, сирота. Родителей нет. Хожу здесь.

- Ты по-узбекски плохо говоришь! Татарин что ли? – сказал он, положив мне на плечо руку.

- Нет, я киргиз.

- А-а, вот оно что! А как же очутился здесь?

Я назвал свое село. – Это далеко, от Оша еще дальше, целый день надо ехать, - сказал я ему.

- Да... Вот как? Давай сядем. – Мы уселись на холодные рельсы.

Только теперь мы начали привыкать друг другу. Мы почувствовали себя более свободными и начали разговаривать:

- Я тоже, как и ты, круглый сирота, - сказал он, закрывая ладонями глаза от солнца. – Зовут меня Александр, фамилия Сиротин. Называй просто Саша. А ты что здесь делаешь? Кого-нибудь ждешь? Кто он? Родственники или товарищи?

- Не-ет, никого я не жду. Просто так...

- Как это просто так? Скажи правду! Или это тайна, которую надо скрывать?

- Какая у меня может быть тайна? – сказал я, и почему-то в этот момент, мне захотелось заплакать.

Легкие наполнились и из глаз чуть не брызнули слезы. Я ... у меня мальчишки все лепешки отобрали! Все унесли! Вот поэтому и не вернулся домой. Буюсь! Если об этом узнает эже, то она наругает меня. Поэтому, не зная, что делать я пришел сюда. Куда теперь пойду?

- Э-э, вот ты какой, оказывается. Лепешки продаешь? Я где-то тебя видел. Ты бывал в чайхане на большом базаре?

- Да, бывал. Я каждый день там лепешки продавал. А почему-то я тебя там не видел?

- Да просто не обращал внимания. Я там с утра до вечера торчал. Помогал сгружать грузы, тем и жил. Куда теперь пойдешь?

- Не знаю.

- Тогда пошли со мной!

- Куда?

- Этого я и сам не знаю. Ну, куда-нибудь да уедем! Чего здесь сидеть без толку? Надо покушать.

Мы по шпалам отправились в сторону города шли и разговаривали:

- Ташкент большой город? Как Андижан? - спрашивал я.

- Э-э, ты что? Что такое Андижан? Во сто раз больше! Будем живы, я покажу тебе его. Пусть кончится война, наши отцы вернутся. Потом повезу тебя к нам. Вот посмотришь, обязательно повезу. В городе у нас свой дом. Двор огромный. Я сам из Ташкента, из самого Ташкента. Отец и мать нас с братом Борисом сдали в детдом, а сами уехали на войну. Отец майор, а мама врач. Но, через год убежал из детдома, не понравилось там. А братишка Борис остался там. В начале он увязался за мной, но потом, я тайком от него убежал. Бедный малыш, сейчас он, наверное, скучает по мне и плачет. Я тоже соскучился по нему, так хочу увидеть его. Он еще маленький, ему всего пять лет. Мне надо вернуться в Ташкент. О-о, до этого я побывал в Бухаре, в Коканде. И эти детдомы тоже не понравились. Оттуда

сбежал и приехал в Андижан. Полгода пробыл там и там тоже не понравилось. Вот, сам видишь, теперь на улице.

- Как? Не боишься?

- А чего бояться? Пусть попробуют тронуть меня! Во-о! – сказал он, и, сжав кулаки, потрогал мускулы.

- А где берешь деньги на дорогу? А где кушаешь? – сказал я и вспомнил случай в Оше, но рассказать ему не решался.

- Да что тут особенного? Сажусь на ночной поезд и еду. А кушать, э-э, оставь ты это, еду можно всегда найти! Вот увидишь, когда буду возвращаться в Ташкент, уеду ночным поездом. Ты проводишь меня?

- Не знаю. Скажи Саша, ты жирафа видел? – повернул разговор в другую сторону.

Почему-то мне в голову только это пришло. Я однажды вместе с Мавлюда эже был в зоопарке и видел там жирафа.

- Жираф? Он водиться в Африке. Живет в густых лесах Африки. У него ноги, шея длинные. А почему ты об этом спросил? Думал, не знаю! Знаю!

- Просто так спросил. Жираф и в Андижане есть. Сам видел.

- А-а, понял. Ты говоришь о зоопарке. Я тоже там был. - Мы все еще шли по железной дороге, шли и болтали обо всем, играли. Иногда побегим наперегонки, громко хохочем, боремся. Кроме нас двоих вокруг никого нет. До города еще далеко. Небо голубое, воздух чистый, вокруг тишина. Поют жаворонки. И другие птицы летают, тоже по-своему поют. Саша, покачивая головой, прошелся по рельсам. Не упал, а прошел еще. Я тоже хотел повторить за ним. Но, голую пятку обожгли рельсы. Я соскочил.

- Как ты ходишь по ним? Горячие же? – сказал я и сел. – Ох, сгорели мои пятки.

- Ты со мной не сравнивайся. Я уже и холодом, и жарой закален. Я не сгорю ни в горячей воде, ни

долго смотрели на них, одетых в военные гимнастерки. Саша глубоко вздохнул:

- Да, мне хочется быть там, где сейчас война, вместе с партизанами хочу громить фашистов, отомстить им. Эх, если бы это было в моих силах!

В одно мгновение железнодорожный вокзал наполнился людьми, началась церемония торжественной встречи раненных воинов, вернувшихся с фронта. Со всех сторон народ стекался к вокзалу: с улиц, магазинов, даже из столовых, люди бежали к вокзалу. Пройти через них, поближе подойти к раненым стало трудно. Нам с Сашей, наблюдавшим со стороны, хорошо было видно людей, собравшихся на вокзале. Через некоторое время на трибуну, установленную посередине, поднялся человек в старой шинели, подпоясанный ремнем, сжимая в руках головной убор. Он был высоким, представительным человеком и начал говорить:

- Уважаемые товарищи! Скоро исполнится четыре года как мы лицом к лицу, проливая кровь, воюем с германскими фашистами! С тех пор многонациональный советский народ, сплоченный в единое братство наносит сокрушительные удары кровожадному фашизму! Это Великая Отечественная война – всенародная война! Священная война! Миллионы честных славных сынов нашей Родины безвинно сложили свои головы! Но, их жизнь, их пролитая священная кровь даром не пропали. Они погибли за нас, за то, чтобы в будущем вы жили хорошо. Чтобы были счастливы! Победа будет за нами. Враг сломлен, он удирает назад! Их последний путь – путь к смерти. Только к смерти! Другой дороги им нет! В настоящее время наша славная Красная Армия гордо несет знамя вперед по дороге к Берлину! Осталось немного. Мы окончательно разгромим и уничтожим врага! Да здравствует мир! Да здравствует Советский народ! Да здравствует Советская Красная Армия! Ура-а, товарищи!

- Ура-а! Ура-а! – этот мощный крик тысяч людей, сотрясая воздух, раздавался в городе и уходил

еще дальше. Люди, не отпуская от себя, выступавшего оратора, очень долго качали.

В тот день мы переночевали на вокзале. На другой и следующие дни вокзал был нашим местом ночлега. Но, эта бесцельная жизнь, шатание по улицам, бродяжничество, нам все надоело! Прошел август и сентябрь был на исходе. Голодными мы не оставались. Осенью люди становятся добрей. Поспевают дыни, арбузы, овощи. На базаре все есть. Много ли нам надо? Где-нибудь скушаем кусочек дыни, наедемся остатками хлеба в чайхане и мы сыты. Так и живем. Но, это была не жизнь. Мы с Сашей оба понимали это. Понимать, понимали, но, мыслью о возвращении в детдом не решались поделить друг с другом. Потому, что однажды сбежавший из детдома, туда снова по своей воле не пойдет. Если пойдет, его накажут, будут ругать, призовут к порядку. Вот чего и боится Саша. Хоть и боится, но, думает о моей судьбе. Он хочет повести меня в детдом, где раньше жил. «Иди сам один» - говорит он. Но, я не соглашусь. Вот так и проходили дни. Но наступала зима. Скоро начнутся холода. Наконец, решились пойти в детдом. Это было в середине октября. Но, события развернулись не так, как мы ожидали. Никто Сашу не ругал. Наоборот, воспитатели, директор детдома посмотрели на нас, улыбнулись, ласково погладили по лбу и директор сказал:

- Ну, хорошо. Хорошо, когда человек признает свою вину. Вернулись - это уже хорошо. Ну, добро пожаловать, дорогие ребята. Этот дом - ваш. Пожалуйста, живите на здоровье.

Нас быстро отвели в баню, дали новую одежду. Накормили и в одной комнате дали нам места. Потом и учились мы в одном классе. Теперь можно хорошо жить. Мы успокоились. Все получилось хорошо. Мы избавились от дум и мучительного вопроса - «А что будет завтра?».

Прошла зима. Снова наступил апрель. Город будто покрыт белыми кукурузными хлопьями. Цвели че-

решня, вишня, урюк. Погода стоит хорошая. Не жарко и не холодно. О том, что приближается День Победы, слушаем по радио, читаем в газетах, слышим от людей. Мы радовались этим вестям, старались хорошо учиться, вести себя дисциплинированно. В общем, в эти дни мы ходили переполненные радостью. На улице мы часто устраивали игры, пели песни. Не только мы, но все ходили радостные, с сияющими лицами, были веселые. В эти радостные дни наступил праздник Первого Мая. Все воспитанники детдома, с развевающимися красными знаменами, прошли по улицам в рядах демонстрантов. На другой же день Саша Сиротин подсел ко мне на кровать, натянул мое одеяло мне до груди и загадочно посмотрел на меня. Время было, около девяти утра, сегодня был выходной день, поэтому в школу не ходили:

- Медет, ты помнишь, что я тебе говорил в прошлом году? Когда мы с тобой встретились впервые, я же тебе говорил? Вот теперь настало время выполнить данное слово. За тебя я спокоен. Ты устроился в детдоме. Хорошо живешь. Ходишь в школу, учишься, ни в чем не нуждаешься. А дальнейшее зависит от тебя.

- Что ты говоришь, Саша? Я что-то не пойму? Что ты хочешь мне сказать?

- Да ну тебя, ты всегда делаешь вид, что ничего не понимаешь, - махнул рукой Саша. - Ты выслушай меня. Я не шучу. Это не игра. Слушай хорошенько. Я сегодня уеду в Ташкент. Я узнал, когда уходит поезд. В одиннадцать ночи. Ты меня проводишь?

- На самом деле? - удивился я. - Да брось ты, Саша. Живи здесь спокойно. Вот и война подходит к концу. Скоро будем праздновать День Победы. Если твои родители вернуться с войны, они тебя разыщут. И меня найдут. Если нас не найдут, то сами поедем. А пока подождем.

- Не-ет, так не пойдет, я не могу ждать! Я должен ехать. Что с бедным братом Борисом? Бедняж-

ка, наверное, наплакался. Если об этом узнает отец, он меня отругает. «Будьте вместе, ходите вместе» - говорил он, когда уезжал. А я не послушался отца и болтаюсь здесь. Это не хорошо. Уеду, уеду!

Саша заплакал навзрыд. Схватив голову, опираясь локтями на колени, опустив голову, рыдал. Я соскочил, обнял Сашу и как мог начал его успокаивать.

- Ты что, Саша? Перестань, не плачь! Почему ты плачешь? Я совсем не ожидал, что ты такой плаксивый мальчишка! Хватит, ну перестань!

Саша еще долго плакал, не мог сдержать себя. Видимо, ему захотелось вместе с этими горькими слезами излить свою душу, рассказать о том, что он пережил за эти годы. Он рассказал о своих тяжелых днях скитаний. Рассказал, как голодал, мерз на холоде, как его били, унижали. Он рассказывал и продолжал плакать. Он не слушался меня. Я тоже оставил его в покое, думал, пусть выплачется, пока не успокоится. Если бы я тоже расплакался от перенесенных обид, вот было бы интересно! Тогда зашли бы ребята из других комнат и пристыдили бы нас. Они могли бы, расспрашивая нас, установить причину наших слез. Тогда Саше трудно было бы уехать.

Детдом был на окраине города. Он был огорожен высоким дувалом. Мы решили убежать после обхода воспитателей, когда они прикажут лечь спать. После десяти нас никуда не выпускали. До этого мы должны поужинать, приготовить уроки. Такой был порядок. Мы все подчинялись этому. Дисциплина была строгая.

Все уснули. Во дворе было темно. Из-за вершин гор стало показываться луна. Сейчас она поднимется выше и осветит все вокруг. Кукуют кукушки. Только на улице еще продолжается движение. С шумом в разные стороны проезжают машины.

Мы с Сашей, согнувшись, идем вдоль стены. Ищем удобное место, чтобы перепрыгнуть через забор. До нас бежавшие ребята, немного разрушили

дувал. Мы дошли до этого места, и остановились. Я нагнулся. Саша залез мне на спину и кое-как взобрался на дувал. Потом он протянул руку и вытянул к стене. Мы прыгнули вниз. Оказывается, там было высоко. Мы так шлепнулись, что у нас чуть легкие не оторвались. Голова закружилась. Мы долго сидели «охали», «ахали», пока не пришли в себя.

- Саша, ты не ушибся? Ты здоров? Ох, я сильно стукнулся!

- Я тоже... Спина чуть не оборвалась. Голова закружилась.

- Говори тише, могут услышать! Вставай быстреей!

Мы оттряхнули друг друга, почистились. Походили немного туда-сюда, разминая ноги. Потом пустились бежать в сторону Большого Ферганского канала, к «Зеленому мосту». Мы не знали, который час. Мы шли через рытвины, канавы, заросли, падали, вставали, снова шли дальше, чтобы не опоздать. Поезд, которого мы ждали, на минутку останавливался на разъезде «Влюбленный» («Куйган яр») недалеко от «Зеленого моста». Там была наша надежда. Кроме этого места, в другом месте нет возможности вскочить на поезд. Больше выхода нет. Кондуктора таких мальчиков как мы, близко не подпустят к вагону, особенно ночью. Они строго соблюдают порядок.

Луна светила всюду. Дошли до железной дороги. Мы побежали дальше. Когда мы добрались до «Зеленого моста», сзади донесся пронзительный гудок паровоза.

- Идет! — сказал я поспешно, - Саша, поезд идет!

- Слышу! Беги быстреей! Быстреей! Лишь бы не опоздать, - сказал запыхавшийся Саша.

Вот и мы пришли к цели — к разъезду «Влюбленный» («Куйган яр»). Мы здорово устали. Мы спрятались в укромном месте в сторонке от железной дороги, чтобы нас не заметил дежурный. Показался свет паровоза.

- Ну, Медет, давай прощаться! – сказал Саша, крепко обнимая меня. – Ну, будь здоров, друг мой! Не обижайся, мы еще увидимся. Ты послушай меня, из детдома никуда не уходи. Если уйдешь, я обижусь на тебя.

- Счастливого пути, Саша! Не забывай меня! Я тоже напишу тебе письмо. У меня записан твой адрес. Ну, желаю тебе счастливо добраться. Спасибо тебе!

Поезд приближался. Свет больших фар паровоза ослеплял глаза. Поезд шел с шипением, гудением, сотрясая своим треском и шумом окрестную тишину, а его зеленые вагоны, прицепленные один к другому, проплывали мимо нас с грохотом. Ветер, дувший от него, чуть не сорвал шапку с моей головы. Мы с Сашей, схватившись за руки, пошли к поезду. Саша наметил последний вагон и теперь, протянув руки вперед, с нетерпением ждал, чтобы вскочить в вагон. Потом...потом я и глазом не успел моргнуть, как Саша юркнул в вагон словно мышь. Все это произошло в одно мгновение. Вокруг стало тихо. Ослепленный светом фар, оглушенный пронзительным гудком паровоза, у меня закружилась голова, и я еще долго стоял на месте. В голове промелькнула одна мысль. Тело задрожало, будто стукнуло током:

- Ах, черт бы тебя побрал! – сильно огорчился я. Саша влез на крышу вагона и ехал стоя. Не надо было этого делать. Это очень опасно, так как головой можно было стукнуться об «Зеленый мост». Надо лечь и вытянуться. Знает ли он об этом? Надо было ему раньше еще сказать, когда по дороге шли сюда. А теперь поздно! Я побежал изо всех сил вслед за поездом, будто я его догоню. Поезд приближался к «Зеленому мосту». На последнем вагоне я увидел силуэт Саши, он по-прежнему ехал стоя. Что он делает? Неужели он не знает, что можно головой стукнуться о балку моста? Если крикну, услышит ли он?

- Са-ша-а! – кричал я охрипшим от переживания и беспокойства голосом.

- Са-ша-а! Ложись! Нагнись! Стукнешься головой о мост! Ложись! Са-ша! Са-ша-а!

Нет, он не слышит. Поезд удалялся от меня. Он вошел в «Зеленый мост» с шумом, потрясая окрестности, мчался вперед. Вот и вагон, где стоит Саша, приближался к мосту. Вот и тот зеленый вагон, который беспокоил и мучил меня, тоже исчез из поля зрения. Вместе с ним и Саша исчез. Эх, жаль! Если бы я мог, то схватил бы поезд, и не дал бы двинуться с места.

- А-а-а-а! – крикнул я и упал лицом на землю. После этого я рыдал, потерял сознание и лежал, уставившись в небо, - этого я не помню. Скулы свело. Меня трясло как в лихорадке, ноги были холодные, и я долго не мог прийти в себя. Еле шевельнувшись, с трудом, кое-как встал. В это время начал накрапывать дождь, а потом полил, как из ведра. У меня широко раскрылись глаза. Я стал вспоминать о том, что случилось. Вот после этого, сначала в горле, потом в животе что-то больно царапнуло. Я застонал. Все горело, кровь застыло, в горле пересохло, губы прилипли друг другу. Кое-как с большим усилием привстал, и прислонился к «Зеленому мосту». Немного отдохнул.

Кое-как передвигая ноги, зашагал вперед. В канале по-прежнему медленно текла вода. Если бы у нее был язык, то она сказала бы, что случилось с Сашей. Показалось, что что-то упало в воду. Стоит подняться небольшому ветерку, как камыши, растущие на берегу канала, начинают кланяться из стороны в сторону и начинают шуршать, пугая человека. Я посмотрел в сторону города. Далеко! Только вдали мерцают электролампочки. А дождь как назло продолжал лить.

Я оглянулся вокруг себя. Дошел до конца «Зеленого моста», и возвратился назад. Никого не нашел, ни мертвого, ни живого. Что случилось? Или

упал и утонул? А может быть его тело осталось на крыше вагона? Не знаю, что и думать? И стыжусь, а с другой стороны и боюсь. Кажется, я наступил на что-то мягкое. Я нагнулся и поднял. Это была Сашина шапка. Я подпрыгнул, будто меня кольнули иголкой. Весь задрожал. Сердце к горлу подступило! Настоящий страх только теперь начался. В это время дождь перестал.

Я быстро направился в город. Шел и не оглядывался. Пока луна не скрылась, я должен добраться. Но, в такое время ноги отказывались идти. Пот, стекавший с лица, смешивался с дождевой водой. Я промок до нитки. Тело налилось свинцом. Не было сил двигаться дальше, вот-вот упаду. Казалось, я не двигаюсь, а стою на одном месте. Силы мои иссякли.

Вот, показались знакомые мне дорога, дома, деревья, высокий дувал. Я крепился. Эх, дорогие мои, так надо же, даже трава, которая путалась под ногами, земля, камни, все это кажется мне прекрасным, приятным для глаза, красивым. Они казалось, будто поддерживают меня, жалеют меня. И у меня снова прибавилось сил.

Перед моими глазами прошли помещения детдома, сладко спящие товарищи. Я соскучился по ним и спешил с одним желанием, чтобы увидеть их.

После этого я заболел. Я долго пролежал в больнице, сам вставать не мог. Простудился или перепугался, не знаю. Одним словом, болезнь оказалась тяжелой. Лицо пожелтело, аппетита не было, на душе было тоскливо, сердце сжималось, будто мне чего-то не хватало, на душе было тяжело!

Мальчики и девочки, с которыми вместе воспитывался в детском доме, учились вместе, даже воспитатели приходили меня проведать. «Что хочешь кушать? Что тебе принести?» - спрашивали они, когда приходили ко мне. А в выходные дни до самого вечера не оставляли меня. Я был окружен заботой и вниманием, но, Сашу не забывал. Я только

теперь после нашей разлуки, яснее, четче стал понимать, насколько крепко мы дружили.

Однажды мне принесли письмо. Это от Саши! Я не верил своим глазам. Я снова посмотрел на конверт, еще раз прочитал, что было написано там. Интересно! Что случилось? Это происходит во сне или на яву?! Саша Сиротин! Это он! Это его рука, его почерк!

«Здравствуй, Медет! – так начиналось письмо, – Я доехал благополучно. В дороге никаких происшествий не было. Приехал спокойно. Прямо с поезда пошел в детдом. Нашел брата. Он очень обрадовался. Видать, сильно соскучился. Обнял меня и начал плакать. Еле-еле успокоил. Хорошо, что приехал. Ни отец, ни мать еще не вернулись с войны. От них было всего два письма. Брат их сохранил и дал мне. Я прочитал. Когда приедут не написали. Отец – командир на передовых позициях, а мама работает во фронтовом госпитале. Ждите, пишут они, после победы приедем. Когда они приедут, я обязательно тебе сообщу. Теперь я всегда буду вместе с братом. Я его одного не оставляю. После моего приезда он стал веселым, бодрым. От меня ни на шаг не отстает. Куда я, туда и он. Иногда он спрашивает меня: «Брат, ты теперь никуда не уедешь?» Я, поглаживая его по голове, отвечаю: «Не-ет, теперь никуда не уеду». Он радости начинает подпрыгивать:

«О, вот это хорошо! Не уезжай. А то я очень скучаю по тебе».

«Ну, сколько можно повторять одно и то же? Я же сказал, никуда не уеду. Скоро мама, папа вернутся с войны, мы должны их встретить. Эх, Борька, тогда увидишь, как мы заживем. В общем, прекрасно заживем, не так ли?» «А как же иначе? Было бы хорошо, если приедут. Но, когда они приедут? Я очень соскучился по ним. Хочу видеть их».

«Потерпим Борька, осталось немного. Скоро приедут. Ведь они же написали в письме, что приедут. Значит приедут. Нам надо ждать».

«Будем ждать брат, - тихо говорит Борька и умолкает. Потом опустив голову, тяжело вздыхает. А у меня от этого сердце разрывается. Эх, друг, можно было бы еще о многом сказать. Но, ничего. Мы все вытерпим. Мы победим. Ну, ладно, пока, будь здоров. Александр Петрович Сиротин».

Да, Сашка правильно говоришь, дай Бог нам здоровья. Чтобы до новой встречи, все мы были живы и здоровы. Нас впереди ждет еще много встреч.

Вода с Большого Ферганского канала течет медленно. Видны дома, построенные вдоль канала. Верхушки красавцев-деревьев наклонились к воде и их ветки свисают к воде. Их густая тень, доходит до другого берега и, отражаясь в воде, создает красивый вид. В эти жаркие дни так и хочется броситься в воду, освежиться. Но, тихо текущая вода бывает глубокой. Видимо, поэтому ни в каждом месте люди решаются купаться.

«Зеленый мост» своей массивностью особо выделялся среди этих огромных деревьев, высоких зданий и поэтому особенно привлекал внимание людей своей грандиозностью. Бесперывно снующие машины, приближающиеся к этому месту, сбавляют ход или останавливаются, потому что здесь проходят поезда. Когда они походят к разъезду «Куйган яр» («Влюбленный») замедляют ход, паровоз гудит. Все равно, когда начинают трястись рельсы, уложенные на шпалы, стоит оглушительный грохот.

Плакучая ива, видимо, одно из красивейших деревьев. С тонкими ветвями, мелкими листочками, она очень нежна. Но, не смотря на свою нежность, она неприхотлива, землю не выбирает, не требует за собой особого ухода и быстро растет. Много их растет у берега канала. Особенно часто они встречаются возле столовых и чайханы. Вот в тени таких деревьев есть у меня давно облюбованное место для меня. Когда я приезжаю в эти места, обязательно прихожу сюда отдохнуть. Летом здесь я отдыхаю в тени, а зимой согреваюсь. Потом еду дальше. Это место напоминает мне прошедшие дни.

Все дело оказывается в здоровье. Вот сейчас мы с Александром Петровичем Сиротиним сидим в чайхане, пьем чай и вспоминаем прошедшие дни. Он работает на одном из заводов Ташкента рабочим. А я журналист. Саша поседел, но седина ему к лицу. Характер спокойный. Говорит серьезно. Его родители с войны не вернулись. У него сейчас двое детей: дочь – врач, сын – инженер, имеет внука. А его брат Борис, работает шофером. Пьем зеленый чай.

- Я всегда приходил в эту чайхану попробовать лепешки, - сказал я и глубоко вздохнул. - Однажды беспризорники растащили все мои лепешки, а пустую корзину пнули ногой в воду. Это был последний день, когда я продавал лепешки. Когда я заплаканный сидел возле «Зеленого моста» ты подошел ко мне. Знаешь это? Помнишь?

- Гм... Да, знаю, помню, - сказал Александр Петрович, кивая головой, - эти дни не забудутся.

- Как можно их забыть! Они же вот здесь в сердце сохранились. Ну, что ты делала после моего отъезда в Ташкент? Там и жил?

- А куда же я пошел бы? Ты сам знаешь, я был очень спокойным тихим мальчиком. После окончания средней школы поехал в свое село, повидаться с родственниками. Там и узнал, что отец не вернулся с войны. В своем колхозе проработал два года трактористом. Потом поступил в высшее учебное заведение. Сейчас у меня восемь детей. Старший сын служит в Армии.

- Хорошо! Очень хорошо, Медетжан! Пусть теперь будет мирная жизнь. Пусть народ живет мирно. Вот это наше желание!

*С киргизского перевел
Карим Юсупов*

ЖЕНЕ (Рассказ)

Старший брат плакал, содрогаясь всем телом, словно тополь, которого начал вырывать ураганный ветер. У него даже не было платочка, и слезы лились сквозь пальцы. Время от времени качал головой.

Вначале я ничего не мог понять, и подумал, что дома с кем-то случилась беда. Сердце екнуло, весь побледнел, тело начало трясти, а колени казалось, сгибались. Закружилась голова, рябило в глазах, шумело в ушах, ну лбу выступил холодный пот.

Тогда я находился в больнице. Все еще был слаб. Хотя уже месяц лежал, а чувствовал себя слабым.

Я с детства был больным. Часто болел. Не знаю, когда и где подцепил болезнь желудка. Ведь с трех-четырёх лет я остался круглым сиротой и воспитывался в детском доме. Это детское мое время пришло на военные годы.

Брат отозвал меня в сторону и привел к заднему двору больницы. Там была длинная самодельная скамейка.

С раннего утра шел дождь со снегом и улицы заполнились водой. Одежда на брате промокла насквозь, и он слегка дрожал от холода.

- Что случилось? — это были первые слова, которые сорвались с моих уст. Что еще я мог сказать? Тогда я ведь был еще ребенком, не знал о чем спрашивать, не умел утешать, давать советы, подбодрять, не знал, как угодить, успокоить. И стоял, как истукан.

Через некоторое время брат успокоился сам. Рукавом вытер слезы и рассмеялся. Сел рядом со мной. Одной рукой обнял меня и прижал к себе.

- Не бойся! — сказал он. Я успокоился.

- Почему плакали?

Брат тяжело вздохнул и стал ходить вперед-назад. Но, теперь уже не плакал. Этот его вид показался мне неуклюжим. Весь мокрый, обросший, похудевший. Лишь его крупный нос был виден, а глаза сидели глубоко в глазницах. Интересно! Только неделю его не видел, а он за это время изменился до неузнаваемости. Для меня это было не понятно.

- Все ли живы – здоровы дома?

- Все ли живы – здоровы! Не беспокойся!

- А тогда что?...

Он немного задумался, голову склонил вниз, держался за нос и молчал. Потом заговорил:

- Э-э, плохи дела! Как бы тебе объяснить? В общем, интересное дело затевается!

- Да говорите открыто! – сказал я, немного рассердившись. Брат почувствовал мой гнев, и словно жалея меня, сел рядом, погладил по голове.

В этом году я окончил среднюю школу. Тогда же в университете открылся новый факультет журналистики. Я хотел поступить туда, но не смог, не сдал английский язык и вернулся в село. Поскольку у меня не было никакой специальности, в колхозе делал все, что велели мне. Выполнял различные поручения.

- Получил письмо от бывшей твоей жене. Вот, читать будешь? Обо всем написала!

Он из грудного кармана вытащил толстый конверт и протянул мне. Я не стал его открывать. Глазами пробежал адрес, фамилию и имя и вернул обратно.

- Что она написала?

- О том, что разводится с мужем. Хочет обратно сойтись со мной.

- Да разве стоит расстраиваться из-за этого?! – закричал я. – А нынешнюю жене куда денем? А детей?

- Вот и я думаю о том же. Поэтому и плачу перед тобой. Ты еще молод, не знаешь трудности жизни. А я ? ...

Брат и Аккыз жеңе поженились, когда им было девятнадцать лет. Говорили, это было летом сорокового года. Друзья брата рассказывали, что они сильно любили друг друга, переписывались, подсылали знакомых. Поскольку жили в разных селах. Им трудно было встречаться. Лишь поженившись, успокоились. Сам бы никогда не рассказал мне. Говорили еще, что их матери были двоюродными сестрами.

Они в 1939 году вместе учились в только что открывшемся в Джалал – Абадском училище механизаторов и там познакомились. Наше село Тулга находилось рядом с селом Сакалды, на границе с Узбекистаном. А Аккыз жеңе с родителями жила в местности Акбаш недалеко от Джалал-Абада. Между этими селами протекает река Тентек-Сай, холмы Шыбак-Бель и Топурак-Бель.

- Теперь и не знаю, что делать, - сказал брат, упираясь головой на кулаки. - Голова в тумане и у Аккыз дети, и у меня. Как же нам быть?

В то время я любил девушку по имени Кундуз. Вспомнил ее «Вот это и есть любовь? – подумал про себя. - А если я на ней женюсь, и начнется война, и я останусь в таком же положении как брат?».

Все тело вздрогнуло. Это война оставила след, и страшим, и младшим. Я жил впроголодь, полуголый и обиженный. Самое обидное – в детстве подцепил неизлечимую болезнь. Долго ли протянешь, если болят желудок и легкие?

- И все же: - Что думаете сами?

- Я то, ничего не могу сказать. И действительно она написала, что разводится с мужем и хочет вновь сойтись с тобой?!

- Да, - ответил брат, не отрывая взгляда от письма. - Хочешь, прочту, если не веришь?

- Не надо!

- Что было, то было! Я ее сильно любил! – в его глазах вновь появились слезы.

- Если бы не было войны, жили бы вместе. Я ее не виню за то, что не дождалась меня. Я сам вино-

ват! Это ведь я написал так: «Молодость проходит, если встретишь хорошего парня, выходи за него замуж». Оказывается, после этого письма, она подумала, что я ее разлюбил. Зачем я написал то письмо, дурак я! Сердце горит, обидно!

Я смутно помнил Аккыз. Что может запомнить четырехлетний мальчик?

В нашем селе Тулга жило около пятидесяти семей, аксакалом был мой отец. Он был красноречивым, смуглым, высоким человеком. Работал конюхом. А еще был ювелиром. Моя мама Алима (царство ей небесное) признаться не очень умела вести домашнее хозяйство. Она была единственной дочерью в своей семье и росла избалованной.

- А письмо показал этой жеке, читала она? - спросил я через некоторое время.

- Да ты что?! - вздрогнул брат. - Если узнает, знаешь, какой будет скандал?

- Вы правы. Порвите его! Не нужно сообщать ей.

- Да! - спросил брат и спрятал письмо за пазуху. Он и не собирался рвать его.

- Потом... успею порвать. Надо два-три дня подумать.

- Вам виднее. Но, мне не нравится ваша затея.

- Ты правильно говоришь, малый!

Честно признаться, Аккыз жеке нравилась и мне. Ранней весной, когда поле покрывалось зеленью, цветами мы с ней ходили к Тентек-Саю. Все село набирало воду для питья из Тентек-Сая. Жеке вешала на коромысло два ведра и шла ловко и красиво. А я через тюльпаны, выросшие у берегов, то бегая, то падая, шел за ней. Она надевала красный камзол, голубой платок и по обычаю местных жителей (возможно от того, что жили в соседнем селе с узбеками) надевала новенькие ичиги. Жеке была красивой и человеком открытой души. Она носила серьги, красила брови. На ее белых руках были браслеты, звон которых мне нравился.

мого вечера. Раньше здесь был каменистый пустырь. Теперь он изменился до неузнаваемости. Появился микрорайон «Спутник», утопающий в зелени. Как только бываю на автостанции, я вспоминаю Аккыз жеңе. Отличная была женщина! Золотая! Я знаю, где ты теперь. Расспросив, нашел, где ты живешь. Оказывается, ты живешь в Кок - Янгаке. Я узнал, что твой муж работает шахтером, а ты сама продавщицей в продовольственном магазине.

Всю мою любовь к жеңе, накопившуюся в детские годы, я полностью сохранил в сердце! Она никогда не уменьшится, не исчезнет! Но, есть причина, которая не позволила посетить тебя, хотя и знал в каком городе. Я хочу, чтобы твой красивый стан, красивое лицо, черные брови, большие глаза остались в моем сердце в том же виде, как и тогда, в мои детские годы. Правда, потом ты пережила немало трудностей, похудела, обессилила. Но, ты мне кажешься все такой же молодой и красивой.

Я хорошо помню, как тебя привезли на арбе с укрытием, и ты стала нам снохой. Ведь в том году началась война. Не прошел и месяц, и мой брат ушел на фронт. Вы ждали его! Долго смотрели на дорогу! Потом...

И вот сейчас я стою на автостанции Джалал-Абада. Я - корреспондент. Езжу по всему нашему краю. Сейчас я могу сесть в автобус «Джалал-Абад - Орто-Азия», и поехать в ваше родное село, но, не хочу пока встречаться с вами, так лучше. Пусть в моей памяти останется красота ваших молодых лет. Сейчас вы, конечно, изменились, видимо, волосы уже начали сесть.

И все же я хочу видеть вас, соскучился по вам! О, сколько лет прошло с тех пор! Тридцать! Только легко сказать. Сколько лет, сколько зим! Мы были голодными и замерзали. Проливали слезы. Плакали, когда получали «похоронки» на погибших земляков. Что ж поделаешь, не смотря на это, жизнь продолжалась.

Вы вторично вышли замуж. Но, вам не повезло, не смогли родить ребенка. Это стало вашим самым большим горем. Но, человек может пережить все, не отчаивайтесь! Не одна ты в таком положении осталась.

«Да, я знала, что ты скажешь так», - сказала бы ты сейчас, если бы встретились.

«А может, поехать к тебе?», - думаю, оглядываясь вокруг. Сердце, вся моя душа тянется к тебе, жене! Но, нет, не буду беречь старую рану.

«Прощай, моя женошка! Будь жива и здорова!» Если на самолете поднимаюсь в небо, то с иллюминатора смотрю вниз, а если с окна автобуса, смотрю вокруг и ищу твое село Орто-Азия.

Думаешь ли ты обо мне? Ты помнишь, когда ты уходила от нас, я вышел за тобой и плакал? Я упал на дорожную пыль и плакал, ударяя ногами по земле. Ты меня подняла, стряхнула пыль с моей одежды и поцеловала в лоб. Я как сегодня помню, как я плакал, лил слезы. Ты меня крепко обняла, и плакала вместе со мной.

«Нет, нет, не отпускаю!» - говорил я плача. Ты для меня была солнечным лучом, прозрачными каплями воды, чистым воздухом! И я остался в горести и печали. А ты, взяв небольшой сверток, и оглядываясь, ушла к перевалу Шыбак-Бель. Постепенно твой силуэт исчез. Ах, как горьки были мои слезы...

Много времени прошло с тех пор. Я сравниваю тебя с пери из сказок. Ты была такой веселой и доброй! Все село любовалось тобой. «Вот такую бы сноху каждой семье», - говорили все. А ты равнодушно смеялась и, подергивая черными длинными волосами, шла по улице.

Следы на сердце! Мы росли без отцов и матерей. Война повинна в этом. Но, мы были крепкими, любили трудиться, все пережили, победили. Всякие мысли приходят сейчас. Съездить что ли в Кок - Янгар? Узнала бы меня, моя женошка, если бы я зашел в продовольственный магазин, и ничего не

сказав о себе, встал в очередь с другими? Возможно, и такой день настанет, встретимся. Но, об этом расскажу позже.

Расстояние между моим родным селом и селом Орто-Азия около шестидесяти километров. Мы проходили эту дорогу через перевал пешком и летом, и зимой. Никто никогда не жаловался на трудности в дороге.

Весна 1944 года. Тогда мне было восемь-десять лет, но ни раз не перешагнул порог школы. Мои родители умерли, и я жил у кого приходилось. Потом отправился один пешком через перевал в Джалал-Абад в детдом. Я захотел повидаться с Аккыз жеңе и решил пройти через село Орто-Азия. Да и до города оттуда удобно было добраться. Был полдень. Она убирала двор.

«Если опоздаю, то переночую у нее дома» - подумал я. Их дом находился у дороги, и всех прохожих можно было увидеть. Я ее сразу узнал. «Жеңе!» - сказал я и, не осмелившись зайти, стоял возле дома. Она встала во весь рост, посмотрела на меня и, выбросив веник, побежала.

- Мой милый, маленький! Ты откуда взялся? - сказала она, присев на корточки обняла и поцеловала меня.

- Из дома иду. - сказал я, глядя на ноги. - Иду в город, в детдом!

Она промолчала. В ее глазах были и жалость, и переживание за свое бессилие помочь мне. Я почувствовал, что он не может оставить меня у себя, так как боится мужа. Я и не обижался на нее. Вот повидал ее, и стало легче. Мне показалось, что я встретился с самым близким человеком. Я чувствовал себя значительно лучше, как будто избавился от болезни.

Жеңешка искренне радовалась встрече со мной и, не зная, что делать, говорила не переставая:

- У кого ты живешь? Есть ли письмо от брата? Не сообщил ли, когда вернется?

Я отрицательно покачивал головой. Действительно, давно от брата не было писем. Она поправила мой рваный чапан.

- Маленький мой, любимый! — сказала она и рыдалась. — Что же теперь делать? Вот и встретились, и поговорили. Что еще сказать? Спасибо за то, что специально свернул с дороги и пришел поздороваться!

Женешка замолчала. Через некоторое время сказала:

- Подождите меня здесь! — и ушла домой. Вынесла хлеб.

- Проголодались, наверное! Возьмите, в дороге покушаете! — сказала, переходя на «вы». Больше ничего не смогла сказать. Поцеловала в лоб и пошла к дому.

В город добрался к вечеру. Переночевал в чайхане. На следующий день с помощью милиционера я устроился в детдоме. И в городе, оказывается, было не легче, чем в селе: нехватка продуктов, голод. Разница была лишь в том, что я имел крышу над головой, одет, обут. Но, жить можно.

В то время работали наравне с взрослыми. Делали все то, что могли. Сразу же после уроков отправлялся на работу. Каждому давали работу по возможности. Я сначала был учеником слесаря в инструментальном цехе. У нас не было перерывов, ни выходных дней.

Иногда ночевали прямо в цеху. Немного подремав возле станка, продолжали работать. В цеху было холодно, неделями не снимали с себя фуфайки.

Однажды в заводском клубе показали фильм «Два бойца». Пошли все детдомовцы. Нам очень понравилось. Особое впечатление фильм произвел, на нас, ребят. Я его и сейчас помню. Мы очень обрадовались, когда главный герой, которого играл артист Марк Бернес, остался жив. А еще интереснее, казалось нам, была музыка. Она нам особенно понравилась. Многие ребята сразу же после кино,

возвращаясь в детдом, пели песни этого фильма. Песню, исполненную Марком Бернесом, я тут же выучил наизусть. На следующий день – в школе, на работе и после смены, я напевал ее про себя. Кто-то об этом сообщил всем ребятам, и они начали просить:

- Эй, Аскер, пой громче, все хотят послушать!

- Если хочешь, можешь не работать, за тебя мы поработаем. Лишь бы ты пел для нас!

- Правильно! Правильно! – закричали все в цехе. – Твою норму мы отработаем!

Я согласился. И стал «Любимым певцом» цеха. И так меня все любили. Ведь я был самым младшим. Бушлат мой был велик, свисал ниже колен. Особенно мучили меня длинные рукава. Я их засучивал, но они опять свисали.

Я ставил в центре цеха табуретку, и, поднявшись на нее, пел во весь голос:

«Темная ночь, только пули свистят по степи...»

И я сам получал удовольствие от того, что мне удавалось хорошо спеть. Старые рабочие даже плакали. Мой товарищ по имени Валерий, живший со мной в одной комнате, когда я пел, подходил ко мне, клал руку на плечо и как взрослый с грустью говорил:

- Знаешь, Аскер, когда ты поешь, так грустно становится на душе, что хочется немедленно уехать на войну.

Эх, Марк Бернес! После этого меня стали называть «маленький Марк Бернес». Тогда я убедился в том, что песня и музыка дают человеку силы и окрыляют его.

Кончилась война. Я окончил среднюю школу. Меня направили в высшее учебное заведение. Теперь я – журналист!

Я ходил возле кинотеатра «Космос», расположенный в центре города и думал. Еще в годы войны здесь был кинотеатр. Его снесли и построили новый. Завтра надо ехать в Кок-Янгак. Есть задание

... Вся автоколонна была переброшена на выполнение срочного задания на автотрассу Ош-Памир. Не раз товарищи говорили:

- Дорога тяжелая, не для юнцов. Куда там! Молодой, горячий, он, Кузьмин, и слушать не захотел. Пустился в путь по незнакомым перевалам.

Вначале все шло хорошо. Первые машины пробивали широкую колею в глубоком снегу. Но вот, дорога уперлась в горы, запетляла между мрачными скалами. Все круче подъем. Ревут моторы. Бесконечные повороты. Справа борт царапают острые выступы, слева — бездна. Стоит взглянуть в пропасть, и сердце сжимает страх. Колеса обмотаны цепями. Но, это мало помогает. Из-под баллонов вылетают фонтаны мелкого льда. Машина еле двигается. Встречный ветер, перемешанный с мелким, сухим и колючим снегом, бьет в лобовое стекло. Ничтожная ошибка и не миновать пропасти! А там, далеко внизу, виднелись острые зубцы черных скал.

Первые сутки, вторые, третьи... Еще и еще сутки... Сон урывками. Наконец, самое страшное и трудное позади. Перед автоколонной раскинулась широкая пустынная долина. Напряжение спало. Ровная и прямая дорога укачивала. Усталость тяжело навалилась на плечи. Мучительно хотелось спать. Спать, спать, спать... Чтобы разогнать сон, выключил обогрев кабины. Холод полез изо всех щелей. На какое-то время стало легче.

Неожиданно машина тяжело осела на бок. Кузьмин выпрыгнул из кабины. Обошел машину. Диски правых задних баллонов глубоко врезались в покрышки. Лопнули два баллона. «Что делать? Позвать на помощь? Нет, справлюсь сам. Потом мигом догоню».

Кузьмин быстро поднял домкратом задний мост. Снял негодные баллоны. Первый запасной баллон легко сел на шпильки. Но, второй, почему-то стал упираться. Кузьмин поворачивал и так, и эдак. Ни в какую! «Что с ним случилось?» шофер сердился. Он подвел правую руку под низ баллона, левой взял

сверху, и с силой толкнул на диск. Рука хрустнула, и дикая нестерпимая боль молнией пронзила все тело.

Дорога, машина, далекие горы – все стало медленно поворачиваться перед глазами.

Кузьмин хотел закричать, но, душная черная волна заволокла сознание, забила рот. Он стал медленно опускаться на правый бок. Голова стукнулась об черную резину покрышки.

Прошло много времени, прежде чем к Кузьмину вернулось сознание. Слабо упершись левой рукой в снег, он хотел встать на ноги. Но, вновь почувствовал нестерпимую боль. Шофер не сразу понял, в чем дело. Но, когда увидел что домкрат лежит на боку, догадался. Установленный на обледенелой дороге из-за сильного толчка он выскользнул из-под заднего моста. И машина всей тяжестью придавила правую руку. Превозмогая боль, хотел дотянуться левой рукой до домкрата. Тщетно. Он лежал слишком далеко. «Что делать?» кругом ни души. Кто знает, что он беспомощный лежит здесь, за сотни километров от жилья, один на безлюдной дороге.

Неужели так и придется остаться здесь? ... Навсегда?

Внезапно к нему пришла мысль: «Надо отрезать руку. Другого выхода нет. Но, как? Чем? Если бы был нож!» - и тут вспомнил: «Ведь у него есть старый ножик, которым он открывал консервные банки, резал резину».

Кузьмин в кармане ватных брюк нащупал твердый предмет. Стиснув зубы, извернувшись, достал из правого кармана складной нож. Схватил зубами лезвие, левой рукой оттянул ручку. Послышался слабый щелчок.

Холодный пот выступил на лбу. Зажмурившись, полоснул ножом по придавленной руке. И вновь, как в первый раз, нестерпимая боль унесла сознание. Мертвая тишина. Ни звука. Тихо падают снежинки, запорашивая неподвижное тело водителя.

Сколько прошло времени, Кузьмин не помнил. Может быть, час... два... или день? Постепенно со-

знание вернулось, но, пошевелиться не было сил. Тупое безразличие овладело шофером.

Когда он потерял всякую надежду, скорей почувствовал, чем услышал, приглушенный шум мотора. Это был Джоробай. Молча выпрыгнув из кабины, он ни минуты не мешкая, подвел домкрат под задний мост. Поскрипывая, примерзшие колеса, стали медленно отрываться от земли. Джоробай осторожно поднял Кузьмина, усадил в кабину. Машина на предельной скорости понеслась по заснеженному тракту.

Джоробаю не раз казалось, что Кузьмин уже умер. Тогда он, не отрывая взгляда от дороги, просовывал руку под ватник и щупал сердце. Оно билось.

Внезапно послышался громкий стук. Машина остановилась. Джоробай понял: Старый газик не выдержал бешеной гонки. Лопнул карданный вал. Джоробай взвалил обмякшее тело Кузьмина на плечи и двинулся в путь. Ноша была тяжелая. Через несколько километров Джоробай услышал бормотание Кузьмина:

- Жора, куда меня несешь? Оставь... Брось... Ты уже выбился из сил. Давай сядем... Немного отдохнем.

Джоробай потом никогда не мог вспомнить, как дошел до деревни и постучал в первую дверь...

... Иван Петрович замолчал.

- А что потом? Вы перестали водить машину? - спросил Абылбек.

- Потом?... Я работал диспетчером в той же автобазе. Отправляя машины в рейс, с завистью смотрел им вслед. Но, это длилось недолго. Поступил в Политехнический институт. Окончил. И вот уже десять лет, как работаю начальником этой автобазы.

Телефонный звонок прервал рассказ. Иван Петрович повернувшись к столу, вполборота что-то громко говорил в трубку. Когда он закончил, Абылбека в кабинете не было. Замасленная бумажка тоже исчезла со стола.

*Перевел с киргизского:
Октябрь Джекшенов*

Мой Кавказский друг Бозуев Хаким.
Мы вместе закончили сш № 1 Ленинского
района Джалал-Абадской обл. Киргизской ССР
фото 1986 г

ПИСЬМА ОТ КАВКАЗСКОГО ДРУГА БОЗУЕВА ХАКИМА

«Здравствуй, мой лучший друг, Каримов Мажит! С горячим приветом к тебе, твой верный друг Хаким Бозуев. Мажит, я получил твое письмо и был очень взволнован, когда мне дали его. Я даже не знал, что делать от радости! Спасибо, Мажит, за то, что ты вспомнил и написал мне письмо. Давно мечтал переписываться с товарищами и друзьями, но у меня нет ни одного адреса. Мажит, какими судьбами? Как тебе объяснить, не знаю, в общем, у меня не было такой надежды, что когда-нибудь получу письмо от ребят, которые учились со мной. Мажит,

ты один из моих самых близких друзей. Из твоего письма я узнал о ребятах и о твоих делах.

Я надеюсь, в дальнейшем мы будем поддерживать связь, переписываться, будем сообщать о новостях. Мажит, теперь ты где находишься? Будешь работать в радиокомитете? Пиши подробно. Как идет твоя творческая работа? Теперь я напишу немного о себе. Я как уехал из Средней Азии, пришлось и экзамены сдавать, и работать. Профессий у меня, конечно, много в настоящее время. Я поступил в КБГУ, а потом забрали в армию, отслужил три года. После этого восстановили, и сейчас учусь заочно в отделении русско-балкарского языка и литературы. Сейчас на третьем курсе, после нового года сессия, экзамены и т.д., идет борьба за жизнь.

Работаю по специальности шофера на горной станции в Нальчике, и получаю неплохо. Это все временно. Работаю через день. Я сейчас строю новый дом, а транспорт свой надо то перевести, то отвести. Вот какие у меня дела. Кроме университета, еще учусь на двухгодичных курсах журналистов при Союзе писателей КБ. В свободное время занимаюсь спортом. Я пока холост. Дома все говорят тебе, спасибо, и передают такой же горячий привет. Сестра моя, ты знаешь Шуру, она уже замужем четвертый год уже, у них один мальчик, ему три с половиной года.

А Созоев Зейит, если ты не забыл, работает зоотехником после техникума. Женился, у него есть ребенок. Меня с первого курса направляли работать в школу, учителем начальных классов. Как окончу третий курс, перейду на другую работу. Мажит, в Нальчике очень хорошо, считается курортной зоной, сюда люди из всех концов страны приезжают отдыхать. И можно встретить узбеков, казаков, кыргызов. Приезжай, друг мой, посмотришь мою Родину, и отдохнешь, и погуляешь. Особенно летом, как прекрасно! Приезжай, друг мой!»

С приветом Хаким Бозуев. 25.10.1965 год.

* * *

«Привет из Нальчика! Здравствуй, дорогой друг, Мажит! С горячим приветом тебе и твоей семье, твой друг Хаким. Разреши, во-первых, сообщить, что получил твое письмо 16 января и был очень встревожен, прочитав из письма много новостей. Мажит, новости-то меня радуют, но, огорчает одно, твое здоровье. Не может быть, что морально и физически крепкий человек, поддавался какой-нибудь болезни. Ты должен держаться, как сталь крепким и сильным. Но, Мажит, я понимаю, твоя болезнь — это от переутомления, в частности ночные и дневные, писанины без отдыха. Человек-то не машина, надо отдыхать. Переутомление даст тебе отрицательные результаты, этот конечно понятно, но иногда без этого тоже трудно. Мажит, мой тебе совет, береги здоровье, если будет здоровье, то будет и все остальное. Я очень рад, что твой сын Айбек и дочь Айгуль растут жизнерадостными, дай Бог им счастья, тебе и жене Кымбат!

Да, друг мой, ты пишешь, что живешь в частной квартире, это конечно плохо, я понимаю. Ты, друг мой, очень много новостей рассказал мне, я даже не знаю, куда девать столько новостей. Даже не найду слов, которые могли бы выразить мою радость.

Я просто рад, что мои друзья, товарищи стали учителями, инженерами, механиками, журналистами и писателями, просто молодцы! Мажит, твои успехи в области литературы очень хорошие. Я желаю тебе еще больших успехов в дальнейшем. Я с удовольствием хотел бы прочитать твои очерки и рассказы, а именно, написанные твоими руками книги. Если можно будет, как старому другу, когда-нибудь подаришь свою книгу?

Мажит, когда я получил от тебя первое письмо, я встретил Зейита Созоева и рассказал ему об этом. Он очень удивился, что ты нашел мой адрес и передал тебе привет. Ты, возможно, забыл Салиха Гур-

туева? Он в прошлом году окончил КБГУ, отделение литературы. Работал примерно год, после перевели в районную газету редактором. Сейчас работает там, имеет служебную машину. Он недавно женился, выпустил два небольших по объему сборника стихов. Мажит, я очень хочу услышать голос Киргизии, но не всегда получается. Когда из Москвы, хорошо слышно. А так, ловить просто невозможно. Большие помехи. Кавказские хребты не дают возможность. Мажит, я тебе выслал свою фотографию, прими от старого друга.

Пока на этом я заканчиваю. Пиши, не забывая наши школьные годы.

С приветом Бозуев Хаким. Адрес: г. Нальчик, село Белая речка. 17.01.1966 г.»

* * *

«Привет тебе с гор Кавказа! Здравствуй, мой друг, Мажит! От всего сердца шлю горячий, пламенный привет тебе и твоей семье! Друг мой, я получил твое письмо, за которое большое спасибо, что ты меня не забываешь и пишешь письма. Я очень рад, что тебе стало лучше и в семье все в порядке. И еще радостнее становится, когда у моего друга есть творческие успехи. Я рад слышать, у тебя родилась идея написать повесть или роман. Мажит, ты очень трудолюбивый человек, очень настойчиво борешься за свой талант. Я уверен, рано или поздно, но после больших трудов, головоломок ты все равно достигнешь своего, и доберешься до вершин!

*С сердечным приветом твой друг, Хаким.
23.04.1966 г.»*

* * *

«Привет из Кавказа! Да, Мажит дос, спустя десять лет я сегодня читаю твои рассказы. Мне очень понравился твой рассказ, очень хорошо написал.

Желаю занять первое место на конкурсе! Мажит, ты так со мной откровенно ведешь разговор, я очень доволен и за признание как близкого человека, большое спасибо. Много писать вредно, старайся побольше отдыхать. Пока, до свидания, до следующего письма».

Твой друг, Хаким. 21.03.1966 г.

* * *

«Здравствуй, дорогой Мажит! Я получил две твоих бандероли, т.е. три экземпляра книг, которые вышли в свет. Первую книгу получил раньше, а вторую недавно. Предварительно уже обговорил со многими товарищами о переводе на балкарский язык, и выпустить отдельным изданием. Я говорил с редактором журнала «Дружба», который выходит на балкарском языке. Потом я поговорил с Гуртуевым Салихом, он обещает помочь и сказал, чтобы я начал переводить. Я думаю, если мне удастся выпустить отдельным изданием, то можем периодически печатать отрывками в газете «Коммунизмге жол». Вот такие дела о переводе. Перевод буду делать сам. Я думаю, из этих двух экземпляров, один отдам Салиху Гуртуеву, а другой Анару Улакову. Они тоже поздравляют тебя!

С приветом, Хаким 5.03.1974 г.

* * *

«Здравствуй, Мажит дос! Я получил журнал «Ала-Тоо» и очень обрадовался за твое второе произведение. Сразу начал читать. Чувствуется, что второе произведение сравнительно с первым, на высшем уровне и по содержанию, и по смыслу. Перевод идет у меня пока нормально, но еще не закончил.

*С приветом, твой друг, Хаким.
5 января 1975 г.»*

ОТ АВТОРА

Наша юность была трудной и беспокойной. Мы видели то, что нынешнее поколение судит теперь только по книгам и кино. Мы рано поняли, как вкусен ломоть черного хлеба, рано познали горечь утрат. Повзрослев в июне 1941 года, сразу на несколько лет, мы еще надолго оставались в душе мальчишками, романтиками и мечтателями. Мальчишеские мечты согревали нас в запорошенных снегом окопах, укрепляя нашу веру в добро и справедливость. Наша юность неповторима. И быть может, именно поэтому мы так часто обращаемся в своих произведениях к нашей юности – беспокойной, но прекрасной.

Да, я вспомнил свои далекие минувшие дни. И когда вспоминают эти дни, сразу начинают болеть старые раны в моем сердце. Это было тридцать лет назад, т.е. мы праздновали тогда тридцатилетие Победы Великой Отечественной войны. А сейчас 2005 год, год шестидесятилетия Великой Победы.

Да, действительно, во время войны нам жить было очень трудно, тяжело. День и ночь трудились вместе со взрослыми. Рано вставали, поздно ложились спать. Каждый из нас молил Бога и глубине души повторяли эти священные слова: «Бог есть, мы верим в Бога! Мы верим в себя! Мы верим в хороших людей, в добро и справедливость! И всегда будем верить в это, потому что они есть. Значит, Победа будет за нами!»

Эта вера дала нам мужество, храбрость, пламенные мечты в будущее и закаляла нас как сталь. Мы постарались и в такой момент получить глубокие знания. Наши ровесники-современники все были дисциплинированными, послушными, трудолюбивыми, верными помощниками старших. Когда идет урок, сидели тихо, внимательно слушали, улавливали каждое слово учителя. Мы уважали, любили

своих учителей. Они относились к нам хорошо, говорили вежливо, одевались скромно, чисто. Хорошо объясняли свой предмет, но и своим хорошим поведением, были примерами для нас. Как хорошо, что у человека есть высшее образование, интеллект, чистая душа! Мы тоже хотели быть такими, какими были они. Мы завидовали им. Мы мечтали, говорили, толковали между собой только о хорошем, о будущем.

Да, безусловно, тогда человеческая совесть, ум, строгая дисциплина, крепкая дружба и по сей день живет и процветает в наших душах, глубоко в сердце! Мы очень рано узнали, что такое хорошо, что такое плохо.

Я выпустил в свет 10 прозаических книг. Содержание этих произведений о судьбе подростков того времени. В 1945 году мне и моим землякам- ровесникам Эргешеву Тажибаю, Жолдошеву Аскар- ру, Акматову Кадырбеку, Топчубаеву Илманкулу, Каримову Кобаю, Абдыкадырову Калдарбеку, Муратову Мойдуну было 7-10 и 10-11 лет. Мы все росли без отцов, братьев, они все ушли на фронт. Мы жили и учились в школе-интернате. Да, тяжело было нам жить, мучились от голода и холода!

Я хорошо помню и никогда не забуду и кавказских друзей-одноклассников, ныне заслуженного работника внутренних дел Кабардин – Балкарии, Бозуева Хакима, зоотехника Созоева Зейита, поэта-журналиста Гуртуева Салиха, заслуженного журналиста Улакова Анара, и учителя Улакова Хадиса. В 1953-56 года мы учились вместе в Ленин-Джольской средней школе №1 Ленинского ныне Ноокатского района Джалал-Абадской области Кыргызской ССР. В одном классе было тридцать пять учеников, из них пять девочек разных национальностей. После окончания средней школы разошлись в разные уголки страны. Впереди были новые испытания, но, ни один из нас не представлял какие?! Каждый по-своему искал путь к счастью.

